

84(3) СТСЕЛЛЕР НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС
K775

МАЙКЛ КРАЙТОН

ЗУБЫ ДРАКОНА

2420082

МАЙКЛ КРАЙТОН

•

МАЙКЛ
КРАЙТОН
ЗУБЫ ДРАКОНА

Москва
2018

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К77

Michael Crichton

DRAGON TEETH

Copyright © Crichton Sun, LLC 2017

Обложка: Will Staehle

Крайтон, Майкл.
К77 **Зубы дракона / Майкл Крайтон ; [пер. с англ. А. Овчинниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).**

ISBN 978-5-04-090545-4

Майкл Крайтон — автор ряда бестселлеров №1 по версии «Нью-Йорк таймс», получивших всемирную известность. Его книги разошлись общим тиражом более 200 миллионов экземпляров. По романам Крайтона сняты «Парк Юрского периода» и нашумевший сериал «Мир Дикого Запада». А телеканал «National Geographic» уже работает над сериалом по мотивам «Зубов дракона».

США, 1876 год. Студент Уильям Джонсон в запале заключил пари и теперь должен отправиться с университетским профессором на поиски костей ископаемых животных — на Запад, в земли, где правительство ведет с индейцами войну на уничтожение, а суровые золотоискатели противостоят бандам головорезов. Но Джонсон не подозревает, что это далеко не все опасности, которые его ждут...

**УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-04-090545-4

© Овчинникова А.Г., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Эта книга — вымысел. Упоминания о реальных людях, событиях, учреждениях, организациях и местах нужны здесь лишь для того, чтобы придать вымыслу ощущение достоверности.

Все персонажи, происшествия и диалоги — плод воображения автора, их не следует считать реальными.

Вступление

На ранней фотографии Уильям Джонсон запечатлен красивым молодым человеком с кривоватой наивной улыбкой. Воплощение ленивого безразличия, он стоит, прислонившись к стене здания в готическом стиле. Он высокий парень, но как будто не пользуется своим ростом, чтобы произвести впечатление. Снимок помечен «Нью-Хейвен, 1875» — очевидно, его сделали после того, как Джонсон покинул дом, чтобы начать учебу в Йельском университете.

На более позднем снимке, помеченном «Шайенн, Вайоминг, 1876», Джонсон выглядит совсем по-другому. Его рот обрамляют усы, он стал более крепким и мускулистым, челюсти крепко сжаты; он уверенно стоит, расправив плечи и широко расставив ноги, причем по щиколотку в грязи. На верхней губе ясно виден странный шрам, который, как заявлял он в последующие годы, был получен во время нападения индейцев.

Нижеследующая история рассказывает о том, что произошло в промежутке между этими двумя фотографиями.

За дневники и записные книжки Уильяма Джонсона я в долгу перед поместьем У. Дж. Т. Джонсона, особенно — перед внучатой племянницей Джонсона, Эмили Силлиман, которая разрешила мне пространно ци-

тировать неопубликованные материалы. Значительная часть фактов из записей Джонсона появлялась в печати в 1890 году, во время ожесточенных битв за первенство между Копом и Маршем¹ — битв, в которые в конце концов было вовлечено правительство Соединенных Штатов. Но сам текст и даже отрывки из него никогда до сего дня не публиковались.

¹ В 1870—1890-х гг. между учеными Г.Ч. Маршем и Э.Д. Копом шла ожесточенная и грязная борьба за первенство в области поиска и изучения ископаемых останков, получившая название Костяных войн, или Великой гонки за динозаврами. Именно творческая переработка этих событий положена Крайтоном в основу настоящего романа.

Часть первая

ЭКСПЕДИЦИЯ
НА ЗАПАД

100-443614-1
 100-443614-2
 100-443614-3
 100-443614-4
 100-443614-5
 100-443614-6
 100-443614-7
 100-443614-8
 100-443614-9
 100-443614-10
 100-443614-11
 100-443614-12
 100-443614-13
 100-443614-14
 100-443614-15
 100-443614-16
 100-443614-17
 100-443614-18
 100-443614-19
 100-443614-20
 100-443614-21
 100-443614-22
 100-443614-23
 100-443614-24
 100-443614-25
 100-443614-26
 100-443614-27
 100-443614-28
 100-443614-29
 100-443614-30
 100-443614-31
 100-443614-32
 100-443614-33
 100-443614-34
 100-443614-35
 100-443614-36
 100-443614-37
 100-443614-38
 100-443614-39
 100-443614-40
 100-443614-41
 100-443614-42
 100-443614-43
 100-443614-44
 100-443614-45
 100-443614-46
 100-443614-47
 100-443614-48
 100-443614-49
 100-443614-50
 100-443614-51
 100-443614-52
 100-443614-53
 100-443614-54
 100-443614-55
 100-443614-56
 100-443614-57
 100-443614-58
 100-443614-59
 100-443614-60
 100-443614-61
 100-443614-62
 100-443614-63
 100-443614-64
 100-443614-65
 100-443614-66
 100-443614-67
 100-443614-68
 100-443614-69
 100-443614-70
 100-443614-71
 100-443614-72
 100-443614-73
 100-443614-74
 100-443614-75
 100-443614-76
 100-443614-77
 100-443614-78
 100-443614-79
 100-443614-80
 100-443614-81
 100-443614-82
 100-443614-83
 100-443614-84
 100-443614-85
 100-443614-86
 100-443614-87
 100-443614-88
 100-443614-89
 100-443614-90
 100-443614-91
 100-443614-92
 100-443614-93
 100-443614-94
 100-443614-95
 100-443614-96
 100-443614-97
 100-443614-98
 100-443614-99
 100-443614-100

103

4.

10

6

- 4 -

1

1

• **1** **2** **3**

2

...

2

Юный Джонсон присоединяется к экспедиции на Запад

Уильям Джейсон Тертуллий Джонсон, старший сын судостроителя из Филадельфии Сайласа Джонсона, поступил в Йельский университет осенью 1875 года. По словам его директора в Экстере, Джонсон был «одаренным, привлекательным, спортивным и способным» учеником. Но директор добавлял, что Джонсон также «упрям, ленив и крайне избалован и отличается безразличием к любому побудительному мотиву, кроме собственного удовольствия. Если он не найдет своей цели в жизни, он рискует недостойным образом скатиться в праздность и порок». Эти слова могли бы послужить описанием тысяч молодых людей Америки конца девятнадцатого века, молодых людей с устрашающими, предприимчивыми отцами, с большими деньгами и без определенного времяпровождения.

Во время первого года в Йеле Уильям Джонсон исполнил предсказание своего директора. В ноябре ему назначили испытательный срок за азартные игры, а в феврале сделали это снова после того, как он сильно напился и разбил витрину торговца в Нью-Хейвене.

Сайлас Джонсон оплатил счет.

Несмотря на такое безрассудное поведение, Джонсон держался вежливо и даже застенчиво с женщинами своего возраста, потому что до сих пор ему с ними не везло. Женщины же, со своей стороны, несмотря на строгое воспитание, находили причины искать его внимания. Од-

нако во всех остальных отношениях он оставался нераскаявшимся грешником.

В том же году солнечным днем ранней весны Джонсон разбил яхту своего товарища по комнате — он налетел на мель, ведя ее вокруг Лонг-Айленда. Судно затонуло за несколько минут; Джонсона спас проходивший мимо траулер. Когда его спросили, что произошло, он признался недоумевающим рыбакам, что не умеет ходить под парусом, потому что «учиться этому так скучно. И в любом случае дело кажется довольно простым». Во время стычки с соседом по комнате Джонсон сознался, что взял яхту без разрешения, поскольку «искать тебя было слишком хлопотно».

Оказавшись лицом к лицу со счетом за погибшую яхту, отец Джонсона пожаловался своим друзьям, что «стоимость обучения юного джентльмена в Йеле в наши дни разорительно высока».

Отец Джонсона был серьезным сыном шотландского иммигранта и прилагал все усилия, чтобы скрыть выходы своего отпрыска; в письмах он не раз убеждал Уильяма найти какую-нибудь цель в жизни. Но избалованного Уильяма как будто вполне устраивало такое легкомыслие, и, когда он объявил, что собирается провести предстоящее лето в Европе, его отец заявил: «Перспектива этого наполняет меня крайним финансовым ужасом».

Поэтому семью Уильяма удивило, что летом 1876 года тот внезапно решил отправиться на Запад. Джонсон никогда открыто не объяснял, почему изменил свои планы, но в Йеле близкие к нему люди знали, в чем тут причина. Он решил отправиться на Запад из-за пари.

Вот его собственные слова из дневника, который он скрупулёзно вел: «У каждого молодого человека, наверное, в тот или иной момент жизни есть главный соперник, и в мой первый год в Йеле у меня тоже появился

такой. Гарольд Ганнибал Марлин был моим ровесником, ему было восемнадцать лет. Красивый, спортивный, с хорошо подвешенным языком, купающийся в деньгах, он к тому же явился из Нью-Йорка, который считал во всех отношениях выше Филадельфии. Я считал его невыносимым. Он отвечал мне взаимными чувствами. Мы с Марлином соперничали везде: в аудитории, на игровом поле, в ночных студенческих проказах. Не было ничего, в чем мы бы не состязались. Мы непрерывно спорили, всегда придерживаясь противоположных точек зрения.

Однажды вечером, за ужином, он сказал, что будущее Америки лежит в развитии Запада. Я ответил, что ничего подобного: будущее великой нации вряд ли может основываться на обширной пустыне, населенной дикими туземными племенами. Он возразил, что я сам не знаю, о чем говорю, потому что ни разу там не бывал. То был больной вопрос — Марлин и вправду побывал на Западе, добирался по меньшей мере до Канзас-сити, где жил его брат, и никогда не упускал случая выказать свое превосходство, стоило речи зайти о путешествиях. Мне ни разу не удавалось его в этом побить.

— Отправиться на Запад — плевое дело. На это способен любой дурак, — сказал я.

— Но ни один дурак туда не отправился... По крайней мере ты — нет.

— У меня никогда не было ни малейшего желания туда ехать, — ответил я.

— Я тебе скажу, что я думаю, — заявил Ганнибал Марлин, оглядевшись, чтобы проверить, слушают ли остальные. — Я думаю, ты боишься.

— Абсурд.

— О да! Тебе больше подходит милая прогулочка в Европу.

— В Европу? Европа — для стариков и сухих ученых.

— Помяни мое слово, нынче летом ты отправишься путешествовать по Европе. Может быть, с зонтиком от солнца.

— Если я туда и поеду, это не значит...

— Ага! Видите? — Марлин повернулся к собравшимся за столом. — Боится. Боится.

Он улыбнулся понимающей, снисходительной улыбочкой, которая заставила меня возненавидеть его и не оставила мне выбора.

— Вообще-то, — холодно проговорил я, — я уже решил нынче летом съездить на Запад.

Это застало его врасплох; его самодовольная улыбка застыла.

— А?

— Да, — сказал я. — Я еду с профессором Маршем. Он каждое лето берет с собой группу студентов.

На прошлой неделе в газете появлялось это смутно запомнившееся мне объявление.

— Что? Старый толстый Марш? Профессор костей?

— Верно.

— Ты отправляешься с Маршем? Условия в его группе спартанские, и, говорят, он заставляет парней немилосердно работать. Это совсем не в твоём духе. — Марлин прищурился. — Когда уезжаешь?

— Он еще не назвал нам дату.

Марлин улыбнулся:

— Ты никогда в глаза не видел профессора Марша и никогда с ним не поедешь.

— Поеду.

— Не поедешь.

— Говорю тебе, это уже решено.

Марлин вздохнул в своей покровительственной манере:

— У меня есть тысяча долларов, которая говорит, что ты не поедешь.

За столом к нему уже переставали прислушиваться, но теперь он вернул себе всеобщее внимание. Тысяча долларов была внушительной суммой в 1876 году, даже если просто переходила от одного богатого мальчишки к другому.

— Тысяча долларов говорит, что ты не отправишься на Запад с Маршем нынче летом, — повторил Марлин.

— Да, сэр, пари принято, — отозвался я.

И в тот же миг осознал, что, пусть и не своей вине, теперь я целое лето проведу в какой-то ужасной жаркой пустыне в компании известного психа, выкапывая старые кости».

Марш

Помещения профессора Марша находились в музее Пибоди в кампусе Йеля. На тяжелой зеленой двери большими белыми буквами было написано: «Проф. Г. Ч. Марш. Прием посетителей только по предварительной записи».

Джонсон постучал. Ответа не последовало, поэтому он постучал снова.

— Уходите!

Джонсон постучал в третий раз.

В центре двери открылось маленькое окошко, и в нем появился глаз.

— В чем дело?

— Мне нужно повидаться с профессором Маршем.

— Но нужно ли *ему* повидаться с вами? — спросил глаз. — Я в этом сомневаюсь.

— Я по объявлению.

Джонсон поднял газету с объявлением, опубликованным на прошлой неделе.

— Простите, вы опоздали. Все места заняты.

Дверное окошечко захлопнулось.

Джонсон не привык, чтобы ему в чем-нибудь отказывали, тем более в дурацкой поездке, в которую он вообще не хотел отправляться. Он сердито пнул дверь и уставился на экипажи, едущие по Уитни-авеню. Но на кону стояли его гордость и тысяча долларов, и, взяв себя в руки, он вежливо постучал снова.

— Простите, профессор Марш, но мне очень нужно отправиться с вами на Запад.

— Молодой человек, куда вы должны отправиться, так это вон отсюда. Уходите.

— Пожалуйста, профессор Марш. Пожалуйста, позвольте мне присоединиться к вашей экспедиции.

Джонсона ужасала мысль об унижении перед Марлином, и он говорил сдавленным голосом, с глазами, полными слез:

— Пожалуйста, выслушайте меня, сэр. Я буду делать все, что вы скажете, я даже обеспечу собственное снаряжение.

Окошко снова открылось.

— Молодой человек, все обеспечивают собственное снаряжение и делают все, что я говорю, — кроме вас. Вы являете собой недостойное зрелище. — Глаз выглянул в окошечко. — А теперь уходите.

— Пожалуйста, сэр, вы должны меня взять.

— Если бы вы хотели отправиться в экспедицию, вам следовало бы отозваться на объявление на прошлой неделе. Все так и поступили. На прошлой неделе мы набрали кандидатов, и теперь у нас есть все, кроме... Вы, случайно, не фотограф?

Джонсон увидел шанс и моментально за него ухватился:

— Фотограф? Да, я фотограф, сэр! Я и вправду фотограф.

— Что ж. Надо было сразу так и сказать. Входите.

Дверь широко распахнулась, и Джонсон впервые увидел тучного, могучего, внушительного Гофониила Ч. Марша, первого профессора палеонтологии Йеля. Среднего роста, он выглядел толстым, но, похоже, наслаждался цветущим здоровьем.

Марш повел Джонсона в музей. В воздухе была расеяна известь, и солнечные лучи пронзали его, как в кафедральном соборе. В громадном, похожем на пещеру помещении Джонсон увидел людей в белых лабораторных халатах — согнувшись над огромными кусками камня, они маленькими зубилами высвобождали кости из камней. Он заметил, что они работают осторожно и очищают места, над которыми трудятся, маленькими кисточками. В дальнем углу собирали громадный скелет, и каркас костей поднимался к потолку.

— *Giganthopus marshiensis*¹, мое коронное достижение, — сказал Марш, кивнув на возвышающуюся там костяную тварь. — В смысле к настоящему времени. Я обнаружил ее в семьдесят четвертом, на территории Вайоминг. Я уверен, что это именно «она». Как вас зовут?

— Уильям Джонсон, сэр.

— Чем занимается ваш отец?

— Мой отец занимается судами, сэр.

Меловая пыль висела в воздухе; Джонсон закашлялся.

Марш подозрительно сощурился:

— Вы нездоровы, Джонсон?

— Нет, сэр, абсолютно здоров.

— Я не могу терпеть рядом с собой больных.

— У меня превосходное здоровье, сэр.

Марша это, похоже, не убедило:

— Сколько вам лет, Джонсон?

¹ Непонятно, какое животное, открытое Маршем, имел здесь в виду автор.

— Восемнадцать, сэр.

— И сколько лет вы занимаетесь фотографией?

— Фотографией? О... Э-э... С юности, сэр. Мой, э-э...

Мой отец делал снимки, и я научился у него, сэр.

— У вас есть собственное оборудование?

— Да... Э-э... Нет, сэр, но я могу его получить. У моего отца, сэр.

— Вы нервничаете, Джонсон. С чего бы?

— Мне просто очень хочется отправиться с вами, сэр.

— Вот как...

Марш уставился на него так, будто Джонсон был любопытным анатомическим образцом. Чувствуя себя неловко под этим взглядом, Джонсон попытался сделать комплимент:

— Я слышал о вас столько захватывающих историй, сэр.

— В самом деле? И что же вы слышали?

Джонсон заколебался. По правде говоря, он слышал лишь, что Марш — одержимый, целеустремленный человек, обязанный своим положением в институте маниакальному интересу к ископаемым костям и своему дяде, знаменитому филантропу Джорджу Пибоди, который финансировал музей Пибоди, профессорскую должность Марша и ежегодные экспедиции профессора на Запад.

— Только то, что студенты считают привилегией и приключением сопровождать вас, сэр.

Мгновение Марш молчал.

— Мне не нравятся комплименты и пустая лесть, — в конце концов сказал он. — Мне не нравится, когда ко мне обращаются «сэр». Можете звать меня «профессор». Что касается привилегии и приключений, я предлагаю чертовски трудную работу, очень много такой работы. Но вот что я скажу: все мои студенты возвращаются назад живыми и здоровыми. А теперь... Почему вы так сильно хотите поехать?

— По личным причинам, сэ... профессор.

— Все причины — личные, Джонсон. Я спрашиваю, каковы они у вас.

— Ну, меня интересует изучение ископаемых, профессор.

— Интересует? Вы говорите, вас интересует? Молодой человек, эти ископаемые... — Марш широким жестом обвел комнату, — эти ископаемые не располагают к интересу. Они располагают к страстной приверженности, к религиозному пылу и научным размышлениям, они располагают к жарким беседам и спорам, а от простого интереса они не преуспеют. Да-да, уж простите. Да-да, так и есть.

Джонсон испугался, что из-за случайного замечания упустил свой шанс, но настроение Марша снова быстро изменилось; он улыбнулся и сказал:

— Неважно. Мне нужен фотограф, и вы можете поехать.

Он протянул руку, и Джонсон ее пожал.

— Откуда вы, Джонсон?

— Из Филадельфии.

Это название оказало на Марша удивительное воздействие. Он уронил руку Джонсона и сделал шаг назад.

— Филадельфия! Вы... вы... вы из Филадельфии?

— Да, сэ, а с Филадельфией что-то не так?

— Не зовите меня «сэр»! И ваш отец занимается судами?

— Да.

Лицо Марша побагровело, он затрясся от ярости:

— Полагаю, вы к тому же еще и квакер?¹ А? Квакер из Филадельфии?

¹ Квакеры — «Религиозное общество друзей», изначально протестантская религиозная организация, впоследствии ставшая объединять верующих самых различных направлений. Такой добродетели, как смирение, квакеры после XVIII в. приписывают особенное значение.

- Нет, вообще-то я методист¹.
- Разве это не очень близко к квакерству?
- Думаю, нет.
- Но вы живете в том же городе, что и он.
- Кто — он?

Марш замолчал, нахмурился, глядя в пол, а потом сделал еще одно внезапное движение, повернувшись всем тучным телом. Для такого крупного мужчины он был удивительно подвижным и спортивным.

— Неважно, — сказал, снова улыбаясь. — Я не состою в ссоре ни с одним жителем Города братской любви², что бы им ни вздумалось болтать. Однако вы, полагаю, задаетесь вопросом: куда именно нынешним летом моя экспедиция отправляется искать ископаемых?

Такой вопрос никогда не приходил Джонсону в голову, но, чтобы выказать надлежащий интерес, он ответил:

— Да, мне слегка любопытно.

— Догадываюсь, что вам любопытно. Да, догадываюсь. Что ж, это секрет. — Марш подался ближе к Джонсону и прошипел эти слова ему в лицо: — Вы понимаете? Секрет. И он останется секретом, известным только мне, пока мы не окажемся в поезде, идущем на Запад. Вам все понятно?

Джонсон отпрянул, столкнувшись с такой горячностью:

— Да, профессор.

— Если ваша семья пожелает узнать, какова цель вашего путешествия, скажите им — Колорадо. Это неправда, потому что в нынешнем году мы не едем в Колорадо. Но какая разница, ведь у вас все равно не будет связи

¹ Методистская церковь — направление в протестантизме, отчасти опирающееся на нормы Англиканской церкви, от которой откололось в XVIII в.

² «Филаделфия» по-гречески — «братская любовь»; так называли город основавшие его квакеры.

с семьей, и Колорадо — восхитительное место, чтобы там быть. Понимаете?

— Да, профессор.

— Хорошо. А теперь: мы отправляемся четырнадцатого июня с Центрального вокзала Нью-Йорка. Возвращаемся не позднее первого сентября на тот же самый вокзал. Повидайтесь завтра с секретарем музея, он даст вам список провизии, которую следует приобрести... А в вашем случае, конечно, следует запастись еще и фотографическим оборудованием. Вам будет позволено взять запасы, достаточные для сотни фотографий. Вопросы есть?

— Нет, сэр. Нет, профессор.

— Тогда увидимся на платформе четырнадцатого июня, мистер Джонсон.

Они коротко пожали друг другу руки. Рука Марша была холодной и влажной.

— Спасибо вам, профессор.

Джонсон повернулся и направился к двери.

— Эй, эй, эй! Что вы делаете?

— Ухожу.

— Один?

— Я могу найти дорогу к...

— Никому, Джонсон, не разрешается ходить здесь без сопровождения. Я не дурак, я знаю, что есть лазутчики, которые рвутся увидеть последние наброски моих статей или последние извлеченные из камня кости. Мой ассистент, мистер Гэлл, проводит вас к выходу.

Услышав свое имя, худой осунувшийся человек в лабораторном халате положил зубило и пошел вместе с Джонсоном к двери.

— Он всегда такой? — прошептал Джонсон.

— Приятная погода, — сказал Гэлл и улыбнулся. — Доброго вам дня, сэр.

И Уильям Джонсон снова очутился на улице.

Обучение фотографии

Больше всего на свете Джонсону хотелось избавиться от условий заключенного пари и от приближающейся экспедиции. Марш явно был сумасшедшим высокой пробы и, возможно, опасным. Джонсон решил снова отужинать с Марлином и каким-нибудь образом отделаться от пари.

Однако вечером, к своему ужасу, он узнал, что пари уже стало знаменитым. О нем знали по всему институту, и в течение всего ужина люди подходили к столу Джонсона, чтобы поговорить об этом, отпустить комментарий или шутку. Пойти на попятную теперь было невысказано.

Джонсон понял, что он обречен.

На следующий день он отправился в лавку мистера Карлтона Льюиса, местного фотографа, который предлагал двадцать уроков своего ремесла за возмутительную сумму в пятьдесят долларов.

Новый ученик удивил мистера Льюиса: фотография была занятием не для богача, а скорее ненадежным бизнесом для человека, у которого не имелось капиталов, чтобы зарабатывать на жизнь более престижными способами. Даже с Мэттью Брэди, самым знаменитым фотографом современности, летописцем Гражданской войны, человеком, фотографировавшим политиков и президентов, сидевшие перед ним выдающиеся личности всегда обращались всего лишь как со слугой.

Но Джонсон остался непреклонен и за несколько недель изучил искусство этого метода запечатления мира, вывезенного из Франции сорок лет назад телеграфистом Самюэлем Морзе.

Тогда в ходу была техника «мокрых пластин»: в темной комнате или палатке быстро смешивались свежие химикалии, и стеклянные пластины покрывались липкой светочувствительной эмульсией. Потом только что изготовленные пластины спешно несли к камере, и сцена экспонировалась, пока они оставались влажными. Требо-

налось немалое мастерство, чтобы приготовить ровно покрытую пластину, а потом экспонировать ее, прежде чем она высохнет; в сравнении с этим следующий этап — проявление — был уже легким.

Учение давалось Джонсону с трудом. Он не мог достаточно быстро выполнить нужные шаги в том неприужденном ритме, в каком выполнял их учитель; его первые эмульсии получались или слишком густыми, или слишком жидкими, или слишком мокрыми, или слишком сухими; на пластинах оставались пузырьки и потеки, делавшие фотографии непрофессиональными. Он ненавидел тесный выгородок для манипуляций, темноту и вонючие химикалии, которые раздражали его глаза, оставляли на пальцах пятна и прожигали одежду. А больше всего он ненавидел тот факт, что не может легко овладеть ремеслом. И ненавидел мистера Льюиса, имевшего склонность к философствованию.

— Вы ожидаете, что все будет легко, потому что вы богач, — посмеивался Льюис, наблюдая, как Джонсон неумело обращается с пластиной и ругается. — Но пластине плевать, насколько вы богаты. Химикалиям плевать, насколько вы богаты. Линзам плевать, насколько вы богаты. Сперва вы должны научиться терпению, если вообще хотите чему-нибудь научиться.

— Черт бы вас побрал, — отвечал раздраженный Джонсон.

Этот человек был всего лишь необразованным лавочником, а вел себя так, будто он здесь хозяин.

— Проблема не во мне, — не обижаясь, отвечал Льюис. — Проблема в вас. Ну ладно, попробуйте снова.

Джонсон скрипнул зубами и выругался себе под нос.

Но шли недели, и у него начало получаться все лучше. К исходу апреля его пластины были одинаково густо покрыты эмульсией, и он работал достаточно быстро, чтобы добиться хорошей экспозиции. Его пластины ста-

ли четкими и резкими, и он с удовлетворением показал их учителю.

— И чему вы радуетесь? — спросил мистер Льюис. — Эти фотографии отвратительны.

— Отвратительны? Да они идеальны!

— Технически идеальны, — ответил Льюис, пожимая плечами. — Что означает лишь одно: вы знаете достаточно, чтобы начать учиться фотографии. Полагаю, с самого начала вы именно за этим ко мне и пришли.

Теперь Льюис учил его деталям экспозиции, капризам диафрагмы, фокусному расстоянию, глубине резкости. Джонсон был в отчаянии, ведь ему столько еще следовало узнать!

«Снимай портреты с широко открытым объективом и короткой выдержкой, потому что широко открытые объективы придают мягкость, которая льстит фотографируемому». И еще: «Снимай пейзажи, затемняя линзу диафрагмой с длинной выдержкой, потому что люди желают видеть одинаково четкими и дальние, и ближние части ландшафта».

Джонсон научился менять контрастность, изменяя выдержку и время последующего проявления. Он научился размещать на свету фотографируемые объекты, научился по-разному составлять эмульсии в солнечные и сумрачные дни. Он много трудился и делал об этом в своем дневнике подробные записи... Но в придачу оставлял там жалобы.

«Я презираю этого человечка, — говорится в одной характерной записи, — и все-таки отчаянно хочу услышать, как он скажет то, чего никогда не скажет: что я овладел его ремеслом».

Однако даже по этой жалобе заметно, как изменился высокомерный молодой человек, несколько месяцев назад не потрудившийся научиться парусному делу. Он хотел отличиться в поставленной перед ним задаче.

В ранних числах мая Льюис поднес пластину к свету, потом исследовал ее сквозь увеличительное стекло и наконец повернулся к Джонсону.

— Эта работа почти приемлема, — признал он. — Вы хорошо справились.

Джонсон был в восторге.

В своем дневнике он записал: «Почти приемлема! Почти приемлема! Никакие слова, когда-либо сказанные мне, не звучали такой музыкой для моих ушей!»

Поведение Джонсона менялось и в других отношениях: вопреки себе он начинал предвкушать экспедицию.

«Я все еще отношусь к трем месяцам на Западе так же, как отнесся бы к трем месяцам вынужденного посещения немецкой оперы. Но должен признаться в растущем приятном волнении по мере того, как приближается роковое отбытие. Я приобрел все, что было в списке, выданном мне секретарем музея, в том числе нож Боуи¹, шестизарядный револьвер “Смит-Вессон”, ружье 50-го калибра, прочные кавалерийские сапоги и геологический молоток. С каждым приобретением мое возбуждение росло. Я вполне сносно овладел техникой фотографирования; я приобрел восемьдесят фунтов химикалиев и оборудования и сотню стеклянных пластин — короче, я готов к отъезду. Лишь одно большое препятствие стоит теперь между мной и отбытием: моя семья. Я должен вернуться в Филадельфию и все им рассказать».

Филадельфия

В мае того года Филадельфия была самым суетливым городом Америки, переполненным огромными толпами, собравшимися, чтобы посетить Всемирную выставку 1876 года. Волнение, которым сопровождалось праздно-

¹ Нож Боуи — знаменитый тесак особой формы — с вогнутым дугообразным скосом у острия, которое слегка загибается вверх.

вание национальной столетней годовщины, было почти осязаемым.

Бродя по грандиозным залам выставки, Джонсон увидел чудеса, удивившие весь мир: великую паровую машину Корлисса, экспозиции растений и сельскохозяйственных культур из разных штатов и территорий Америки и самые новомодные изобретения. Перспектива овладения силой электричества была свежайшей темой для разговоров; поговаривали даже о создании электрического света, чтобы освещать по ночам городские улицы. Все утверждали, что Эдисон решит эту проблему в течение года.

Тем временем имелись и другие электрические чудеса, над которыми стоило поломать голову, особенно любопытное устройство под названием «телефон». Все посетившие выставку видели эту причудливую штуку, хотя немногие сочли, что она имеет какую-то ценность. Джонсон был в числе большинства, когда написал в своем дневнике: «У нас уже есть телеграф, обеспечивающий связью всех желающих. Непонятно, какую добавочную ценность даст общение на расстоянии с помощью голоса. Возможно, в будущем какие-нибудь люди захотят услышать голоса тех, кто находится далеко от них, но таких людей не может быть много. Лично я считаю, что телефон мистера Белла — обреченная диковина без возможности реального применения».

Несмотря на великолепные здания и громадные толпы, не все в стране обстояло благополучно.

Это был год выборов, и много разговаривали о политике. Президент Улисс С. Грант открыл Всемирную выставку, но маленький генерал утратил свою популярность; его администрация отличалась скандалами и коррупцией, и избыток финансовых спекулянтов в конце концов вверг страну в самую жестокую депрессию в ее истории. На Уолл-стрит разорились тысячи инвесторов,

нападных фермеров уничтожило резкое снижение цен, суровые зимы и нашествие саранчи; возобновление индейских войн на территориях Монтана, Дакота и Вайоминг открывало неприятные перспективы, по крайней мере с точки зрения восточной прессы, и обе партии — и Демократическая, и Республиканская — во время нынешней предвыборной кампании пообещали сосредоточиться на реформах.

Но для молодого человека, тем более богатого, все новости — и хорошие, и плохие — были лишь волнующими декорациями накануне его великого приключения.

«Я наслаждался чудесами выставки, — писал Джонсон, — но, по правде говоря, находил ее утомительно цивилизованной. Мои глаза смотрели в будущее и на Великие равнины, которые вскоре станут целью моего путешествия. Если семья согласится меня отпустить».

Джонсоны проживали в одном из богато украшенных особняков Филадельфии, выходивших на Риттенхаус-сквер. Другого дома Уильям никогда не знал: богатейшая обстановка, вычурное изящество и слуги за каждой дверью. Он решил рассказать семье все утром за завтраком. Потом, вспоминая об этом, он счел их реакцию совершенно предсказуемой.

— О, дорогой! Ну почему ты хочешь туда отправиться? — спросила мать, намазывая маслом тост.

— Думаю, превосходная идея, — сказал отец. — Великолепная.

— Но неужели ты считаешь это разумным, Уильям? — спросила мать. — Все эти неприятности с индейцами, знаешь ли...

— Хорошо, что он едет: может, его скальпируют, — заявил младший брат Уильяма, Эдвард, которому было четырнадцать.

Он все время отпускал подобные замечания, и никто не обращал на них ни малейшего внимания.

— Не понимаю, почему тебя туда влечет, — с ноткой беспокойства в голосе снова заговорила мать. — Зачем ты хочешь ехать? В этом нет никакого смысла. Почему бы вместо этого не отправиться в Европу? В какое-нибудь культурно стимулирующее и безопасное место.

— Я уверен, он будет в безопасности, — сказал отец. — Только сегодня в «Филадельфия инкуйарер» сообщили о восстании сиу в Дакоте. На их усмирение послали самого Кастера. Он с ними быстро разделается.

— Мне даже думать не хочется о том, чтобы тебя съели, — сказала мать.

— Скальпировали, мама, — поправил Эдвард. — Они срезают волосы с головы — после того, конечно, как забьют тебя дубинками до смерти. Вот только иногда ты еще не совсем мертвый и можешь чувствовать, как нож срезает кожу и волосы до самых бровей...

— Не за завтраком, Эдвард.

— Ты отвратителен, Эдвард, — вмешалась в разговор их десятилетняя сестра Элиза. — Меня из-за тебя тянет блевать.

— Элиза!

— Но это правда, мама. Он отвратительное создание.

— А куда именно ты отправляешься с профессором Маршем, сын? — спросил отец.

— В Колорадо.

— Разве это не близко от Дакоты? — осведомилась мать.

— Не очень.

— Ох, мама, ты что, ничего не знаешь? — спросил Эдвард.

— В Колорадо есть индейцы?

— Индейцы есть везде, мама.

— Я не тебя спрашиваю, Эдвард.

— Полагаю, в Колорадо не живут враждебно настроенные индейцы, — сказал отец. — Говорят, это милое место. Очень засушливое.

— Говорят, там пустыня, — проговорила мать. — И ужасно мрачная. В каком отеле ты остановишься?

— По большей части мы будем жить в лагерях.

— Хорошо! — сказал отец. — Много свежего воздуха и физические упражнения. Это бодрит.

— Ты будешь спать на земле со всякими там змеями и насекомыми? Звучит ужасающе, — заметила мать.

— Провести лето на открытом воздухе полезно для молодого человека, — возразил отец. — В конце концов, в наши дни многие болезненные юнцы проходят «лечение лагерем».

— Предположим, — сказала мать. — Но Уильям не болезненный. Так почему ты хочешь поехать, Уильям?

— Думаю, мне пора сделать что-нибудь самостоятельное, — ответил Уильям, удивившись собственной честности.

— Хорошо сказано! — воскликнул отец, стукнув по столу.

В конце концов мать дала согласие, хотя все еще выглядела искренне обеспокоенной. Уильям думал, что она ведет себя по-матерински — и глупо; высказанные ею страхи только заставили его почувствовать себя еще храбрее, самодовольнее и укрепили его решимость поехать.

Джонсон испытывал бы другие чувства, если бы знал, что к концу лета его матери сообщат, что ее первенец мертв.

«Готовы копать за Йель?»

Поезд отбыл в восемь часов утра с похожего на пещеру Центрального вокзала Нью-Йорка. Шагая через вокзал, Джонсон миновал несколько привлекательных молодых женщин в сопровождении семей, но не

смог заставить себя встретиться с их любопытными взглядами.

«Сейчас надо найти мою группу», — сказал он себе.

В общей сложности профессора Марша и его штат, состоящий из двух человек — мистера Гэлла и мистера Беллоуза, будут сопровождать двенадцать йельских студентов.

Марш прибыл рано и, шагая вдоль вереницы машин, приветствовал всех одинаково:

— Здравствуйте, молодой человек, готовы копать за Йель?

Обычно неразговорчивый и подозрительный, сейчас Марш был дружелюбен и общителен. Он отбирал студентов из выдающихся и богатых семей, и эти семьи явились, чтобы посмотреть на отъезд своих мальчиков.

Марш сознавал также, что выступает в роли гида для отпрысков богачей, которые позже могут должным образом отблагодарить его за участие в превращении их мальчиков в мужчин. А еще он понимал, что, поскольку многие видные министры и богословы явно осуждают нечестивые палеонтологические исследования, все деньги на исследования в его научной области идут от частных покровителей, в том числе от его дяди, финансиста Джорджа Пибоди. Здесь, в Нью-Йорке, другие самостоятельно добившиеся успеха люди, такие как Эндрю Карнеги¹, Дж. Пирпонт Морган² и Маршалл Филд³, только что создали новый Американский музей естественной истории в Центральном парке. Ибо так же горячо, как религиозные люди стремились дискредитировать учение

¹ Эндрю Карнеги (1835—1919) — американский стальной магнат.

² Джон Пирпонт Морган I (1837—1913) — крупный финансист.

³ Маршалл Филд (1834—1906) — основатель крупной торговой сети, названной его именем.

об эволюции, богатые люди старались его продвигать. В принципе выживания сильнейших они видели новое, научное обоснование собственного взлета к выдающемуся положению и собственного (часто беспринципного) оброта жизни. В конце концов, не кто иной, как великий Чарлз Лайель, друг и предшественник Чарлза Дарвина, утверждал снова и снова: «Во всеобщей борьбе за существование в конце концов победу одерживает сильнейший».

И здесь Марш оказался в окружении детей сильнейших.

Марш конфиденциально заверил Беллоуза, что «проводы в Нью-Йорке — самая продуктивная часть экспедиции», и ни на миг не забывал об этом своем мнении, когда приветствовал Джонсона обычными словами:

— Здравствуйте, молодой человек, готовы копать за Йель?

Джонсона окружала группа носильщиков, загружавших в вагон его громоздкое фотографическое снаряжение. Марш огляделся по сторонам и нахмурился:

- А где же ваша семья?
- В Филадельфии, сэ... профессор.
- Ваш отец не явился вас проводить?

Марш припомнил, что отец Джонсона занимается судами. Марш немного знал о судах, но этот бизнес, без сомнения, был прибыльным и полным неблагоприятных дел. На судоходстве ежедневно зарабатывались состояния.

— Отец проводил меня в Филадельфии.

— В самом деле? Большинство семей хотят лично познакомиться со мной, чтобы разобраться в сути экспедиции...

— Да, не сомневаюсь, но, видите ли, моя семья считает, что поездка сюда стала бы испытанием... для моей матери... которая не совсем одобряет.

— Ваша мать не одобряет? — Марш не смог скрыть огорчения. — Не одобряет чего? Уж конечно, не меня...

— О нет! Дело в индейцах, профессор. Она не одобряет, что я отправляюсь на Запад, потому что боится индейцев.

Марш фыркнул:

— Очевидно, она ничего обо мне не знает. Меня повсюду уважают как близкого друга краснокожих. У нас не будет никаких проблем с индейцами, обещаю.

Но Марша такая ситуация совершенно не устроила, и позже он пробормотал Беллоузу, что Джонсон «выглядит старше остальных», и мрачно намекнул, что «он, может быть, вообще не студент. И его отец занимается судоходством. Думаю, дальнейшие слова излишни».

Прозвучал гудок, студентов напоследок расцеловали, помахали им руками, и поезд отъехал от станции.

Марш устроил всех в отдельном вагоне, предоставленном не кем иным, как Командором Вандербильтом¹, теперь поседевшим и больным, лежащим в постели — ему исполнился восемьдесят один год.

Вагон был первым из множества приятных удобств, которые Марш организовал для поездки благодаря своим обширным связям в армии, правительстве и знакомству с индустриальными магнатами вроде Вандербильта.

Когда жесткий Командор был в расцвете сил — массивный, в меховом пальто, которое он носил зимой и летом, — им восхищался весь Нью-Йорк. Этот необразованный паромный мальчишка со Стейтен-Айленда, сын голландских крестьян, благодаря своим безжалостным и агрессивным инстинктам и острому нечестивому языку в конце концов начал контролировать судоходные линии

¹ Корнелиус Вандербильт (1794—1877) — один из самых богатых предпринимателей в тогдашних США.

от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Позже он заинтересовался железными дорогами, простирая свое могущество от Центрального вокзала в сердце Нью-Йорка до бурно разрастающегося Чикаго. Он всегда был хорош, даже в поражении; когда скрытный Джей Гулд¹ победил его в битве за контроль над железной дорогой Эри, Вандербильт объявил: «Эта война за Эри научила меня, что пинать скунса никогда не окупается». Другое его высказывание, протест, адресованный своим юристам: «Закон? Какое мне дело до закона, ведь у меня есть власть!» — сделало его легендой.

В более поздние годы Вандербильт становился все более и более эксцентричным; у него вошло в привычку общаться с ясновидцами и гипнотизерами, связываясь с мертвыми, часто по срочным делам бизнеса, и, хотя он покровительствовал крайним феминисткам, таким как Виктория Вудхулл², ухлестывал при этом за женщинами вчетверо младше себя самого.

Несколькими днями ранее заголовки нью-йоркской газеты возвестили: «Вандербильт умирает!» — что заставило старика подняться с постели, чтобы наорать на репортеров: «Я не умираю! Но даже если бы я умирал, мне пришлось бы найти в себе силы, чтобы запихать это оскорбление в ваши лживые глотки!»

По крайней мере так доложили журналисты, хотя все в Америке знали, что Командор выражается куда забористее.

Железнодорожный вагон Вандербильта был последним словом современности и элегантности; в нем име-

¹ Джейсон Гулд (1836—1892) — финансист и железнодорожный магнат.

² Виктория Вудхулл (1838—1927) — одна из лидеров американского движения за права женщин и активная участница за права чернокожих, первая женщина — кандидат в президенты США.

лись лампы Тиффани¹, фарфоровые и хрустальные приборы, а еще искусно сделанные спальные места, изобретенные Джорджем Пульманом².

К тому времени Джонсон познакомился с остальными студентами и отметил в своем дневнике, что они «слегка нудные и избалованные, но в общем и в целом стремятся на поиски приключений. Однако у всех нас есть общий страх — страх перед профессором Маршем».

Глядя, как Марш с начальственным видом шагает по вагону, то опускаясь на обитые плюшем сиденья, чтобы выкурить сигару, то щелкая пальцами, чтобы слуга принес ему напиток со льдом, становилось ясно, что он считает себя полностью подходящим для такой обстановки.

Газеты и в самом деле иногда упоминали о нем как о «бароне костей», точно так же, как Карнеги был бароном стали, а Рокфеллер — нефтяным бароном. Как и эти великие личности, Марш сам добился успеха. Сын нью-йоркского фермера, он рано продемонстрировал интерес к окаменелостям и учебе. Несмотря на насмешки семьи, он поступил в Академию Филлипса в Эндовере, окончив ее в двадцать девять лет с высокими наградами и прозвищем Папочка Марш. Из Эндовера он отправился в Йель, а из Йеля — в Англию, чтобы умолять о поддержке своего дядю-филантропа Джорджа Пибоди. Дядя восхищался ученостью во всех ее проявлениях, и ему приятно было видеть, что член его семьи занимается наукой. Он дал Гофониилу Маршу средства для основания музея Пибоди в Йеле. Единственная каверза заключалась в том, что позже Пибоди дал такую же сумму

¹ То есть с абажурами авторства известного мастера художественного стекла Луиса Комфорта Тиффани (1848—1933).

² Джордж Мортимер Пульман (1831—1897) — промышленник и изобретатель, создавший компанию по производству железнодорожных вагонов.

Гарварду на основание там другого музея Пибоди. Это произошло потому, что Марш поддерживал дарвинизм, а Джордж Пибоди не одобрял подобных атеистических воззрений. Гарвард был домом Луи Агассиса, выдающегося профессора зоологии, выступавшего против идей Дарвина, а потому — твердыней антиэволюционистов. Пибоди почувствовал, что Гарвард будет полезным нейтрализующим средством против эксцессов его племянника.

Все это Джонсон узнал из беседы, которая шепотом велась в покачивающемся пульмановском вагоне, прежде чем возбужденные студенты отошли ко сну.

К утру они были в Рочестере, к полудню — в Буффало, предвкушая зрелище Ниагарского водопада. К сожалению, единственный беглый взгляд на водопад с моста на некотором расстоянии ниже по течению их разочаровал. Но разочарование быстро исчезло, когда им сообщили, что профессор Марш ожидает их всех в своем личном купе — немедленно.

Марш кинул взгляд направо и налево по коридору, закрыл дверь и запер ее изнутри. Хотя день был теплым, он закрыл все окна и запер их тоже. Только после этого он повернулся к двенадцати ожидающим студентам.

— Вы, без сомнения, гадаете, куда мы направляемся, — сказал он. — Но еще рано сообщать об этом; я расскажу вам после Чикаго. Пока же предупреждаю, чтобы вы избегали контактов с незнакомцами и не говорили ничего о наших планах. У него повсюду есть шпионы.

Один студент нерешительно спросил:

— У кого есть шпионы?

— У Копа, конечно! — огрызнулся Марш.

Услышав незнакомое имя, студенты непонимающе переглянулись, но Марш ничего не заметил — он произносил тираду:

— Джентльмены, любые мои предостережения против него будут недостаточными. Профессор Эдвард Дринкер Коп, может, и притворяется ученым, но фактически он немногим лучше обычного вора и соглядатая. Я никогда не слышал, чтобы он добился чего-нибудь честным трудом, если вместо того мог украсть. Этот человек — презренный лжец и вор. Будьте начеку.

Марш отдувался, будто делая тяжелые усилия. Он окинул купе сердитым взглядом:

— Есть вопросы?

Вопросов не было.

— Хорошо, — сказал Марш. — Я просто хочу расставить все по своим местам. После Чикаго вы узнаете больше, а пока не болтайте лишнего.

Озадаченные студенты по одному вышли из купе.

Один молодой человек по имени Уинслоу знал, кто такой Коп:

— Он тоже профессор палеонтологии; кажется, из Хаверфордского колледжа в Пенсильвании. Раньше они с Маршем были друзьями, но теперь самые непримиримые враги. Насколько я слышал, Коп пытался приписать себе первых открытых профессором ископаемых, и с тех пор между ними вражда. К тому же Коп, кажется, добивался женщины, на которой хотел жениться Марш, и скомпрометировал ее или, по крайней мере, испортил ей репутацию. Отец Копы, богатый торговец-квакер, оставил ему миллионы — так мне говорили. Поэтому Коп делает все, что ему вздумается. Похоже, он тот еще жулик и шарлатан. Нет конца коварным трюкам, с помощью которых он ворует у Марша то, что по праву принадлежит профессору. Вот почему Марш такой подозрительный... Он вечно ожидает увидеть Копы и его агентов.

— Я ничего об этом не знал, — сказал Джонсон.

— Ну, теперь знаешь, — ответил Уинслоу.

Он уставился в окно на волнующиеся зеленые кукурузные поля. Поезд покинул штат Нью-Йорк, миновал Пенсильванию и теперь ехал по Огайо.

— Лично я не знаю, почему ты участвуешь в этой экспедиции, — сказал Уинслоу. — Я бы ни за что туда не отправился, но меня заставила семья. Отец настаивает на том, что лето на Западе «сделает мою грудь волосатой». — Он недоуменно покачал головой. — Господи. Все, о чем я могу думать — это о трех месяцах плохой еды, плохой воды и плохих насекомых. И никаких девушек. Никаких развлечений. Господи.

Все еще любопытствуя насчет Копы, Джонсон стал расспрашивать помощника Марша, Беллоуза, преподавателя зоологии с осунувшимся лицом. Беллоуз немедленно преисполнился подозрительности:

— А почему вы спрашиваете?

— Мне просто любопытно.

— Но все-таки почему лично вы спрашиваете? Больше никто из студентов не спрашивает.

— Может, их это не интересует.

— Может, у них нет причин интересоваться.

— В итоге это одно и то же, — сказал Джонсон.

— Разве? — с многозначительным видом спросил Беллоуз. — Я вас спрашиваю — это и в самом деле одно и то же?

— Ну, я так думаю, — ответил Джонсон. — Хотя не уверен: наша беседа стала слишком запутанной.

— Не разговаривайте со мной свысока, молодой человек, — сказал Беллоуз. — Может, вы и считаете меня дураком... Может, вы всех нас считаете дураками... Но, уверяю вас, мы не дураки.

И он ушел, оставив Джонсона исполненным еще большего любопытства.

Из дневника Марша: «Беллоуз доложил, что студент У. Дж. спрашивал о Копе! Какая дерзость, какое нахальство! Он, наверное, считает нас дураками! Я очень зол! Зол! Зол!!!

Наши подозрения относительно У. Дж. явно подтвердились. Филадельфийское окружение — судоходное окружение etc. — все совершенно ясно. Мы поговорим с У. Дж. завтра и подготовим почву для дальнейшего развития событий. Я позабочусь о том, чтобы молодой человек не доставил нам никаких проблем».

За окном мелькали пахотные земли Индианы, миля за милей, час за часом, своей монотонностью нагоняя на Джонсона скуку. Подперев рукой подбородок, он начал засыпать, когда Марш спросил:

— Что именно вам известно о Копе?

Джонсон резко выпрямился:

— Ничего, профессор.

— Ну, я расскажу вам кое-что, чего вы, возможно, не знаете. Он убил своего отца, чтобы получить наследство. Вы это знали?

— Нет, профессор.

— Он убил его не больше полугода тому назад. И он изменяет своей жене, больной женщине, которая не сделала ему совершенно ничего плохого — вообще-то она боготворит его, вот как сильно заблуждается это бедное создание.

— Похоже, он законченный преступник.

Марш бросил на него быстрый взгляд:

— Вы мне не верите?

— Я вам верю, профессор.

— И личная гигиена — не самая сильная его сторона. Этот человек вонючий и грязный. Но я не хотел бы переходить на личности.

— Да, профессор.

— Он крайне беспринципен и ненадежен — и это факт. Из-за скандала с захватом прав на разработку ископаемых его вышибли из Геологической службы.

— Его вышибли из Геологической службы?

— Несколько лет тому назад. Вы мне не верите?

— Я вам верю, профессор.

— Ну, судя по выражению лица, вы мне не верите.

— Я вам верю, — настаивал Джонсон. — Я верю вам.

Наступило молчание. Стучали колеса. Марш откашлялся:

— Вы, случайно, не знакомы с профессором Копом?

— Нет, не знаком.

— А я думал, что, может быть, знакомы.

— Нет, профессор.

— Если вы и вправду с ним знакомы, вы почувствовали бы себя лучше, если бы немедленно все об этом рассказали, — сказал Марш. — Вместо того чтобы ждать.

— Если бы я был с ним знаком, — ответил Джонсон, — я бы рассказал. Но я не знаю этого человека.

— Да, — сказал Марш, пристально взглядываясь в лицо Джонсона. — Хм.

В тот же день Джонсон познакомился с болезненно худым молодым человеком, который делал заметки в маленькой записной книжке с кожаной обложкой. Молодой человек был из Шотландии и сказал, что его зовут Льюис Стивенсон.

— Далеко едете? — спросил Джонсон.

— До самого конца. В Калифорнию, — ответил Стивенсон, зажигая еще одну сигарету.

Он непрерывно курил; его длинные изящные пальцы были испачканы темно-коричневым. Он часто кашлял и, в общем, не выглядел цветущим человеком, который

рвется в путешествие на Запад, поэтому Джонсон спросил, зачем он это делает.

— Я влюблен, — просто ответил Стивенсон. — Она в Калифорнии.

А потом снова начал делать записи, как будто на время забыв о Джонсоне.

Джонсон отправился на поиски более подходящей компании и наткнулся на Марша.

— Тот молодой человек, — сказал Марш, кивком показав на другую сторону вагона.

— А что с ним такое?

— Вы с ним разговаривали.

— Его зовут Стивенсон.

— Я не доверяю человеку, который делает заметки, — сказал Марш. — О чем вы разговаривали?

— Он из Шотландии и едет в Калифорнию, чтобы найти женщину, в которую влюблен.

— Как романтично. А он спрашивал, куда вы направляетесь?

— Нет, он этим совершенно не интересовался.

Марш прищурился на Джонсона:

— Это он так говорит.

Позже Марш объявил всей группе:

— Я навел справки насчет того парня, Стивенсона. Он из Шотландии, держит путь в Калифорнию, чтобы найти женщину. У него плохое здоровье. Очевидно, он воображает себя писателем, вот почему делает все эти заметки.

Джонсон промолчал.

— Я просто подумал, что вам интересно было бы знать, — сказал Марш. — Лично я думаю, что он слишком много курит. — Он поглядел в окно. — А, озеро! Скоро мы будем в Чикаго.

Чикаго

Чикаго был самым быстро растущим городом мира, и по населению, и по своей коммерческой значимости. Из поселка в прериях, в котором в 1840 году жили четыре тысячи человек, он расцвел до метрополии с населением в полмиллиона и теперь каждые пять лет удваивал свои размеры. Известный как «Город из горбыля» и «Грязная дыра в прериях», ныне город тянулся на тридцать пять квадратных миль вдоль озера Мичиган и мог похвалиться мощеными улицами и тротуарами, широкими магистралями и omnibusами, элегантными особняками, прекрасными магазинами, отелями, художественными галереями и театрами. И это несмотря на то, что большая часть города была уничтожена ужасным пожаром всего пять лет тому назад.

Своим успехом Чикаго был обязан лишь климату и местоположению. У озера Мичиган заболоченные берега, и большинство ранних зданий погрузились в ил, пока их не вытащил блестящий молодой чикагский инженер Джордж Пульман. Вода была настолько грязной, что гости города часто находили в своей питьевой воде маленькую рыбешку, а в молоке попадались даже гольяны. И погода в тех краях гнусная: жаркое лето, жестокая холодная зима и в любое время года — ветер.

Успех Чикаго обусловило его географическое положение в самом сердце страны, его важная роль железнодорожного и судоходного центра, но в особенности — его превосходство в переработке невероятного количества тонн говядины и свинины.

— Мне нравится обращать в доходы щетину, кровь и все, что есть внутри и снаружи свиней и быков, — сказал Филип Армор, один из основателей гигантского скотного двора Чикаго.

Наряду с другим магнатом производства мороженого мяса, Густавусом Свифтом, Армор управлял производством, которое рассылало ежегодно миллион голов крупного рогатого скота и четыре миллиона свиней и давало работу шестой части населения города.

Благодаря централизованному распределению, механизированному забою и вагонам-рефрижераторам бароны Чикаго создали совершенно новую индустрию — технологию производства пищевых продуктов.

Скотные дворы Чикаго были самыми большими в мире, и многие гости отправлялись на них посмотреть. Один из йельских студентов приходился Свифту племянником, и учащиеся отправились на экскурсию по этим дворам, которые Джонсон считал сомнительной туристической приманкой.

Но Марш сделал остановку в Чикаго не ради туризма. Он находился здесь по делу.

С великолепного вокзала Береговой линии он отвез своих подопечных в ближайший отель, «Гранд Пасифик». Один из самых больших и элегантных отелей мира привел студентов в благоговейный трепет. Как и везде, руководитель организовал для своей команды особые комнаты, и газетчики уже ожидали, чтобы взять у него интервью.

Гофониил Марш всегда давал хороший материал для газет. Год назад, в 1875-м, он вскрыл позорные факты в Индейском бюро: офицеры не распределяли еду и денежные средства по резервациям, а вместо этого оставляли полученное себе, в то время как индейцы буквально умирали с голоду. Маршу сообщил об этом сам Красное Облако, легендарный вождь сиу, и Марш предъявил доказательства в Вашингтоне, сильно скомпрометировав администрацию президента Гранта в глазах либеральных восточных правящих кругов. Профессор был добрым другом Красного Облака, поэтому репортеры хотели поговорить с ним о бушующих сейчас войнах с сиу.

— Это ужасный конфликт, — сказал Марш, — но на индейский вопрос нет легких ответов.

Еще чикагские репортеры не уставали повторять историю самого раннего публичного деяния Марша — дело кардиффского гиганта. В 1869 году окаменелый скелет десятифутового гиганта был обнаружен в земле в городе Кардиффе, штат Нью-Йорк, и быстро стал национальным феноменом. Было общепризнанно, что гигант — один из расы людей, утонувших во время Ноева потопы; Гордон Беннет из «Нью-Йорк геральд» и несколько ученых объявили скелет подлинным. Марш, в должности нового профессора палеонтологии из Йеля, отправился посмотреть на окаменелость и сказал так, что его услышал репортер:

— Весьма изумительно.

— Могу я вас процитировать? — спросил репортер.

— Да, — ответил Марш. — Вы можете процитировать мои слова: «Весьма изумительная подделка».

Позже было установлено, что так называемого гиганта изготовили из глыбы гипса, втайне вырезав его в Чикаго. Но этот случай привлек к Маршу внимание всей нации — и с тех пор он беседовал с репортерами.

— Что сейчас привело вас в Чикаго? — спросил один из репортеров.

— Я держу путь на Запад, на поиски новых костей, — ответил Марш.

— А в Чикаго вы увидите кости?

Марш засмеялся:

— Нет, в Чикаго мы увидимся с генералом Шериданом, чтобы обеспечить взаимодействие с армией.

Марш взял Джонсона с собой, потому что хотел, чтобы его сфотографировали вместе с генералом.

Маленький Фил Шеридан был невысоким энергичным человеком лет сорока пяти с кислым выражением

лица, любившим жевать табак. Он сколотил штаб армии, которая теперь вела войну с индейцами: генералов Крука, Терри и Кастера. Сейчас все они находились в походах, охотясь на сиу. Шеридан особенно любил Армстронга Кастера и рискнул навлечь на себя неодобрение президента Гранта, приказав Кастеру вернуться на службу вместе с генералами Круком и Терри во время индейских войн.

— Это нелегкая кампания, — сказал Шеридан. — И нам нужен человек с отвагой Кастера. Индейцев выгоняют из домов, нравится нам это или нет, и они будут сражаться с нами как дьяволы. Ничуть не помогает то, что индейское агентство снабжает их хорошими ружьями. Главные столкновения ожидаются в Монтане и Вайоминге.

— Вайоминг, — сказал Марш. — Хм. У нашей группы из-за этого будут проблемы?

Джонсон заметил, что он ничуть не выглядит встревоженным.

— Не вижу, с чего бы, — сказал Шеридан, с удивительной точностью сплевывая в металлический таз на другой стороне комнаты. — Пока вы не будете соваться в Вайоминг и Монтану, вы будете в относительной безопасности.

Марш попозировал фотографу, неподвижно стоя рядом с генералом Шериданом, после чего получил верительные письма к трем генералам и командующим фортами Ларами и Шайенн.

Спустя два часа они вернулись на вокзал, готовые продолжить путь на Запад.

У пассажирского выхода очень высокий, суровый с виду человек со своеобразным косым шрамом на щеке спросил Джонсона:

— Далеко направляетесь?

— Держу путь в Вайоминг.

И, едва ответ слетел с его губ, Джонсон вспомнил, что должен был вместо этого сказать «в Колорадо».

— Вайоминг! Тогда удачи, — ответил человек и отвернулся.

Спустя мгновение рядом с Джонсоном оказался Марш:

— Кто это был?

— Понятия на имею.

— Что ему было нужно?

— Он спросил, далеко ли я направляюсь.

— Вот как? И что вы ответили?

— В Вайоминг.

Марш нахмурился:

— Он вам поверил?

— Понятия не имею.

— А если судить по виду — он поверил?

— Да, профессор. Думаю, что поверил.

— Вы так думаете?

— Я совершенно уверен, профессор.

Марш уставился на удаляющегося человека. Вокзал все еще был оживленным, полным людей. Порождающий эхо громкий шум пронзали свистки отправляющихся поездов.

— Я уже предупреждал вас насчет разговоров с незнакомцами, — в конце концов сказал Марш. — Человек, с которым вы говорили, — любимый десятник Копы, Нави Джо Бенедикт. Жестокий образчик человеческой расы, головорез. Но если вы сказали ему, что мы направляемся в Вайоминг, все в порядке.

— Вы имеете в виду, что мы не едем в Вайоминг?

— Нет, — ответил Марш. — Мы едем в Колорадо.

— В Колорадо!

— Конечно. Колорадо — лучший источник костей на Западе, хотя нельзя ожидать, чтобы такой дурак, как Коп, знал это.

Продвижение на Запад

У города Клинтона, штат Айова, Чикагско-Северо-Западная железная дорога перенесла их через Миссисипи по двенадцатипролетному железному мосту почти в милю длиной.

Студентов взволновала переправа через самую большую реку Америки, но, как только ее громадная мутная ширь осталась позади, они снова впали в апатию.

Айова была краем холмистых пахотных земель с немногими заметными вехами и местами, которые могли бы заинтересовать. Сухой жар врывается в окна, а вместе с ним время от времени — бабочка или другое насекомое. Унылая потная скука окутала экспедицию.

Джонсон надеялся хотя бы мельком увидеть индейцев, но не увидел ни одного. Пассажир рядом с ним засмеялся:

— Здесь не было индейцев сорок лет, со времен войны Черного Ястреба. Если вам нужны индейцы, вам следует отправиться на Запад.

— А разве здесь не Запад? — спросил Джонс.

— Еще нет. Он за Миссури.

— А когда мы пересечем Миссури?

— По другую сторону Сидар-Рапидс. Спустя полдня.

Но открытые прерии и тот факт, что они пересекли Миссисипи, уже оказали на пассажиров свое воздействие. На каждой станции и остановке для заправки люди выходили на платформу и палили из пистолетов в луговых собачек и тетеревов. Птицы с криками взмывали в воздух; маленькие грызуны с верещанием ныряли в укрытия. Никто ни разу никого не подстрелил.

— Ну вот, — заметил один из пассажиров. — Теперь они чувствуют себя на просторе.

Джонсону просторы казались скучными.

Студенты развлекались, как могли, картами и домино, но то было безнадежное дело. Некоторое время они выходили на каждой станции и прогуливались, но в конце концов даже остановки стали уныло похожими друг на друга, и люди обычно оставались в вагоне.

В Сидар-Рапидс поезд остановился на два часа, и Джонсон решил размять ноги. Завернув за угол крошечной станции, стоявшей на краю пшеничного поля, он увидел, что Марш тихо разговаривает с человеком со шрамом — человеком Коп, Нави Джо Бенедиктом. Судя по их поведению, они были хорошо знакомы друг с другом. Спустя некоторое время Марш вынул что-то из кармана и протянул Бенедикту; Джонсон увидел блеснувшее в солнечном свете золото. Уильям нырнул за угол, прежде чем его заметили, и поспешил обратно в вагон.

Когда поезд снова тронулся, Джонсон пришел в еще большее недоумение: Марш тут же подошел и сел рядом с ним.

— Интересно, куда Коп отправится нынче летом? — спросил Марш, словно размышляя вслух.

Джонсон промолчал.

— Интересно, куда отправится Коп? — повторил Марш.

— Очень хороший вопрос, — сказал Джонсон.

— Сомневаюсь, что он, как и мы, направляется в Колорадо.

— Не знаю.

Джонсон начинал уставать от этой игры; он позволил себе уставиться Маршу прямо в глаза и не отвел взгляд.

— Конечно, не знаете, — быстро сказал Марш. — Конечно, нет.

Они пересекли Миссури рано утром у Каунсил-Блаффс — конечной станции Чикагско-Северо-Западной. За мостом, на стороне Омахи, начиналась железная дорога «Юнион Пасифик», тянувшаяся до самого Сан-Франциско.

Вокзал «Юнион Пасифик», представлявший собой огромное открытое депо, был забит путешественниками самого грубого пошиба. Суровые мужчины, размалеванные женщины, головорезы с границы, карманники, солдаты, плачущие дети, продавцы еды, лающие собаки, воры, бабушки и дедушки, стрелки — огромная пестрая масса людей, буквально пылавших лихорадкой наживы.

— Эти — в Черные Холмы, — объяснил Марш. — Они снаряжаются здесь, прежде чем отправиться в Шайенн и форт Ларами, а оттуда путешествуют на север к Черным Холмам в поисках золота.

Студенты, которым не терпелось вкусить «настоящего Запада», были в восхищении и воображали, что сами тоже стали более настоящими. Но, несмотря на лихорадочное возбуждение, Джонсону это зрелище показалось печальным. В своем дневнике он записал: «Надежды толпы на богатство и славу или, по крайней мере, на будущий комфорт могут так легко развеяться! Потому что наверняка только горстка здешних людей найдет то, что ищет. А остальные встретятся с разочарованием, невзгодами, болезнями и, возможно, смертью от голода, от рук индейцев или мародерствующих грабителей, которые охотятся за полными надежд, отправляющимися на поиски золота пионерами».

И с оттенком иронии добавил: «Я от всего сердца рад, что не направляюсь в неведомые, опасные Черные Холмы».

Запад

За Омахой начался настоящий Запад, и все в поезде ощутили новое возбуждение, которое умирляли слова старших путешественников. Нет, они не увидят бизонов... За семь лет, прошедших после открытия линий Трансконтинентальной железной дороги, бизоны вдоль железнодорожных путей исчезли из виду; да и вообще, легендарные стада этих животных вообще быстро исчезали.

Но потом раздался возбужденный крик:

— Индейцы!

Все побежали на другую сторону вагона и прижались лицами к стеклу. Пассажиры увидели вдаль три типи¹, а вокруг них — полдюжины лошадей и темные силуэты стоящих людей, которые наблюдали за идущим мимо поездом. Потом индейцы исчезли из виду, скрылись за холмом.

— Из какого они племени? — спросил Джонсон.

Он сидел рядом с Галлом, помощником Марша.

— Наверное, пауни, — равнодушно ответил Галл.

— Они враждебные?

— Может быть.

Джонсон подумал о своей матери.

— А еще индейцев мы увидим?

— О да, — ответил Галл. — Там, куда мы направляемся, их пруд пруди.

— В самом деле?

— Да, и, наверное, злых. Из-за Черных Холмов зревает полномасштабная война с сиу.

Федеральное правительство в 1868 году подписало с сиу договор, в котором в числе прочего говорилось, что

¹ Типи — передвижное жилище западных индейцев; примерно то же, что вигвам у индейцев Севера и Северо-Востока.

сиу-дакота сохраняют исключительные права на Черные Холмы — священную для них землю.

— Этот договор был слишком благоприятен для сиу, — сказал Галл. — Правительство даже согласилось убрать все форты и армейские аванпосты из того региона.

А регион был огромным, потому что в 1868 году территории Вайоминг, Монтана и Дакота все еще казались отдаленной и неприступной дикой местностью. Никто в Вашингтоне не понимал, как быстро откроется Запад. Однако спустя год после подписания договора начала работать Трансконтинентальная железная дорога, и туда, куда раньше можно было добраться лишь за несколько недель нелегкого путешествия, стало возможно попасть за несколько дней.

И все равно к землям сиу могли бы отнестись с уважением, если бы Кастер не открыл золото во время обычного объезда Черных Холмов в 1874 году. Весть о золотых приисках, явившаяся среди общенационального экономического спада, оказала на людей непреодолимое воздействие.

— Даже в лучшие времена не было способа удержать людей от поисков золота, — сказал Галл. — И это неопровержимый факт.

Несмотря на правительственный запрет, старатели проникали в священные Черные Холмы. Конные военные экспедиции в 1874 и 1875 годах выгоняли их, а сиу убивали их везде, где находили, но все равно туда направлялось все больше и больше старателей.

Решив, что договор нарушен, сиу встали на тропу войны. В мае 1876 года правительство приказало армии усмирить восстание сиу.

— Значит, индейцы правы? — спросил Джонсон.

Галл пожал плечами:

— Прогресс не остановить, и это неопровержимый факт.

— Мы будем рядом с Черными Холмами?

Галл кивнул:

— Довольно близко от них.

Познания Джонсона в географии, всегда порядком смутные, позволили разыграть его воображению. Он усталился на широкие равнины, которые внезапно стали казаться более безлюдными и непривлекательными.

— Как часто индейцы нападают на белых?

— Ну, они непредсказуемы, — сказал Галл. — Как дикие животные — никогда не знаешь, что они сделают, потому что они дикари.

К западу от Омахи поезд неуклонно и едва ощутимо пошел на подъем, въехав на высокогорные равнины Скалистых гор. Теперь стало появляться больше животных: луговые собачки, иногда антилопы, койоты, бегущие вдалеке перед закатом. Города сделались меньше, малоллюднее: Фремонт, Карни-Джанкшен, Алкали, Огаллала, Джулесбург и, наконец, печально знаменитый Сидней, где кондуктор предупредил студентов не выходить, «если им дорога жизнь».

Конечно, все вышли, чтобы посмотреть.

То, что они увидели — это ряд деревянных фасадов, и Джонсон записал, что город «почти целиком состоит из конюшен, салунов и торговцев экипировкой и ведет оживленные дела по всем трем направлениям. Сидней — самый ближний к Черным Холмам город, и в нем полно эмигрантов, большинство которых считают цены возмутительно высокими. Город не продемонстрировал нам справедливости своей репутации места, где жизнь полна убийств и перерезанных глоток, но, с другой стороны, мы останавливались там всего на час».

Но их разочарование длилось недолго, потому что поезд «Юнион Пасифик» теперь нес их на запад, к еще более знаменитому сосредоточию порока и преступления: Шайенну на территории Вайоминг.

Въезжая в Шайенн, путешественники зарядили свои шестизарядные револьверы, и кондуктор отвел Марша в сторону, чтобы порекомендовать его группе нанять проводника, который проведет их через город целыми и невредимыми.

«Такие приготовления, — записал Джонсон, — наполнили нас приятнейшим нервным предвкушением, потому что мы вообразили себе незаконное дикое место... Что было просто плодом нашего воображения».

Шайенн оказался довольно опрятным и колонизованным, со множеством кирпичных зданий, стоящих среди деревянных построек. Но город не был полностью безмятежным. Шайенн мог похвалиться одной школой, двумя театрами, пятью церквями — и двадцатью игорными салунами. Наблюдатель-современник написал, что «азартные игры в Шайенне отнюдь не просто развлечение или отдых, они доходят до положения узаконенного рода деятельности — ими заняты девять десятых населения, и постоянного, и проезжего».

Игорные дома были открыты круглые сутки и обеспечивали основную часть доходов города. Некоторое представление о том, какие дела проворачивали игорные дома, можно извлечь из того факта, что их хозяева выплачивали городу лицензию в 600 долларов с каждого стола ежегодно, а в салунах имелось от шести до двенадцати застланных зеленым сукном столов, действующих одновременно.

Игорный энтузиазм не миновал студентов, когда в Шайенне они поселились в отеле «Интер-Оушен», где Марш заранее договорился о специальных ценах. Хотя отель был лучшим в городе, он, как написал Джонсон, «представлял собой кишашую тараканами свалку, где крысы в любое время с писком карабкались вверх и вниз по стенам». Тем не менее каждый студент получил отдельную комнату, и, отмокнув в горячих ваннах, они приготовились провести ночь в городе.

Ночь в Шайенне

Выступили неуверенной группой — двенадцать серьезных молодых жителей Новой Англии, все еще в высоких воротничках и шляпах-котелках, — и переходили из салуна в салун со всей небрежностью, какую смогли изобразить. Город, который днем казался разочаровывающе безопасным, ночью явно приобрел зловещий вид. В желтом свете окон салунов на дощатом тротуаре толпились ковбои, бандиты, игроки и головорезы, насмешливо глядя на студентов.

— Эти поганцы убили бы вас через секунду после того, как вам улыбнулись, — мелодраматично сказал один из студентов.

Чувствуя непривычный вес новых револьверов «Смит-Вессон» на бедре, студенты подтягивали свое оружие, поправляя его.

Их остановил один из жителей.

— Похоже, вы милые парнишки, — сказал он студентам. — Примите дружеский совет. В Шайенне не прикасайтесь к своим револьверам, если не собираетесь ими воспользоваться. Здесь люди не смотрят вам в лицо, они смотрят на ваши руки, и в этих местах по ночам много пьют.

На тротуаре стояли не только стрелки. Группа прошла мимо нескольких *pumph du pave*¹, сильно накрашенных, игриво окликающих из темных дверных проемов. В целом студенты сочли их экзотическими и щекочущими нервы, первым опытом настоящего Запада, опасного Запада, которого они и ожидали.

Они зашли в несколько салунов, попробовали крепкий алкоголь, сыграли в кено² и в очко. Один из студентов вытащил карманные часы.

¹ «Нимфа тротуара», проститутка (фр.).

² Кено — вид числовой лотереи с шарами.

— Почти десять, а мы еще не видели перестрелки, — сказал он с оттенком разочарования.

Не прошло и нескольких минут, как они увидели перестрелку.

«Все произошло на удивление быстро, — записал Джонсон. — Только что звучали сердитые крики и ругательства — а в следующий миг стулья со скрипом были отодвинуты, а люди нырнули в стороны, пока два дуэлянта рычали друг на друга, разделенные всего несколькими футами. Оба были игроками самого грубого пошиба.

— Ну давай, делай свой ход, — сказал один, а когда второй потянулся за пистолетом, выхватил оружие и выстрелил ему прямо в живот.

Взвилось огромное облако черного пороха, удар пули швырнул подстреленного человека через комнату; его одежда горела из-за выстрела, сделанного с близкого расстояния. Из раны обильно текла кровь, он невнятно стонал, потом с минуту подергался и затих — мертвый. Кто-то вытолкнул стрелка вон. Вызвали городского шерифа, но к тому времени, как тот явился, большинство игроков вернулись за свои столы, к игре, прерванной совсем недавно».

Это была жестокая сцена, и студенты — без сомнения, потрясенные — почувствовали облегчение, услышав звуки музыки из ближайшего театра. Когда несколько игроков вышли из-за столов, чтобы посмотреть представление, студенты торопливо последовали за ними, стремясь увидеть следующую приманку.

И тут Уильям Джонсон неожиданно влюбился.

Театр *Pride De Paree* был двухэтажным треугольным зданием; сцена находилась на широкой его стороне. На первом этаже стояли столы, с обеих сторон высоко на стенах располагались бельэтажи. Места в бельэтажах бы-

ли самыми дорогими и желанными, хотя и находились дальше всего от сцены, поэтому студенты их и купили.

Представление, как заметил Джонсон, состояло из «пения, танцев и размахивания нижними юбками — грубейшее развлечение, но собравшиеся зрители встретили его такими полными энтузиазма приветствиями, что их удовольствие повлияло и на наш более тонкий вкус».

Вскоре стало ясно, почему места на балконе ценятся так высоко: здесь над головами на перекладинах трапещий качались хорошенькие молодые женщины в скудных нарядах и сетчатых трико. Когда они проносились по дуге взад и вперед, мужчины на балконах тянулись, чтобы сунуть долларовую купюру в складки их костюмов. Девушки, похоже, знали многих посетителей, и в вышине звучало немало добродушных шуток. Акробатки выкрикивали:

— Следи за руками, Фред!

— Какая у тебя могучая большая сигара, Клем! — и другие нежности.

Один студент фыркнул:

— Они не лучше проституток!

Но другие наслаждались представлением, крича и суя доллары вместе с остальными, а девушки, видя новые лица и характерную для уроженцев восточных штатов одежду, раскачивались так, чтобы снова и снова пролетать мимо их балкона.

Это было очень весело, и, когда первых девушек наверху сменили другие и раскачивание возобновилось, одна из них подлетела близко к балкону студентов. Джонсон, смеясь, потянулся за очередной долларовой банкнотой, а потом глаза его встретились с глазами новой девушки, и пронзительные звуки театра утихли, время как будто остановилось, и он не сознавал больше ничего, кроме напряженного взгляда ее темных глаз и стука собственного сердца.

Ее звали Люсьена...

— Это французское имя, — объяснила она, стирая со своих плеч легкий глянец пота.

Они спустились вниз и сидели за одним из столиков на первом этаже, где девушкам позволялось выпить с посетителями в перерыве между выступлениями.

Остальные студенты вернулись в отель, но Джонсон остался, надеясь на появление Люсьены, и она появилась. Скользящей походкой она направилась прямо к его столу.

— Купите мне выпивку?

— Все, что захотите, — сказал Джонсон.

Она заказала виски, он тоже выпил, а потом спросил, как ее зовут, и она ответила.

— Люсьена, — повторил он. — Люсьена. Милое имя.

— Многих девушек в Париже зовут Люсьена, — объявила она, все еще вытирая пот. — А как вас зовут?

— Уильям, — сказал он. — Уильям Джонсон.

Ее кожа светилась розовым, волосы были черны, как вороново крыло, глаза — темные и искрящиеся. Она очаровала Джонсона.

— У вас внешность джентльмена, — сказала она, улыбаясь.

У Люсьены была манера улыбаться с закрытым ртом, не показывая зубов. Это придавало ей загадочный и сдержанный вид.

— Откуда вы?

— Из Нью-Хейвена, — ответил он. — Ну, а вырос я в Филадельфии.

— Там, на Востоке? Я так и подумала, что вы другой. Я распознала это по вашей одежде.

Он забеспокоился, что это может ей не понравиться, и внезапно растерял все слова.

— А у вас есть возлюбленная на Востоке? — невинно спросила она, помогая беседе возобновиться.

— Я...

Он замолчал, потом подумал, что лучше сказать ей правду.

— Я был по уши влюблен в одну девушку в Филадельфии несколько лет тому назад, но она не отвечала мне взаимностью. — Он посмотрел ей в глаза. — Но это было... давно.

Люсьена опустила глаза, слегка улыбнулась — и он сказал себе, что должен придумать, как поддержать разговор.

— А вы откуда? — спросил он. — У вас не чувствуется французского акцента.

Возможно, она приехала из Франции ребенком.

— Я из Сент-Луиса. Люсьена — просто мое сценическое имя, видите ли, — жизнерадостно сказала она. — Мистер Барлоу, управляющий... Мистер Барлоу хочет, чтобы у всех участников представления были французские имена, потому что это театр *Pride De Paree*, видите ли. Он очень милый, мистер Барлоу.

— И давно вы в Шайенне?

— О нет, — ответила она. — Раньше я работала в театре в Вирджиния-сити, где мы ставили достойные пьесы английских авторов и всякое такое, но он закрылся прошлой зимой из-за брюшного тифа. Я отправилась домой, чтобы повидаться с мамой, видите ли, но денег у меня хватило только на то, чтобы добраться сюда.

Она засмеялась, и Джонсон увидел, что один из ее передних зубов слегка обломан. Этот маленький недостаток только усилил его любовь. Она явно была независимой молодой женщиной, самостоятельно пробивающей себе путь в жизни.

— А вы? — спросила Люсьена. — Вы собираетесь в Черные Холмы? Ищете золото?

Он улыбнулся:

— Нет, я здесь с группой ученых, которые раскапывают окаменелости.

Ее лицо затуманилось.

— Окаменелости. Старые кости, — объяснил Джонсон.

— И на этом можно хорошо заработать?

— Нет-нет. Это ради науки, — объяснил он.

Люсьена положила теплую ладонь на его руку, и прикосновение наэлектризовало его.

— Я знаю, что у золотоискателей есть секреты, — сказала она. — Я никому не скажу.

— Нет, правда, я ищу ископаемые.

Она снова улыбнулась, не прочь сменить тему разговора:

— И надолго вы в Шайенне?

— Увы, всего на одну ночь. Завтра я уезжаю дальше на запад.

Эта мысль уже наполняла его восхитительной болью, но Люсьене как будто было все равно, уедет он или останется. В своей прямодушной манере она сказала:

— Я должна участвовать в еще одном представлении через час, а потом провести час с посетителями, но после этого я свободна.

— Я подожду, — ответил он. — Я буду ждать всю ночь, если захотите.

Она наклонилась и слегка поцеловала его в щеку.

— Тогда до встречи.

И она поспешила через битком набитую комнату туда, где другие мужчины ожидали ее внимания.

Остаток вечера промелькнул как сон. Джонсон не чувствовал усталости и был счастлив сидеть до тех пор, пока она не закончит свое представление.

Они встретились возле театра; она переоделась в скромное платье из темного хлопка. Люсьена взяла его за руку.

Мимо них по тротуару прошел мужчина.

— Увидимся после, Люси? — раздалось из темноты.

— Не сегодня, Бен, — засмеялась она.

Джонсон повернулся и сердито уставился на этого человека, но она объяснила:

— Это просто мой дядя. Он присматривает за мной. Где вы остановились?

— В отеле «Интер-Оушен».

— Мы не можем туда пойти, — сказала она. — Там большие строгости насчет посещения номеров.

— Я провожу вас домой, — предложил Джонсон.

Она как-то странно на него посмотрела, потом улыбнулась:

— Хорошо. Это было бы мило.

На ходу Люсьена прислонилась головой к его плечу.

— Устали?

Ночь была теплая, воздух приятный. Джонсон ощутил, как на него снизошел изумительный покой.

— Я буду по вам скучать, — сказал он.

— О, я тоже.

— Но я вернусь.

— Когда?

— Приблизительно в конце августа.

— Август, — негромко повторила она. — Август.

— Я знаю, до него еще далеко...

— Не так уж далеко.

— Но тогда я смогу провести здесь больше времени. Я покину свою группу и останусь с вами, как вы на это смотрите?

Она расслабилась, прильнув к его плечу.

— Это было бы мило.

Некоторое время они шли молча.

— Вы милый, Уильям. Вы милый юноша.

А потом она повернулась и совершенно непринужденно поцеловала его в губы, прямо в теплой запад-

ной темноте Шайенна, так глубоко, как он ни разу еще не целовался. Джонсон подумал, что умрет от удовольствия.

— Я люблю вас, Люсьена! — выпалил он.

Слова вырвались у него непрошеными, неожиданными. Но то была правда; он чувствовал это всем своим существом.

Она погладила его по щеке:

— Вы милый юноша.

Он не знал, как долго они стояли друг перед другом в темноте. Они поцеловались еще раз и еще. У него перехватило дыхание.

— Пойдем дальше? — спросил он наконец.

Люсьена покачала головой:

— Теперь ступайте домой. Обратно в отель.

— Я лучше провожу вас до ваших дверей.

— Нет, — ответила она. — Утром у вас поезд. Вам надо выспаться.

Он оглядел улицу.

— Вы уверены, что с вами все будет в порядке?

— Со мной все будет прекрасно.

— Обещаете?

Она улыбнулась:

— Обещаю.

Уильям сделал несколько шагов по направлению к отелю, повернулся и посмотрел назад.

— Не беспокойтесь обо мне! — крикнула она и послала воздушный поцелуй.

Он послал в ответ такой же поцелуй и пошел дальше. В конце квартала он снова оглянулся, но Люсьена уже исчезла.

В отеле сонный ночной клерк отдал ему ключ.

— Хороший вечер, сэр? — спросил он.

— Изумительный, — ответил Джонсон. — Совершенно изумительный.

Утро в Шайенне

Джонсон проснулся в восемь часов, отдохнувший и взволнованный. Он посмотрел из окна на плоское пространство Шайенна, на квадратные здания, раскинувшиеся на равнине. Вид по всем меркам был безрадостным, но Джонсон находил его красивым. И день выдался приятным, ясным и теплым, с характерными для Запада пушистыми облаками высоко в небе.

Да, он и вправду не увидит красавицу Люсьену еще много недель, до возвращения из экспедиции, но этот факт добавлял его ощущениям восхитительную пикантность, и он в превосходном расположении духа спустился в столовую, где команде Марша велели собраться за завтраком в девять часов утра.

Там никого не было.

Стол был накрыт для большой группы, но официант собирал грязные тарелки.

— А где все? — спросил Джонсон.

— Кого вы имеете в виду?

— Профессора Марша и его студентов.

— Их здесь нет, — ответил официант.

— Но где же они?

— Уехали час тому назад или больше.

Эти слова медленно дошли до сознания Джонсона.

— Профессор и студенты уехали?

— Они отправились, чтобы сесть на девятичасовой поезд.

— Какой девятичасовой поезд?

Официант раздраженно посмотрел на Джонсона.

— У меня много дел, — сказал он, отворачиваясь и гремя тарелками.

Сумки и экспедиционное снаряжение сложили в большой комнате на нижнем этаже отеля, за конторкой портье. Коридорный отпер дверь; комната была пуста, ес-

ли не считать ящиков с фотографическим снаряжением Джонсона.

— Их нет!

— Что-нибудь из ваших вещей пропало? — спросил коридорный.

— Нет, я не о вещах. Но все остальные уехали.

— Я только что заступил на дежурство, — извиняющимся тоном проговорил старший коридорный, подросток лет шестнадцати. — Может, вам спросить у клерка?

— О да, мистер Джонсон, — сказал человек за конторкой портье. — Профессор Марш велел не будить вас, пока они не отбудут. Он сказал, что в Шайенне вы покидаете экспедицию.

— Что он сказал?

— Что вы покидаете экспедицию.

На Джонсона накатила приступ паники.

— Почему же он так сказал?

— Понятия не имею, сэр.

— И что мне теперь делать? — громко спросил Джонсон.

Должно быть, по его лицу и голосу было ясно, как он расстроен. Человек за конторкой сочувственно посмотрел на него.

— Завтрак будет подан в столовой через полчаса, — предложил он.

Джонсону не хотелось есть, но он вернулся в столовую и занял место за маленьким столиком сбоку. Официант все еще убирал тарелки со стола, за которым никого не было; Джонсон наблюдал за этим, представляя себе Марша и студентов, воображая, как они возбужденно говорят все разом, готовые к отъезду... Почему они его бросили? Какая для этого может быть причина?

К нему подошел коридорный:

— Вы с экспедицией Марша?

— Да.

— Профессор спрашивает, может ли он присоединиться к вам за завтраком.

Джонсон тут же понял, что все случившееся в конце концов — ошибка; профессор не уехал, служащие отеля просто неправильно его поняли, и все будет в порядке.

— Конечно, он может ко мне присоединиться, — с огромным облегчением сказал Уильям.

Мгновение спустя чистый, довольно высокий голос спросил:

— Мистер Джонсон?

Джонсон посмотрел в лицо человеку, которого никогда прежде не видел — жилистому, светловолосому, с усами и эспаньолкой, стоявшему рядом с его столом. Мужина был высокий, лет тридцати пяти, довольно официально одетый: жесткий воротничок, сюртук. Несмотря на дорожную, хорошо сшитую одежду, он производил впечатление энергичного безразличия, даже неряшливости. Глаза его были блестящими и живыми; похоже, его что-то забавляло.

— Могу я к вам присоединиться?

— Кто вы?

— А вы разве не знаете? — спросил этот человек, развеселившись еще больше. Он протянул руку. — Я — профессор Коп.

Джонсон отметил твердое, уверенное пожатие и пальцы, испачканные чернилами.

Сперва Джонсон устоял на представившегося мужчину, потом взвился на ноги.

Коп! Сам Коп! Прямо здесь, в Шайенне!

Коп заставил его снова сесть и подозвал официанта, чтобы заказать кофе.

— Не тревожьтесь, — сказал профессор. — Я не монстр, которого вам описали. Этот монстр существует

только в расстроенном воображении мистера Марша. Еще одно его ошибочное описание явления природы. Вы, должно быть, заметили, что этот человек настолько же параноидален и скрытен, как и толст, и всегда подозревает во всех самое худшее. Еще кофе?

Джонсон оцепенело кивнул; Коп налил ему кофе.

— Если вы еще ничего не заказали, рекомендую свиное рагу. Я сам ем его каждый день. Блюдо довольно простое, но у повара к нему слабость.

Джонсон пробормотал, что возьмет рагу. Официант удалился.

Коп улыбнулся Уильяму.

«Он определенно не кажется монстром», — подумал Джонсон.

Быстрый, энергичный, даже нервный — но не монстр. Напротив, в нем чувствовался юношеский, почти детский энтузиазм, но в придачу — решительность и компетентность. У него был вид человека, который добивался, чего хотел.

— Какие у вас теперь планы? — жизнерадостно спросил Коп, размешивая в своем кофе кусок патоки.

— Мне не полагается с вами говорить.

— Вряд ли это обязательно сейчас, когда старый интриган вас бросил. Какие у вас планы?

— Не знаю. У меня нет планов. — Джонсон оглядел почти пустую столовую. — Похоже, я отстал от своей группы.

— Отстали? Он вас бросил.

— Почему он так поступил? — спросил Джонсон.

— Он, без сомнения, подумал, что вы — шпион.

— Но я не шпион.

Коп улыбнулся:

— Я это знаю, мистер Джонсон, и вы это знаете. Все знают, кроме мистера Марша. Вот всего лишь одна из

множества тысяч вещей, которые ему неизвестны, хотя он полагает, что известны.

Джонсон был в замешательстве, что, наверное, отразилось на его лице.

— Какой бред он вам обо мне рассказал? — спросил Коп, все еще веселясь. — Я — человек, избивающий свою жену? Вор? Волокита? Убийца, орудующий топором?

Все это как будто его забавляло.

— Он о вас невысокого мнения.

Коп, отмахиваясь, пошевелил испачканными в чернилах пальцами.

— Марш — нечестивый человек, свободный от любых сдерживающих начал. У него деятельный и большой ум. Я уже довольно давно с ним знаком. Вообще-то некогда мы были друзьями. Мы оба учились в Германии во время Гражданской войны, а позже, по правде говоря, вместе вели раскопки в Нью-Джерси. Но это было давно.

Принесли еду, и Джонсон понял, что голоден.

— Так-то лучше, — сказал Коп, наблюдая, как он ест. — А теперь, насколько я понимаю, вы — фотограф. Фотограф может мне пригодиться. Вместе с группой студентов из Университета Пенсильвании я держу путь на дальний Запад, чтобы раскапывать кости динозавров.

— В точности как профессор Марш, — отозвался Джонсон.

— Не совсем как профессор Марш. Мы не путешествуем повсюду по специальным расценкам и с благоволения правительства. И мои студенты отбирались не за богатство и связи, а за интерес к науке. У нас не рекламная увеселительная поездка в целях самовозвеличивания, а серьезная экспедиция.

Коп помолчал, вглядываясь в искренне заинтересованное лицо Джонсона.

— Группа у нас небольшая, нас ждут трудности, но милости прошу поехать с нами, если хотите.

Вот так Уильям Джонсон очутился в полдень на платформе шайеннской железнодорожной станции вместе со своим снаряжением, в ожидании поезда, который унесет его на запад в составе экспедиции Эдварда Дринкера Копа.

Экспедиция Копа

Тут же стало ясно, что в группе Копа отсутствует та военная четкость, которая характеризовала каждое предприятие Марша. Его группа вышла на станцию беспорядочно, по одному и по двое: сперва Коп и его очаровательная жена Энни, которая тепло поздоровалась с Джонсоном и, несмотря на подначки мужа, не желала сказать ничего плохого о Марше.

Потом шел двадцатилетний мужчина с бочкообразной грудью по имени Чарльз Х. Штернберг — охотник за ископаемыми из Канзаса, работавший на Копу и в прошлом году. Чарли Штернберг прихрамывал из-за несчастного случая в детстве и не мог обмениваться рукопожатиями из-за воспаленного свища на ладони. Время от времени его поражали приступы малярии, но он был полон искренней уверенности и мрачного юмора.

Следующим вышел еще один молодой человек, Джей-Си Исаак («Джей-Си» означает просто «Джей-Си»), который боялся индейцев. Шесть недель назад на него и группу его друзей напали, и спасся только Исаак — остальных застрелили и скальпировали. С тех пор в нем поселился глубокий страх, и у него подергивались веки.

Еще в группе были трое студентов: во-первых, Леандр «Жаба» Дэвис — пухлый, астматичный очкарик с выпученными глазами. Жаба очень интересовался индейским сообществом и, похоже, много о нем знал. Во-вторых,

Джордж Мортон — молчаливый молодой человек из Йеля с болезненным цветом лица, который непрерывно делал зарисовки. Он заявил, что собирается стать священником, как его отец, или художником — он еще не уверен, кем именно. Мортон был замкнутым, довольно угрюмым и не понравился Джонсону. И наконец Гарольд Чапмэн из Пенсильвании, веселый разговорчивый молодой человек, интересующийся костями. Будучи представлен Джонсону, он почти сразу отошел, чтобы потыкать какие-то побелевшие бизоньи кости, сваленные рядом со станционной платформой.

Больше всего в группе Джонсону понравилась милая миссис Коп, которая была кем угодно, только не обманутой калекой, как заявлял Марш. Ей предстояло сопровождать их только до Юты, а потом шестеро мужчин (вместе с Джонсоном их стало семеро) двинутся к бассейну реки Джудит на севере территории Монтана, чтобы охотиться за ископаемыми мелового периода.

— Монтана! — сказал Джонсон, вспомнив, что говорил Шеридан насчет того, чтобы держаться подальше от Монтаны и Вайоминга. — Вы действительно собираетесь отправиться в Монтану?

— Да, конечно, это чрезвычайно волнующе, — сказал Коп; его лицо и манеры излучали энтузиазм. — Там никто не бывал с тех пор, как Фердинанд Гайден¹ открыл эти места в пятьдесят пятом и заметил огромное множество окаменелостей.

— А что случилось с Гайденом? — спросил Джонсон.

— О, его прогнали черноногие², — сказал Коп. — Они заставили его уносить ноги.

И Коп засмеялся.

¹ Фердинанд Гайден (1829—1887) — американский геолог, топограф, путешественник.

² Черноногие — индейская народность сиксика, чьи традиционные мокасины черного цвета.

На запад с Копом

Джонсон проснулся в полной темноте, слыша грохот поезда. Он нащупал карманные часы — было десять. На мгновение он в замешательстве подумал, что сейчас десять вечера. Потом темноту пронзил луч ослепительного света, и еще один. Мерцающие лучи осветили купе: поезд громыхал через длинные снегозащитные галереи, пересекая Скалистые горы. Джонсон увидел снежные поля в конце июня, и их блеск был таким ослепительным, что стало больно глазам.

Десять часов! Он натянул одежду, поспешно вышел из купе и нашел Копу — тот глядел в окно, нетерпеливо барабанил перепачканными пальцами по подоконнику.

— Простите, что проспал, профессор. Если бы кто-нибудь меня разбудил, я...

— А что такого? — спросил Коп. — Какая разница, спали вы или нет?

— Ну, я имел в виду, что я... Уже так поздно...

— Мы же в двух часах от Солт-Лейк-сити, — сказал Коп. — И вы спали, потому что устали — великолепная причина для сна. — Коп улыбнулся. — Или вы решили, что я тоже вас брошу?

Смущенный Джонсон ничего не ответил. Коп продолжал улыбаться, а спустя мгновение нагнулся над альбомом, который лежал у него на коленях, взял перо и начал рисовать пальцами, испачканными в чернилах.

— Полагаю, миссис Коп позаботилась о кофейнике, — не поднимая глаз, сказал он.

Тем вечером Джонсон записал в дневнике: «Коп по утрам рисует, очень быстро и талантливо. От других я многое про него узнал. Он был ребенком-вундеркиндом, написавшим свою первую научную работу в возрасте шести лет, а теперь (кажется, сейчас ему 36) опубликовал уже около тысячи работ. Ходят слухи, что до женитьбы у него был роман, но неудачный, и тогда, может быть, от

отчаяния он уехал в Европу, где познакомился со многими великими учеными-естествоиспытателями нашего времени. Впервые он повстречался с Маршем в Берлине и обменивался с ним письмами, делился рукописями и фотографиями. Он также считается экспертом по змеям, рептилиям и вообще земноводным и по рыбам. Штернберг и студенты (кроме Мортонa) очень преданы ему. Коп — квакер и миролюбив до мозга костей. Он носит вставные деревянные зубы, удивительно похожие на настоящие; я бы сам ничего не заметил. В этом, как и почти во всем другом, он полная противоположность Маршу. Марш берет усидчивостью, Коп — блестящим умом; Марш скрытен, а Коп открыт. Во всех отношениях профессор Коп выказывает куда больше человечности, чем его коллега. Профессор Марш — безрассудный, одержимый фанатик, который делает несчастной собственную жизнь и жизни тех, кем он командует. Коп же демонстрирует уравновешенность, сдержанность и вполне симпатичен».

Пройдет немного времени, и Джонсон взглянет на Копу с другой стороны.

Поезд спустился со Скалистых гор к великому городу Солт-Лейк-сити на территории Юта.

Основанный тридцать лет тому назад, Солт-Лейк-сити был деревней с деревянными и кирпичными домами, построенными аккуратными ровными рядами, пересекающимися под прямыми углами. Над всеми домами возвышался белый фасад мормонского¹ молельного дома,

¹ Мормонизм, «движение святых последних дней» — крайне своеобразное, хотя отчасти и сходное с протестантизмом, американское религиозное учение с рядом собственных традиций, включающих, например, многоженство; участники движения верят в то, что после апостолов в мире иссякла истинная христианская вера и ее восстановил только Джон Смит, основатель мормонизма, в 1830 г.

здания, как написал Джонсон, «такого поразительного уродства, что немногие сооружения во всей Америке могут надеяться его превзойти».

То было общепринятое мнение. Примерно в то же время журналист Чарльз Нордхофф назвал молельню «превосходно построенным и очень уродливым зданием» и сделал вывод, что «ни одному ищущему развлечений путешественнику не следует задерживаться в Солт-Лейк дольше чем на день».

Хотя Вашингтон объявил это место территорией Юта и, таким образом, частью Соединенных Штатов, Солт-Лейк был признанной мормонской теократией¹, о чем ясно говорили масштаб и важность его религиозных сооружений.

Группа Копа посетила храм, Десятинный дом и Львиный дом, где Бригам Юнг держал своих многочисленных жен. Потом Коп имел аудиенцию у президента Юнга, взяв с собой жену, чтобы познакомиться с престарелым патриархом.

Джонсон спросил, каков это Юнг.

— Любезный человек, ласковый и сметливый. Сорок лет мормонов травили и преследовали в каждом штате нашего государства; теперь они создали собственный штат и в ответ преследуют немормонов. — Коп покачал головой. — Следовало бы ожидать, что люди, пережившие несправедливость, не должны желать несправедливости другим, однако они причиняют ее со всем рвением. Жертвы превратились в пугающе добродетельных мучителей. Такова природа фанатизма — привлекать и провоцировать крайности в поведении. Вот почему все фанатики одинаковы, независимо от того, какие именно формы принимает их фанатизм.

¹ Теократия — политический режим, при котором господствуют религиозные лидеры.

— Вы говорите, что мормоны — фанатики? — спросил Мортон, сын священника.

— Я говорю, что их религия, создавшая штат, не препятствует несправедливости, а скорее узаконивает ее. Мормоны чувствуют, что они выше остальных, тех, у кого другая вера. Они чувствуют, что только им ведом правильный путь.

— Не понимаю, как вы можете утверждать... — начал было Мортон, но вмешались остальные.

Мортон и Коп всегда были непримиримыми оппонентами в религиозных делах, и спустя некоторое время их споры сделались утомительными.

— Зачем вы навестили Бригама Юнга? — спросил Штернберг.

Коп пожал плечами:

— Пока неизвестно, чтобы в Юте были скопления ископаемых, но ходят слухи о костях в восточных регионах рядом с границей Колорадо. Не вижу, почему бы не подружиться с ним на будущее. — И добавил: — Марш встречался с ним в прошлом году.

На следующий день миссис Коп села на поезд «Юнион Пасифик», который шел обратно на восток, в то время как мужчины двинулись на север по узкоколейке до Франклина, Айдахо — «города мелких солоноватых водоемов, — как писал Джонсон, — которому нечего предложить, кроме этой железной дороги и дилижансов, дающих возможность покинуть его как можно быстрее».

Но во Франклине, когда Коп покупал билеты на дилижанс, к нему внезапно обратился шериф, крупный мужчина с маленькими глазками.

— Вы арестованы, — сказал он Копу, беря его за руку, — по обвинению в убийстве.

— И кого же я, по-вашему, убил? — удивленно спросил Коп.

— Вашего отца, — ответил шериф. — Там, на Востоке.

— Это просто нелепость! Мой отец умер в прошлом году от сердечного приступа.

Хотя Коп был квакером, он славился своим вспыльчивым нравом, и Джонсон видел, что он всеми силами старается остаться вежливым.

— Я любил отца всем сердцем... Он был добрым и мудрым и поддерживал мои беспорядочные научные метания, — с глубокой яростью сказал Коп.

Такое неожиданное проявление красноречия ошеломило всех. Группа последовала за Копом и шерифом в тюрьму, держась на почтительном расстоянии.

Оказалось, федеральный ордер на арест был выдан на территории Айдахо. Выяснилось также, что федеральный маршал находится в другом округе и не вернется во Франклин до сентября.

Шериф сказал, что Копу придется до той поры «поторчать» в тюрьме.

Коп протестовал, говоря, что он — профессор Эдвард Дринкер Коп, палеонтолог Соединенных Штатов. Шериф показал ему телеграмму, где заявлялось, что «проф. Э. Д. Коп, палеонтолог» — человек, разыскиваемый за убийство.

— Я знаю, кто за этим стоит, — с багровеющим лицом сердито сказал Коп.

— Пожалуйста, профессор... — начал Штернберг.

— Я в порядке, — натянуто ответил Коп и повернулся к шерифу: — Я предлагаю оплатить телеграфные расходы, чтобы удостовериться — выдвинутые против меня обвинения не соответствуют действительности.

Шериф сплюнул табак:

— Вполне справедливо. Сделайте так, чтобы ваш отец ответил мне по телеграфу, и я извинюсь.

— Я не могу этого сделать, — сказал Коп.

— Почему же?

— Я уже сказал вам — мой отец умер.

— Вы принимаете меня за дурака, — заявил шериф и схватил Коп за воротник, чтобы втащить в камеру.

Наградой ему было несколько молниеносных ударов, которыми Коп свалил его на землю. Коп принялся пинать шерифа, пока несчастный катался в пыли, а Штернберг и Исаак кричали:

— Пожалуйста, профессор!

И:

— Довольно, профессор!

И:

— Опомнитесь, профессор!

Наконец Исаак ухитрился оттащить Копа; Штернберг помог шерифу встать и отряхнул с него пыль.

— Простите, но у профессора ужасный характер.

— Характер? Да он опасный человек!

— Что ж, видите ли, он знает, что эту телеграмму послал вам профессор Марш, присовокупив к ней взятку за арест Копа, и ваше несправедливое поведение его разозлило.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — без убежденности пробормотал шериф.

— Дело в том, — сказал Штернберг, — что в большинстве мест, куда отправляется профессор, он сталкивается с проблемами, которые создает ему Марш. Их соперничество длится уже годами, они оба с готовностью могут это признать.

— Я хочу, чтобы все вы убрались из города! — кричал шериф. — Слышите меня, вон из города!

— С удовольствием, — ответил Штернберг.

Они выехали со следующим же дилижансом.

От Франклина им предстояло шестисотмильное путешествие на дилижансе «Конкорд» к форту Бентон, территория Монтана. Джонсон, который до сих пор не испытывал ничего утомительней езды в железнодорожном

вагоне, предвкушал романтику поездки в дилижансе. Штернберг и другие лучше знали, чего ожидать.

Путешествие оказалось ужасным: десять миль в час, день и ночь, остановки только для того, чтобы перекусить — каждая трапеза по оскорбительно дорогой цене в целый доллар и отвратительная. И всякий раз, когда дилижанс останавливался, все говорили о проблемах с индейцами, о перспективе быть оскальпированными, так что, если Джонсон и желал отведать заплесневелого бекона из остатков армейских запасов, прогорклого масла и хлеба недельной давности, подававшихся по время остановок, он терял аппетит.

Пейзаж оставался однообразно-тоскливым, пыль — едкой; на всех крутых подъемах приходилось идти пешком, днем или ночью. Спать в громящем подпрыгивающем экипаже было невозможно, и запас химикалий Джонсона протек, так что однажды «на нас полился ласковый дождик из соляной кислоты, капли которой вытравили дымящийся узор на шляпах джентльменов и исторгли замысловатые проклятия из всех, кого это коснулось. Дилижанс остановили, и кучер выдал еще не израсходованные нами проклятия. Виновницу-бутыль заткнули, и мы продолжили путь».

Кроме группы Копа единственным пассажиром дилижанса была миссис Петерсон, молодая женщина, жена армейского капитана, квартировавшего в Хелене, Монтана. Миссис Петерсон, казалось, не испытывала особого восторга из-за предстоящего воссоединения с мужем; честно говоря, она часто плакала. Она то и дело разворачивала письмо, читала его, вытирала слезы и снова его прятала. На последней остановке дилижанса перед Хеленой она подожгла письмо и уронила на землю, где оно превратилось в пепел.

Когда дилижанс добрался до Хелены, ее официально встретили четыре мрачных армейских капитана и увели прочь; женщина, выпрямившись, шагала между ними.

Остальные уставились ей вслед.

— Наверное, он умер, — сказал Жаба. — Вот из-за чего все это. Он мертв.

На станции дилижансов им сказали, что капитана Петерсона убили индейцы. И ходили слухи о большом поражении, которое индейцы недавно нанесли кавалерии. Некоторые говорили, что генерал Терри убит у реки Паудер; другие — что генерал Крук едва избежал смерти на берегах Йеллоустоуна и страдает от заражения крови после того, как из его бока извлекли стрелы.

В Хелене их убеждали повернуть назад, но Коп даже не рассматривал такую возможность.

— Досужие толки, — сказал он. — Пустая болтовня. Мы двинемся дальше.

И они снова залезли в дилижанс, чтобы отправиться в долгий путь до форта Бентон.

Форт Бентон находился на берегах реки Миссури, и в ранние дни территории Монтана служил убежищем для трапперов¹ — в ту пору, когда Джон Джекоб Астор² занимался лоббированием в Конгрессе, чтобы помешать любому закону, защищающему бизонов и потому вмешивающемуся в его доходную торговлю бизоньими шкурами. Северная Монтана являлась источником и других шкур, в том числе бобровых и волчьих. Но теперь значение торговли мехом уменьшалось, и быстро растущие города находились дальше к югу, в горнодобывающих регионах Бьютта и Хелены, где залегали золото и медь.

Форт Бентон видел и лучшие дни, и по нему это было заметно.

Когда дилижанс прибыл туда 4 июля 1876 года, его пассажиры увидели, что армейские ворота форта закры-

¹ Трапперы — охотники на пушного зверя.

² Джон Джекоб Астор (1763—1848) — американский магнат, баснословно разбогатевший на торговле шкурами и мехами.

ты, и ощутили всеобщее напряжение. Солдаты были мрачными и усталыми. Американский флаг трепетал на середине флагштока.

Коп пошел повидаться с командиром, капитаном Чарльзом Рэнсомом.

— Что стряслось? — спросил Коп. — Почему ваш флаг приспущен?

— Седьмая кавалерийская, сэр.

— А что с ней? — спросил Коп.

— Всю седьмую кавалерийскую под командованием генерала Кастера перебили на прошлой неделе при Литл-Бигхорн. Погибло больше трехсот солдат. Никто не выжил.

Форт Бентон

Смерть Джорджа Армстронга Кастера осталась такой же спорной, как и его жизнь. Кудрявый Рубака всегда являлся средоточием сильных эмоций. Он был последним в выпуске своего класса в Вест-Пойнте¹ и за последние полгода там собрал девяносто семь выговоров, не считая трех приказов об отчислении. Даже будучи кадетом, он обзаводился врагами, которые преследовали его потом всю жизнь.

Но непокорный кадет оказался блестящим военным лидером, чудо-юнец Аппоматокса². Красивый, лихой и безрассудный, он подолжал зарабатывать репутацию великого бойца с индейцами на Западе, но эта его репутация вызывала широкие дебаты. Страстный охотник, он повсюду брал с собой борзых, и говорили, что он лучше заботится о своих собаках, чем о своих людях. В 1867 году он приказал войскам стрелять в тех, кто де-

¹ Вест-Пойнт — военная академия США, старейшая из подобных заведений в стране.

² Сражение при Аппоматоксе 9 апреля 1865 г. — последнее крупное сражение Гражданской войны, после которого были подписаны документы о капитуляции Юга перед Севером.

зertifировал, не желая участвовать в его кампании. Пяттеро были ранены, и Кастер отказал им в медицинской помощи. Один человек впоследствии умер.

Даже для армии это было чересчур. В июле 1867 года Кастера арестовали, судили военно-полевым судом и на год отстранили от командования. Но он был любимцем генералов и вернулся десять месяцев спустя по настоянию Фила Шеридана — чтобы на этот раз сразиться с индейцами у реки Уошито, на территории Оклахома. Кастер повел Седьмой кавалерийский полк против вождя Черного Котла, дав ясные указания: убить как можно больше индейцев. Сам генерал Шерман¹ сказал: «Чем больше мы сможем убить в нынешнем году, тем меньше придется убивать в следующем, потому что чем больше я вижу этих индейцев, тем больше убеждаюсь в том, что всех их надо убить или сохранить как расу нищих».

То была невероятно жестокая война. Индейцы брали в заложники белых женщин и детей и возвращали их колонистам за выкуп; всякий раз, когда солдаты нападали на индейскую деревню, белых заложников без долгих рассуждений казнили. Эти обстоятельства оправдывали лихую браваду, которая, впрочем, отличала Кастера и безо всяких на то условий.

Заставляя свой отряд совершать длинные марши без отдыха и еды, он настиг Черного Котла, убил вождя и уничтожил его поселение. Только тут Кастер осознал, что индейцы из окрестных поселений собрались для массовой контратаки, что он переоценил себя и поставил под удар все свои войска. Он ухитрился отойти, но оставил позади пятнадцать человек, решив, что они уже мертвы.

¹ Уильям Текумсе Шерман (1820—1891) — один из наиболее выдающихся генералов Севера, сторонник тактики «выжженной земли» и фанатичный враг индейцев, по иронии судьбы носивший второе имя, данное в честь вождя Союза индейских племен.

Позже вся битва стала предметом скандала. Восточная пресса критиковала Кастера за суровое обращение с племенем Черного Котла, говоря, что вождь был не враждебным индейцем, а лишь козлом отпущения за военные поражения; это почти наверняка было неправдой. Армия критиковала Кастера за поспешную атаку и за столь же поспешное оставление группы, отрезанной от остальных. Кастер не смог дать удовлетворительного объяснения своего поведения в кризисной ситуации, но обоснованно считал, что сделал только то, чего от него ожидала армия: уничтожил индейцев со своей обычной энергией и удачью.

Его личный стиль — длинные кудрявые волосы, борзые, одежда из оленьих шкур и высокомерные манеры — были знамениты, как и статьи, которые он сочинял для восточной прессы. Кастер питал своеобразную симпатию к своим врагам и часто с восхищением писал об индейцах; без сомнения, это стало источником упорных слухов, будто он завел ребенка от красивой индейской девушки после битвы при Уошито.

Споры о нем не утихали никогда. В 1874 году именно Кастер возглавил поход в священные Черные Холмы, открыл там золото и, таким образом, ускорил войну с сиу. Весной 1876 года он отправился в Вашингтон, чтобы дать показания против продажного военного министра Белкнапа, получавшего взятки за поставки с каждого военного поста в стране. Показания помогли начать процедуру смещения Белкнапа, но не заставили администрацию Гранта полюбить Кастера: тому приказали оставаться в Вашингтоне, а когда в марте он без разрешения уехал, потребовали его ареста.

А теперь Кастер погиб в сражении, которое уже называли самым шокирующим и унижительным военным поражением за всю историю Америки.

— Кто это сделал? — спросил Коп.

— Сидящий Бык, — ответил Рэнсом. — Кастер напал

на лагерь Сидящего Быка, не выслав вперед разведку. У Сидящего Быка было три тысячи воинов. У Кастера — три сотни. — Капитан Рэнсом покачал головой: — Можете не сомневаться, Кастера убили бы рано или поздно; он был тщеславен и жестоко обращался со своими подчиненными. Я удивлен, что ему «случайно» не выстрелили в спину по дороге к месту битвы, как часто случается с людьми подобного сорта. Я был с ним на реке Уошито, когда он напал на поселение, а потом не мог оттуда выбраться; в тот раз его спасли удача и блеф, но удача рано или поздно заканчивается. Он почти наверняка сам виноват в том, что с ним случилось. И сиу ненавидели его, хотели его убить. Но теперь быть кровавой войне. Вся страна раскалена докрасна.

— Что ж, — сказал Коп, — мы собираемся искать ископаемые кости на пустошах у реки Джудит.

Рэнсом удивленно уставился на него.

— Я не стал бы этого делать, — сказал он.

— А что, в бассейне реки Джудит какие-то проблемы?

— Нет, сэр, не конкретно там. Проблем, о которых нам было бы известно, там нет.

— Так в чем же дело?

— Сэр, большинство индейских племен в ярости. У Сидящего Быка где-то на юге три тысячи воинов; никто точно не знает, где именно, но мы считаем, что они двинутся еще до наступления зимы искать убежища в Канаде. А это значит, что они пройдут через бассейн Джудит.

— Прекрасно, — заявил Коп. — В течение нескольких летних недель мы будем в безопасности — по причине, о которой вы упомянули. Сидящего Быка там нет.

— Сэр, — сказал Рэнсом, — река Джудит — это охотничьи земли, которые делят между собой сиу и кроу. Кроу обычно мирные индейцы, но в нынешние времена они убьют вас, как только увидят, потому что могут обвинить вас в смерти сиу.

— Это вряд ли, — ответил Коп. — Мы отправляемся.

— У меня нет приказов помешать вам выступить, — сказал Рэнсом. — Я уверен, что никто в Вашингтоне даже не представлял, чтобы кто-нибудь туда отправился. Идти в те места — самоубийство, сэр. Лично я не пошел бы туда, если бы меня сопровождало меньше пятисот вышколенных кавалеристов.

— Я ценю ваше участие, — проговорил Коп. — Вы исполнили свой долг, сообщив мне о состоянии дел. Но я покинул Филадельфию, собираясь отправиться к Джудит, и не поверну назад, находясь в сотне миль от своей цели. А теперь — вы можете порекомендовать мне проводника?

— Конечно, сэр, — сказал Рэнсом.

Однако в течение ближайших двадцати четырех часов проводники загадочным образом сделались недоступны, как и лошади, и провизия, и все остальное, что Коп собирался приобрести в форте Бентон. Но он не утратил присутствия духа. Он просто предлагал больше денег, и еще больше, до тех пор пока припасы в конце концов не начали появляться.

Вот тогда люди впервые получили представление о знаменитой железной воле профессора Копы. Ничто не могло его остановить. С него потребовали 180 долларов, возмутительную сумму, за сломанный фургон — он заплатил. Еще больше захотели получить за четырех упряжных лошадей и четырех под седло («Самая жалкая четверка лошадей из всех, что когда-либо были», по оценке Штернберга). Ему не продали никакой еды, кроме бобов, риса и дешевого виски «Рыжий пес», но он купил все, что смог.

В общей сложности Коп потратил 900 долларов на кое-как раздобытое снаряжение, но ни разу не пожаловался.

Он не упускал из виду цель своего путешествия — ископаемые в бассейне реки Джудит.

В конце концов, 6 июля Рэнсом позвал его в военный форт — место лихорадочной деятельности и подго-

товки. Рэнсом рассказал Копу о только что полученных из военного министерства в Вашингтоне приказах, гласящих, что «никаким штатским не разрешается вступать на спорные индейские земли на территориях Монтана, Вайоминг и Дакота».

— Мне жаль, что я нарушаю ваши планы, сэр, — вежливо сказал Рэнсом, откладывая в сторону телеграмму.

— Вы, конечно, должны выполнять свой долг, — так же вежливо ответил Коп и вернулся к группе.

Там уже слышали новости.

— Думаю, нам придется вернуться обратно, — сказал Штернберг.

— Не теперь, — жизнерадостно ответил Коп. — Знаете, мне нравится форт Бентон. Думаю, мы должны остаться тут еще на несколько дней.

— Вам нравится фот Бентон?

— Да. Он милый и гостеприимный. И весь в заботах. Коп улыбнулся.

8 июля кавалеристы форта Бентон выступили, чтобы сразиться с сиу. Колонна двигалась под звуки оркестра, игравшего «Девушку, что я оставил».

В тот же день, позднее, совсем другая группа тихо выскользнула из форта.

Это была, как написал Джонсон, «крайне пестрая команда».

Колонну возглавлял Эдвард Дринкер Коп, палеонтолог Соединенных Штатов и миллионер. Слева от него ехал Чарли Штернберг, время от времени массируя онемевшую ногу.

Справа от Копы ехал Маленький Ветер, их шошон¹, следопыт и проводник. Он отличался горделивой осанкой

¹ Шошон — индейская народность, родственная известным команчам.

и заверил Копу, что знает окрестности реки Джудит, как лицо собственного отца.

Позади этих троих следовал Дж. Си. Исаак, зорко присматривавший за Маленьким Ветром, а с ним — студенты: Леандр Дэвис, Гарольд Чапмэн, Джордж Мортон и Джонсон.

Тыл замыкал фургон, который тащили четыре упрямые лошади. Ими правил возница и повар Рассел Т. Хилл, сержант. Это был толстый, закаленный мужчина, чья комплекция убедила Копу, что тот умеет готовить. Возница Хилл был известен не только размерами и умением ругаться, столь обычными среди людей его профессии, но и своими прозвищами — им как будто не было конца. Его звали Караваем, Лепехой, Косым и Вонючкой. Хилл был немногословным человеком и некоторые слова повторял снова и снова. Так, например, когда студенты спрашивали его, почему его кличут Караваем, Косым или еще кем-то, он неизменно отвечал:

— Думаю, скоро ты это узнаешь.

А когда Хилл натыкался на препятствие, даже самое маленькое, он всегда говорил:

— Ничего не выйдет, ничего не выйдет.

И наконец, к фургону была привязана мул Бесси, на которую нагрузили фотографическое снаряжение Джонсона. За Бесси отвечал сам владелец снаряжения, и с течением времени он начал ее ненавидеть.

Спустя час после того, как группа выступила в путь, форт Бентон остался позади, и путники оказались одни на безлюдном просторе Великих равнин.

Часть вторая

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

Ночь на равнинах

В первую ночь они разбили лагерь в месте под названием Клэгетт на берегу реки Джудит. Там имелся окруженный частоколом торговый пост, но его недавно бросили.

Хилл приготовил свой первый ужин, который все сочли тяжелым, но в общем и целом сносным. В качестве топлива Хилл использовал бизоньи кизяки, объяснив таким образом происхождение двух своих прозвищ: Лепеха и Вонючка.

После обеда Хилл подвесил оставшуюся еду на дерево.

— Зачем вы это делаете? — спросил Джонсон.

— Чтобы уберечь ее от мародеров-гризли, — сказал Хилл. — А теперь готовься ко сну.

И он утоптал башмаками землю, прежде чем расстелить свою постель.

— А это еще зачем? — спросил Джонсон.

— Чтобы заткнуть змеиные норы, — ответил Хилл. — Чтобы гремучки не смогли ночью забраться к тебе под одеяло.

— Вы морочите мне голову, — сказал Джонсон.

— Вовсе нет! — предупредил Хилл. — Спроси кого угодно. Ночью становится холодно, а змеи любят тепло, поэтому заползают прямо к тебе и сворачиваются у твоего паха.

Джонсон отправился к Штернбергу, который тоже расстилал постель.

— Вы не собираетесь утаптывать землю?

— Нет, — ответил Штернберг. — Тут нет кочек и место кажется весьма удобным.

— А как насчет гремучих змей, заползающих под одеяло?

— Такого почти никогда не бывает, — сказал Штернберг.

— *Почти* никогда не бывает? — встревоженно повысил голос Джонсон.

— Я не стал бы из-за этого беспокоиться, — заметил Штернберг. — Только утром вставайте медленно и проверяйте, нет ли у вас каких-нибудь гостей. Змеи просто уползают с приходом утра.

Джонсон содрогнулся.

Весь день они не видели ни души, но Исаак был убежден, что они рискуют нарваться на индейцев.

— С индейцем дело обстоит так, — проворчал он, — что тебе грозит опасность как раз тогда, когда ты чувствуешь себя в полной безопасности.

Исаак настаивал, чтобы на всю ночь были выставлены часовые; остальные нехотя с этим согласились. Сам Исаак взял на себя последнюю стражу, перед рассветом.

То была первая ночь, которую Джонсон провел под великим куполом небес прерий, и заснуть оказалось невозможно. Сама мысль о гремучих змеях и медведях гризли отогнала бы любой сон, но, кроме того, рядом слышалось слишком много разных звуков... Шепот ветра в траве, уханье сов в темноте, отдаленный вой койотов. Он уставился вверх, на тысячи звезд в безоблачном небе, и слушал.

Он просыпался при каждой смене часовых и видел, как Исаак заступил на место Штернберга в четыре часа утра. В конце концов утомление взяло верх, и Джонсон крепко уснул, как вдруг его мгновенно разбудили несколько хлопков.

Исаак кричал:

— Стой! Стой, я сказал, стой! — и стрелял из револьвера.

Все вскочили. Исаак показал на восток.

— Там что-то есть! Я вижу, там что-то есть!

Они смотрели, но ничего не видели.

— Говорю же, там человек, один человек!

— Где?

— Там! Вон там!

Все уставились на далекий горизонт равнин, но ничегошеньки не увидели.

Каравай разразился рядом эпитетов.

— Он боится индейцев, к тому же он псих... Пока мы здесь, краснокожий будет мерещиться ему за каждым кустом! Да нам глаз сомкнуть не удастся!

Коп тихо сказал, что заступит на пост, а остальных отослал в постель.

Прошло много недель, прежде чем они поняли, что Исаак был прав.

Если еда Вонючки и охрана Исаака оставляли желать лучшего, то же самое можно было сказать о разведке Маленького Ветра. На следующий день из-за шошонского храброго¹ они проплутали большую часть дня.

Спустя два часа после того, как экспедиция выступила в путь, они наткнулись на равнине на свежий конский навоз.

— Индейцы! — выдохнул Исаак.

Хилл с отвращением фыркнул.

— Знаешь, что это такое? — спросил он. — Это навоз наших собственных лошадей, вот что.

— Невозможно.

— Ты думаешь? Видишь следы колес? — Он показал на слабые отпечатки там, где была примята трава. — Хо-

¹ Храбры й — индейский «титул», присваиваемый юношам за подвиги.

чешь, я побьюсь об заклад, что, когда я поставлю колеса нашего фургона на эти отпечатки, они полностью совпадут? Мы заблудились, говорю я тебе.

Коп ехал рядом с Маленьким Ветром.

— Мы заблудились?

— Нет, — ответил Маленький Ветер.

— А чего вы ожидали от него услышать? — проворчал Хилл. — Вы когда-нибудь слышали, чтобы индеец признался, что заблудился?

— Я никогда не слыхал об индейце, который бы заблудился, — сказал Штернберг.

— Ну а у нас такой есть, нанятый за высокую цену, — заявил Хилл. — Помяните мои слова, он ни разу не бывал в здешней части страны, что бы он там ни говорил. И он заблудился, что бы он там ни говорил.

Джонсона эта беседа наполнила неведомым дотоле ужасом.

Весь день они ехали под огромной чашей небес, по незнакомой, однообразно плоской земле — громадная ширь без каких-либо ориентиров, не считая попадавшихся временами одиночных деревьев или линии тополей, отмечавших ручей. То было воистину море травы, безбрежное и девственное, как настоящее море.

Он начал понимать, почему на Западе все так часто говорят об определенных вехах на местности — Колонне Помпея, Пиках-Близнецах, Желтых Утесах. Эти немногие узнаваемые объекты были островками в широком океане прерий, и для выживания было совершенно необходимо знать, где они находятся.

Джонсон ехал рядом с Жабой.

— Может ли и вправду статься, что мы заблудились?

Жаба покачал головой:

— Индейцы рождаются здесь и умеют читать по земле так, как мы и представить себе не можем. Мы не заблудились.

— Но мы движемся на юг, — проворчал Хилл, пристально глядя на солнце. — Почему мы едем на юг, если всякий здесь знает, что земли Джудит лежат на востоке? Кто-нибудь может мне объяснить?

Прошли напряженные два часа, и наконец они наткнулись на старые следы колес фургона, тянущиеся на восток. Маленький Ветер показал на них.

— Это дорога для фургонов в землю Джудит.

— Так вот в чем была проблема, — догадался Жабба. — Он не привык путешествовать с фургоном и должен был найти дорогу, по которой может проехать наш.

— Проблема в том, — сказал Хилл, — что он не знает местности.

— Он знает местность, — ответил Штериберг. — Мы сейчас на охотничьих землях индейцев.

Дальше они ехали в сдержанном молчании.

Происшествия на равнинах

В середине все еще жаркого дня Джонсон ехал рядом с Копом, мирно беседуя с ним, как вдруг шляпа Уильяма взвилась в воздух, несмотря на безветрие.

Мгновение спустя послышался треск выстрела длиннотвольного ружья; потом еще один и еще.

Кто-то в них стрелял.

— Спешиться! — закричал Коп. — Спешиться!

Они слезли с лошадей и нырнули в укрытие, забравшись под фургон. Вдалеке показалось коричневое кружащееся облако пыли.

— О, господи, — прошептал Исаак. — Индейцы.

Далекое облако росло, разделяясь на множество силуэтов всадников. В воздухе засвистели пули; ткань фургона порвалась, пули отскакивали от котлов и сковородок. Бесси тревожно заревела.

— Мы погибли, — простонал Мортон.

— Теперь в любую минуту начнут свистеть стрелы, — сказал Исаак. — А потом, подскакав поближе, индейцы вытащат томагавки...

— Заткнитесь! — велел Коп. Он не сводил глаз с облака. — Это не индейцы.

— Будь я проклят, да вы еще глупее, чем я думал! А кто же там еще, если не...

Исаак замолчал. Теперь облако приблизилось настолько, что они смогли разглядеть отдельных всадников. Всадников, одетых в голубое.

— Все рано это могут быть краснокожие, — сказал Исаак. — Переодевшиеся в куртки Кастера, чтобы внезапно атаковать.

— Коли так — хороша внезапность!

Маленький Ветер, прищурившись, посмотрел на горизонт.

— Не индейцы, — в конце концов заявил он. — Лошади оседланы.

— Проклятье! — закричал Каравай. — Армия! Мои парни в голубом!

Он вскочил, крича и размахивая руками. Свинцовый град заставил его нырнуть обратно под фургон.

Армейские всадники начали ездить вокруг фургона, вопя, как индейцы, и стреляя в воздух из пистолетов. В конце концов они остановились. Юный капитан сдержал свою фыркающую лошадь и прицелился из револьвера в людей, съезжившихся под фургоном.

— Вылезайте, вы, слизняки! Вылезайте! Клянусь богом, я не прочь прикончить вас на месте, всех, до последнего человека.

Багровый от ярости Коп вылез, сжимая кулаки.

— Я требую объяснить, что означает это возмутительное насилие.

— Ты узнаешь это в аду, контрабандист! — ответил армейский капитан и дважды выстрелил в Копу,

но из-за пятящейся лошади не смог как следует прицелиться.

— Подождите, кэп, — сказал один из солдат. Теперь вся команда Копы выползла из-под фургона и встала в ряд перед колесами. — Они не похожи на контрабандистов, торгующих оружием.

— Будь я проклят, если они не контрабандисты, — ответил капитан.

Теперь стало ясно, что он пьян; он говорил невнятно и опасно раскачивался в седле.

— Никто, кроме торговцев оружием, не забирается сейчас на эту территорию, снабжая индейца стволами, когда всего за последнюю неделю шесть сотен наших лучших парней пали от рук дикарей. Только слизняки вроде вас добираются...

Коп выпрямился во весь рост.

— Это научная экспедиция! — сказал он. — Предпринятая с полного ведома и согласия капитана Рэнсома из форта Бентон.

— Чуть, — заявил капитан и подчеркнул свои слова, разрядив револьвер в воздух.

— Я — профессор Коп из Филадельфии, я палеонтолог Соединенных Штатов и...

— Поцелуй мой обтянутый ситцем зад, — сказал капитан.

Коп вышел из себя и ринулся вперед; Штернберг и Исаак поспешили вмешаться.

— Не надо, профессор, держите себя в руках, профессор! — вопил Штернберг, а Коп пытался вырваться, крича:

— Я до него доберусь, я до него доберусь!

В последующей неразберихе армейский капитан выстрелил еще трижды и круто завернул лошадь.

— Подпалить их, парни! Подпалить!

— Но, капитан...

— Я сказал — подпалить...

Еще выстрелы.

— ...и я не шучу! Подпалить!

Еще несколько выстрелов — и Жабa упал, вереща:

— В меня попали, в меня попали!

Остальные ринулись ему на помощь: из руки хлестала кровь.

Один из солдат подъехал с факелом, и сухая парусина фургона вспыхнула.

Люди Копа повернулись, чтобы погасить свирепо ревившее пламя. Кавалеристы ездили вокруг них, а капитан кричал:

— Преподайте им урок, парни! Преподайте им адский урок!

А потом, все еще стреляя, солдаты развернули лошадей и ускакали прочь.

Лаконичные записи в дневнике Копa: «Сегодня мы впервые столкнулись с открытой враждебностью кавалерии С. Ш. Огонь погасили с минимальным ущербом, хотя мы остались без защитного полога фургона и две наши палатки сгорели. Застрелена одна лошадь. Один студент получил ранение в мякоть руки. Слава богу, серьезных ранений нет».

Той ночью пошел дождь. Гроза с ливнем и громом продолжалась весь следующий день и всю ночь. Замерзшие и дрожащие, люди съежились под фургоном, пытаясь поспать; вспыхивающие то и дело ослепительные молнии высвечивали осунувшиеся лица их товарищей.

На следующий день дождь все еще шел, и тропа превратилась в грязную топь, в которой увязал фургон. Они одолели всего две мучительные, болотистые мили. Но под конец дня сквозь тучи пробилось солнце и стало

теплее. Все почувствовали себя лучше, особенно тогда, когда взяли небольшой подъем и увидели одно из самых грандиозных зрелищ Запада.

Стадо бизонов растянулось насколько хватало глаз, темные косматые силуэты сгрудились на желто-зеленой траве равнин. Животные выглядели мирно, только время от времени фыркали или ревели.

По оценкам Копы, в стаде было два миллиона бизонов, а может, и больше.

— Вам повезло, что вы их увидели, — сказал он. — Еще год или два — и такие стада останутся лишь в воспоминаниях.

Исаак нервничал.

— Где бизоны, там и индейцы, — сказал он и настоял на том, чтобы на ночь лагерь разбили на возвышенности.

Джонсона зачаровало равнодушие животных к появлению людей. Даже когда Штернберг отъехал и подстрелил антилопу на ужин, стадо едва отреагировало на это.

Но позже Джонсон вспомнил, как Каравай спросил Копы:

— Я распрягу фургон на ночь?

А Коп посмотрел на небо и задумчиво сказал:

— Этой ночью лучше не надо.

Тем временем антилопу разделали и обнаружили, что мясо ее кишит червями-паразитами. Каравай объявил, что едал и похуже, но остальные решили вместо мяса поужинать бисквитами и бобами.

Джонсон записал: «Я уже сыт по горло бобами, а меня ожидает еще шесть недель бобов».

Но все было не так уж плохо. Они ели, сидя на скалистом выступе рядом с лагерем и наблюдая, как бизоны окрашиваются красным, садящимся позади них солнцем. А потом, при свете луны, косматые силуэты и временами доносившееся издалека фыркание этих животных

породили «впечатление величественной громады, мирно распростершейся перед нами. Таковы были мои мысли, когда я улегся, чтобы погрузиться в столь необходимый мне сон».

В полночь небо вспороли молнии, и опять начался дождь.

Ворча и ругаясь, студенты затащили свои спальные принадлежности под фургон. Почти сразу дождь прекратился.

Они ворочались на твердой земле, пытаясь снова заснуть.

— Черт, — сказал Мортон, приносясь. — Что это за запах?

— Ты лежишь на конском дерьме, — ответил Жаба.

— О, господи, так и есть.

Все посмеялись над неудачей Мортон; ровный рокот грома все еще звучал в их ушах. И вдруг Коп побежал вокруг фургона, грубо их пиная.

— Встать! Встать! Вы с ума сошли? Подъем!

Джонсон вскинул глаза и увидел, что Штернберг и Исаак поспешно грузят лагерное снаряжение, швыряя его в фургон; люди все еще выбирались из-под повозки, когда она начала двигаться над их головами.

Каравай и Маленький Ветер кричали друг на друга.

Джонсон, со спутанными из-за дождя волосами, с дикими глазами, подбежал к Копу. В небе среди грозовых туч мчалась луна.

— В чем дело? — прокричал Джонсон сквозь громахание грома. — Почему мы снимаемся?

Коп грубо отпихнул его в сторону.

— В укрытие, за скалы! Укрывайтесь за скалами!

Исаак уже подвел фургон к скалистому выступу, и Каравай боролся с лошадьми, которые возбужденно фыркали и пятились.

Студенты непонимающе уставились друг на друга.

А потом Джонсон понял, что громыхание, которое они слышат, — не гром. Это были бизоны.

Испуганные молниями, бизоны топали мимо людей плотной живой рекой, с обеих сторон обтекающей скалу. Всех щедро забрызгало грязью. Для Джонсона то было необычное ощущение: «Грязь покрыла нашу одежду, волосы, лица, и мы стали тяжелее, став похожими на бурильщиков за работой, а потом и вовсе согнулись из-за ее колоссального веса».

В конце концов они перестали что-либо видеть и только слышали гром копыт, фыркание и урчание, когда темные туши беспрестанно мчались мимо них. Казалось, это будет продолжаться вечно.

Стадо топало мимо них без перерыва в течение двух часов.

Джонсон очнулся. Все его тело ныло и заоченело, он не смог открыть глаза. Прикоснувшись к своему лицу, он нащупал корку грязи и отодрал ее.

«Меня приветствовал вид полного опустошения, — позже вспоминал он. — Как будто на нас налетел ураган или смерч. Куда ни посмотри, была только растрескавшаяся грязь, и наша несчастная группа прокладывала путь через нее. В том месте, где лагерное снаряжение защищала скала, оно уцелело, но все остальное пропало. Две палатки втоптали в землю так глубоко, что утром мы не смогли их разыскать; тяжелые котлы и кастрюли измяли и искорежили протопавшие по ним тысячи копыт. Там — изорванные клочки желтой рубашки, здесь — разбитый и погнутый карбин».

Все были крайне обескуражены, особенно Джордж Мортон, который как будто впал в глубокий шок. Ка-

равай убеждал вернуться, но, как обычно, Коп был неукротим.

— Я здесь не для того, чтобы выкапывать из земли пустяковые пожитки, — сказал он. — Я здесь для того, чтобы выкапывать доисторические кости.

— Да, — сказал Каравай. — Если вы вообще до них доберетесь.

— Доберемся.

Коп приказал свернуть лагерь и выдвинуться.

Маленький Ветер был особенно мрачен. Сказав что-то Копу, он галопом поскакал на север.

— Куда это он? — встревоженно спросил Джордж Мортон.

— Он не верит, что на бизонов нагнали панику вспышки молний, — ответил Коп. — Он говорит, что такого с ними не бывает.

— Я видел, как такое бывало, — сказал Исаак. — В Вайоминге. Бизоны глупые и непредсказуемые.

— Но что еще могло их напугать? — все еще встревоженный, спросил Мортон. — Как он считает?

— Он считает, что слышал ружейные выстрелы как раз перед тем, как началась паника. Он отправился проверить.

— Он собирается связаться со своими краснокожими собратьями, — пробормотал Исаак. — И рассказать им, где найти несколько симпатичных белых скальпов.

— Думаю, это просто нелепо, — раздражительно бросил Морган. — Думаю, мы должны сдать и прекратить сумасбродные поиски.

«Наверное, он пал духом после паники в стаде», — подумал Джонсон, наблюдая, как Мортон роется в грязи, разыскивая свой альбом.

Маленький Ветер отсутствовал час и вернулся, скача во весь опор.

— Один лагерь, — сказал он, показывая на север. — Два мужчины, два или три коня. Один костер. Палатки нет. Много ружейных гильз.

Он разжал пальцы, и каскад медных оболочек посыпался вниз в солнечном свете.

— Ну и ну! — сказал Штернберг.

— Это люди Марша, — мрачно проговорил Коп.

— Ты их видел? — спросил Мортон.

Маленький Ветер покачал головой:

— Ушли много часов.

— В какую сторону они направились?

Маленький Ветер показал на восток. Туда же, куда собирались и они.

— Тогда мы снова с ними встретимся, — сказал Коп. Он сжал кулаки. — Мне бы очень этого хотелось.

Пустоши

Река Джудит, приток Миссури, текла от Литл-Белт-Маунтин и сливалась с большими ручьями в запутанных изгибах водных путей.

— В этих водах водится чертовски хорошая форель, — сказал Каравай. — Не то чтобы я ожидал, что мы отправимся порыбачить.

Бассейн реки Джудит состоял из сильно пересеченных мест, каменистых обнаженных пород, которые образовывали некие загадочные фигуры демонов и драконов.

— Горгульи¹, — сказал Жаба.

Его рука теперь опухла и покраснела; он жаловался на боль.

¹ Здесь это слово употреблено в искаженном смысле — гротескные статуи демонических существ, служащие декором наружной балюстрады собора Парижской Богоматери, а также в целом декоративные скульптуры, выполненные по их образцу.

Штернберг по секрету сказал, что, по его мнению, Жабу стоит отослать обратно в форт Бентон, где армейский хирург сможет ампутировать ему руку с помощью виски и костной пилы. Но никто не упомянул об этом Жабе.

Размах скальных образований на пустошах Джудит был грандиозен. Огромные утесы — Коп называл их «обнажениями» — достигали сотен футов высоты, а местами вздымались на тысячу футов. С пастельными розовыми и черными полосами скал этот край отличался застывшей пустынной красотой. Но то была жестокая земля: поблизости было мало воды, а имевшаяся по большей части оказывалась солоноватой, едкой, отравленной.

— Трудно поверить, что некогда тут лежало огромное внутреннее озеро, окруженное болотами, — сказал Коп, глядя на мягкие обводы скалы.

Коп всегда словно видел больше, чем другие. Коп — и Штернберг: у этого упрямого охотника за окаменелостями был наметанный взгляд исследователя равнин, и он всегда как будто знал, где найти дичь и воду.

— Воды нам здесь хватит, — предсказал Штернберг. — С водой проблем не будет. Проблемы будут с пылью.

В воздухе и вправду чувствовалось жжение, но остальных оно не беспокоило так сильно. Их непосредственной задачей было отыскать место для лагеря рядом с подходящими для раскопок местами.

Передвигаться с фургоном по земле, не видя на ней следов других фургонов, оказалось трудным и порой опасным делом. Еще отряд нервничал из-за индейцев, потому что замечал вокруг множество следов их присутствия: отпечатки копыт, брошенные костры, время от времени — скелеты антилоп. Некоторые костры выглядели свежими, но Штернберг изображал полное равнодушие. Даже сиу были недостаточно сумасшедшими, чтобы надолго оставаться в пустошах.

— Только сумасшедший белый человек проводит тут все лето, — засмеялся он. — И только сумасшедший богатый белый человек проводит здесь каникулы!

Он хлопнул Джонсона по спине.

Два дня они толкали фургон вверх по холмам и подпирали его, спускаясь вниз с холмов, до тех пор, пока Коп не объявил, что они в подходящих для раскопок краях и смогут разбить лагерь в ближайшем хорошем месте, какое найдут. Штернберг предложил вершину ближайшего холма, и они в последний раз втолкнули фургон наверх, кашляя от поднятой колесами пыли.

Жаба, не в силах помогать другим из-за распухшей руки, спросил:

— Чуете костер?

Но никто не чуял.

Когда они поднялись на вершину холма, перед ними открылся вид на равнины и на извилистый ручей, вдоль которого росли тополя. И, насколько хватало глаз, виднелись белые типи, а из каждого поднималась струйка дыма.

— Бог ты мой, — сказал Штернберг.

Он быстро прикинул, сколько их там.

— Сколько, по-вашему? — спросил Исаак.

— Думаю, больше тысячи типи. Бог ты мой, — снова сказал Штернберг.

— Уверен — мы покойники, — заявил Исаак.

— А то, — сказал Каравай Хилл и сплюнул.

Штернберг так не думал. Вопрос заключался в том, какое из индейских племен здесь расположилось. Если сиу, Исаак прав — они все равно что покойники. Но считалось, что сиу все еще должны быть дальше к югу.

— Какая разница, где им полагается быть? — спросил Каравай. — Они здесь, и мы тоже здесь. Это все Маленький Проныра, он привел нас сюда...

— Довольно. Давайте приступим к нашим делам, — сказал Коп. — Разобьем лагерь и будем вести себя естественно.

— Только после вас, профессор, — сказал Каравай.

Было трудно вести себя естественно, когда внизу на равнине раскинулась тысяча типи, а при них — лошади, костры, люди. Конечно, группу Копы уже заметили; некоторые индейцы показывали на них и жестикулировали.

К тому времени как люди разгрузили фургон с кухонной утварью и начали разводить на ночь костер, группа всадников с плеском промчалась через ручей и поскакала вверх, к лагерю.

— Они едут сюда, ребятки, — пробормотал Каравай.

Джонсон насчитал двенадцать всадников. Его сердце сильно колотилось, когда он слушал, как приближаются лошади. Индейцы были великолепными наездниками, они скакали быстро и непринужденно; за ними клубилось облако пыли. Приближаясь, они дико вопили и кричали.

«То были мои первые индейцы, — позже вспоминал Джонсон. — И мной в равной мере одолевали любопытство и ужас. Признаю, вид клубящегося облака пыли и дикие вопли усилили последнее чувство, и в тысячный раз за это путешествие я пожалел о своем необдуманном пари».

Теперь индейцы были близко и скакали вокруг фургона, вдохновенно вопя. Они знали, что белые люди боятся, и наслаждались этим. В конце концов они приблизились, и их вожак отрывисто повторил несколько раз:

— Хау, хау.

Джонсон шепотом спросил Штернберга:

— Что он сказал?

— Он сказал: «Хау».

— Что это значит?

— Это значит «согласен», «все в порядке», «я настроен мирно».

Теперь Джонсон ясно видел индейцев. Как и многие другие, впервые наблюдавшие индейцев равнин, он удивился тому, насколько они красивы: «Высокие, мускулистые; лица с приятными правильными чертами. Они держались с естественным достоинством и гордостью, их тела и одежда из оленьих шкур были на удивление чистыми».

Индейцы не улыбались, но выглядели довольно дружелюбными.

Все по очереди они сказали:

— Хау! — и оглядели лагерь.

Наступило неловкое молчание. Исаак, немного знающий индейский язык, рискнул произнести несколько слов приветствия.

Лица индейцев немедленно помрачнели. Они круто завернули лошадей и поскакали прочь, исчезнув в едком облаке пыли.

— Что ты сказал, проклятый идиот? — спросил Штернберг.

— Я сказал: «Приветствую вас и желаю вам успеха и счастья в вашем путешествии по жизни».

— И на каком языке ты это сказал?

— На языке манданов.

— Проклятый идиот, манданы из группы сиу. А это — кроу!

Даже Джонсон провел на равнинах достаточно долго, чтобы знать о традиционной вражде между племенами сиу и кроу. Ненависть между ними была глубокой и непримиримой, особенно с тех пор, как в последние годы кроу стали союзниками солдат в сражениях против сиу.

— Ну, я знаю только язык манданов, — запротестовал Исаак. — Поэтому на нем я и говорил.

— Ты — проклятый идиот, — повторил Штернберг. — Если раньше у нас не было проблем, то теперь они есть.

— Я думал, кроу никогда не убивают белых людей, — сказал Мортон, облизывая губы.

— Так говорят кроу, — ответил Штернберг, — но у них есть склонность к преувеличениям. О да, парни, у нас проблема!

— Что ж, спустимся туда и все исправим, — со своей обычной прямолинейностью сказал Коп.

— После нашего последнего ужина? — спросил Каравай.

— Нет, — сказал Коп. — Сейчас.

Деревня индейцев

Коренные народы охотились на западных равнинах Америки больше десяти тысяч лет. Они видели, как отступают ледники и земля становится теплой; они наблюдали за исчезновением огромных мастодонтов, бегемотов и внушающего ужас саблезубого тигра (и, может быть, ускорили это исчезновение). Они охотились, когда земля была покрыта густыми лесами, и охотились теперь, когда она стала морем травы. В течение всех этих тысяч лет, во время всех изменений климата и видов добычи индейцы продолжали вести жизнь кочевых охотников на обширных просторах земли.

Равнинные индейцы девятнадцатого века были своеобразными, впечатляющими, загадочными, воинственными людьми. Они пленяли воображение всех, кто их видел, и во многих отношениях символизировали в умах публики всех американских индейцев. Прогрессивные мыслители очень восхищались древностью их ритуалов, уникальной организацией их образа жизни.

Но правда заключалась в том, что общество равнинных индейцев, которое видели жители Запада, едва ли

было старше белой американской нации, угрожавшей теперь его существованию. Равнинные индейцы представляли собой сообщество кочевых охотников, зависящее от лошадей, как сообщество азиатских монголов. Однако лошади не водились в Америке до тех пор, пока их не завезли испанцы триста лет тому назад, изменив цивилизацию равнинных индейцев до неузнаваемости.

И даже традиционные племенные структуры и племенное соперничество были не такими древними, как это часто воображают. Большинство авторитетов считают, что индейцы-кроу некогда входили в народ сиу, живя на территории нынешней Айовы; они мигрировали на запад по направлению к Монтане, постепенно развились в отдельное самобытное племя и сделались непримиримыми врагами своих бывших сородичей.

Как писал один эксперт: «Сиу и кроу, по сути, одинаковы в одежде, манерах, осанке, привычках, языке, обычаях, ценностях. Можно было бы подумать, что это сходство ляжет в основу дружбы, однако оно только усиливает их противостояние».

И вот к этим-то индейцам кроу Коп и его группа ехали сейчас вниз по холму.

Первые впечатления об индейской деревне часто бывали противоречивыми.

Генри Мортон Стэнли, уэльский путешественник и журналист, прославившийся тем, что в 1871 году нашел в Африке доктора Ливингстона¹, вошел в деревню Черного Котла вместе с Кастером и счел ее грязной: «Вообще-то настолько грязной, что это не поддается опи-

¹ Давид Ливингстон (1813—1873) — шотландский миссионер, путешественник, исследователь Африки. Когда его по заданию газеты «Нью-Йорк геральд» нашел Стэнли, о Ливингстоне не было известий два года. Свою карьеру журналиста Стэнли начал в 1867 году с серии репортажей об «умиротворении» индейских племен.

санию». Одежда на полах типи кишела паразитами; его преследовал запах экскрементов.

Других, впервые наблюдавших такую деревню, нервировал вид индейцев, жарящих над костром собаку или жующих окровавленные полосы бизоньего мяса.

Но первые впечатления Джонсона, въехавшего тем вечером в деревню кроу, казалось, больше говорили о нем самом, нежели о кроу.

«Все, кто воображают, — записал он, — что кочующие индейцы ведут беззаботную и открытую жизнь, испытают жестокое потрясение, посетив место их обитания. Деревня равнинных индейцев, как и жизнь воина, крайне упорядочена. Следуя жестким правилам, типи одинаково сделаны из лосиных шкур, одинаково воздвигнуты и одинаково расположены; существуют правила размещения мест для отдыха в этих типи (в задней их части), одеял и вместилищ из сыромятной кожи. Есть правила для узоров, которыми украшают одежду, накидки и пологи типи; правила разведения костров и способов стряпни; правила поведения индейца в каждый момент в любое время его жизни; правила для войны, для мира, для охоты и для поведения после охоты — и всем этим правилам следуют с неизменным постоянством и серьезной решимостью, которая невольно напоминает наблюдателю, что он находится среди народа воинов».

Белые привязали своих лошадей на краю деревни и медленно вошли в нее.

Со всех сторон на них были устремлены полные любопытства взгляды. Смеющиеся дети умолкли и приостановились, чтобы понаблюдать за проходящими мимо незнакомцами; запахи готовящейся оленины и особенно едкий запах высыхающих шкур атаковал ноздри белых.

Наконец молодой храбрый вышел вперед и проделал какие-то сложные жесты.

— Что это он? — прошептал Джонсон.

— Это язык знаков, — сказал Жаба, баюкая свою опухшую руку.

— Ты его понимаешь?

— Нет, — ответил Жаба.

Но Маленький Ветер понимал и заговорил с храбрым на языке кроу. Индейцы повели их глубже в деревню, к большому типи, где возле костра полукругом сидели пять старших воинов.

— Вожди, — прошептал Жаба.

По жесту одного из вождей белые люди сели полукругом лицом к ним.

«Потом начались самые длительные переговоры, в которых я когда-либо принимал участие, — писал Джонсон. — Индейцы любят поговорить, а спешить было некуда. Их любопытство, официальная замысловатость церемониальной речи и свойственное им отсутствие торопливости — все это вместе взятое явно вело к тому, что собрание, посвященное нашему знакомству, продлится всю ночь. Обсуждалось все: кто мы такие (включая наши имена и значения наших имен); откуда мы явились (города, значения названий городов, каким путем мы следовали, как выбирали путь и что повидали во время своего путешествия); почему мы здесь (причина нашего интереса к костям, как мы собираемся их выкапывать и что мы собираемся с ними делать); что за одежду мы носим и почему; значение колец, безделушек, поясных ремней и так далее, до бесконечности, до тошноты».

Если пау-вау¹ и показалась белым бесконечной, наверное, отчасти это было из-за напряжения, которое они испытывали. Штернберг заметил, что «индейцев не слишком-то заботили наши ответы».

¹ Пау-вау — собрание у индейцев.

Вскоре всплыло, что индейцы знают о Копе и что им сказали — он враждебно относится к индейцам и убил собственного отца. Кроу получили совет убить в ответ его самого.

Коп был взбешен, но держал себя в руках. С приятной улыбкой он сказал остальным:

— Вы видите, как злодейство и черные происки негодяя в конце концов стали всем ясны? Разве я досаждал Маршу? Разве я пытался на каждом повороте замедлить его продвижение? Разве я завидую ему? Я вас спрашиваю! Я вас спрашиваю!

Вожди поняли, что Коп расстроен, и Маленький Ветер поспешил заверить их, что тут произошла ошибка.

Индейцы настаивали, что ошибки нет: Копа очень хорошо им описали.

— Кто о нем все это рассказал? — спросил Маленький Ветер.

— Агентство Красного Облака¹.

— Агентство Красного Облака — это агентство для сиу.

— Так и есть.

— Сиу — ваши враги.

— Так и есть.

— Как же вы можете верить словам врага?

Дискуссия продолжалась час за часом. Наконец, чтобы обуздать свою вспыльчивость, а может быть, нервы, Коп начал рисовать. Он нарисовал вождя, и схожесть с оригиналом вызвала огромный интерес. Вождь захотел получить рисунок, и Коп отдал ему листок. Вождь захотел получить перо Копы. Коп отказал.

¹ Красное Облако (1822—1909) — влиятельный вождь сиу. После длительной войны с белыми подписал с ними договор в 1868 году. В 1873 году в Небраске были основаны два агентства для сиу, названные именами вождей — Красного Облака и Пятнистого Хвоста.

— Профессор, — сказал Штернберг, — я думаю, вам лучше отдать ему перо.

— Ничего подобного я не сделаю.

— Профессор...

— Очень хорошо.

Коп протянул перо.

Незадолго до рассвета обсуждение перешло от Копы к Жабе. Позвали какого-то нового вождя, очень бледного и худого человека с диким взглядом. Его звали Белый Олень. Белый Олень посмотрел на Жабу, что-то пробормотал и ушел. Тут индейцы объявили, что они хотят, чтобы Жаба остался в лагере, а остальные уехали.

Коп отказался.

— Да все в порядке, — сказал Жаба. — Я буду служить своего рода заложником.

— Они могут вас убить.

— Но если они меня убьют, — заметил Жаба, — они почти наверняка вскоре после этого убьют и всех вас.

В конце концов Жаба остался, а остальные уехали.

Когда занялся рассвет, они посмотрели из своего лагеря вниз, на стоянку индейцев. Храбрые начали вопить и ездить кругами; в деревне развели большой костер.

— Бедняга Жаба, — сказал Исаак. — Они наверняка будут его пытаться.

Коп наблюдал за происходящим сквозь очки, но все застилал дым. Теперь зазвучало монотонное пение; оно продолжалось до десяти утра, а потом внезапно оборвалось.

Несколько храбрых поехали вверх, к лагерю, взяв с собой Жабу на запасной лошади, и наткнулись на Копу, который мыл свои вставные зубы в жестяной миске. Индейцы были зачарованы и, не успев Жаба спешиться, настояли на том, чтобы Коп вставил в рот зубы, так похожие на настоящие, а потом снова вытащил их.

Коп проделал это несколько раз, показывая контраст ослепительной улыбки с разинутой беззубой дырой, и индейцы, как следует повеселившись, уехали.

Жаба ошеломленно смотрел им вслед.

— Тот вождь, Белый Олень, сотворил с моей рукой чудо — он вылечил ее, — сказал он.

— Было больно?

— Нет, они просто помахали над ней перьями и попели. Но мне пришлось съесть ужасную гадость.

— Какую гадость?

— Не знаю, но она была ужасной. А теперь я очень устал.

Он свернулся под фургоном и проспал двенадцать часов.

На следующее утро руке Жабы стало гораздо лучше. Через три дня он был здоров.

Каждое утро индейцы приезжали посмотреть на Копу и понаблюдать, как Смешной Зуб моет свои зубы. Индейцы часто крутились в лагере, но ни разу ничего не взяли. И они очень интересовались тем, чем занимаются белые: поисками костей.

Костяная страна

Когда первоначальные проблемы разрешились, Копу стало невтерпёж приступить к работе.

В рассветном холодке студенты увидели, что он вглядывается в утесы неподалеку от лагеря — их впервые коснулись солнечные лучи наступающего дня. Внезапно Коп вскочил и сказал:

— Пошли, пошли! Быстрей, это самое лучшее время для поисков.

— Поисков чего? — спросили удивленные студенты.

— Скоро узнаете.

Он подвел их к склону ближайшего утеса и показал на него.

— Видите что-нибудь?

Студенты посмотрели на утес. Они видели освещенную слабым утренним светом голую, изъеденную эрозией скалу, в основном розового цвета, с темно-серыми полосками. Вот и все.

— Никаких костей? — спросил Коп.

Ободренные этим намеком, они пристально вгляделись, щурясь на свету.

— Как насчет вон того места, наверху? — показал Жаба.

Коп покачал головой:

— Просто вмурованные в склон валуны.

— А вон там, рядом с выходящим на поверхность пластом? — показал Мортон.

Коп снова покачал головой:

— Слишком высоко. Не смотрите вверх.

— Там? — попытал удачи Джонсон.

Коп улыбнулся:

— Высохшая полынь. Что ж, вы, похоже, можете увидеть все, кроме костей. А теперь смотрите на середину утеса, потому что при такой высоте зона мелового периода будет находиться рядом с его серединой... У утеса пониже она может быть ближе к вершине. Но у этого она будет посередине — как раз под той розовой полосой. Теперь проведите взглядом вдоль полосы, пока не увидите некое неровное место. Теперь видите? Вон тот овальный участок? Это и есть кости.

Они посмотрели — и на сей раз увидели: кости, освещенные солнечным светом, сильно отличались от скалы, их закругленные края были не такими яркими, как зазубренный камень, и другого оттенка.

Как только студентам на них показали, все стало легко: они увидели еще одно место... И еще одно — вон там... И там... И еще там.

«Мы поняли, — записал Джонсон, — что вся поверхность утеса буквально до отказа набита костями, которые раньше были для нас невидимы, но теперь стали видны так же ясно, как нос на вашем лице. Но, как говорит профессор Коп, мы должны научиться находить и нос на лице. Он любит говорить: “Нет ничего очевидного!”»

Они открывали динозавров.

В 1876 году наука еще совсем недавно признала динозавров; на рубеже веков люди вообще не подозревали о существовании этих гигантских рептилий, несмотря на наличие свидетельств. В июле 1806 года Уильям Кларк из экспедиции Льюиса и Кларка¹ исследовал южный берег реки Йеллоустоун, в тех местах, которые позже стали территорией Монтана, и нашел окаменелость, «вцементированную [sic]² в поверхность скалы». Он описал ее как кость трех дюймов в окружности и трех футов в длину и решил, что это ребро рыбы, хотя это, вероятно, была кость динозавра.

Другие кости динозавра нашли в Коннектикуте в 1818 году; их посчитали останками человеческих существ. Отпечатки лап динозавров, открытые в том же регионе, описали как следы «ворона Ноя». Истинное значение этих окаменелостей впервые поняли в Англии. В 1824 году эксцентричный английский священник Баклэнд описал «*Megalosaurus*, или громадного окаменелого ящера Стоунсфилда». Баклэнд вообразил, что окаменелое существо должно быть больше сорока футов длиной «и с массой, равной массе слона семи футов ро-

¹ Экспедиция под руководством Мэриуэзера Льюиса и Уильяма Кларка продолжалась с 1804 по 1806 год и была первой сухопутной американской исследовательской экспедицией до тихоокеанского побережья.

² Sic (лат.) — здесь: «так у автора».

стом». Но этого замечательного ящера сочли просто отдельным экземпляром.

На следующий год Гидеон Мантелл, английский врач, описал «только что открытую окаменелую рептилию *Iguanodon*». Описание Мантелла основывалось большей частью на нескольких зубах, найденных в английском карьере. Сначала зубы были посланы барону Кювье¹, величайшему анатому своего времени; тот объявил, что это резцы носорога. Неудовлетворенный Мантелл остался при убеждении, что «открыл зубы неизвестной травоядной рептилии» и в конце концов доказал, что зубы больше всего напоминают зубы игуаны, американской ящерицы.

Барон Кювье признал свою ошибку и задался вопросом: «Не имеем ли мы здесь дело с новым животным, травоядной рептилией... или животным другого времени?»

Одна за другой были извлечены из земли другие окаменелые рептилии: *Hylaeosaurus*² в 1832 году, *Macrodonotophion*³ — в 1834 году, *Thecodontosaurus*⁴ и *Paleosaurus*⁵ — в 1836 году; *Plateosaurus*⁶ — в 1837 году.

С каждым новым открытием росло подозрение, что кости представляют целую группу рептилий, которые

¹ Жорж Леопольд Кювье (1769—1832) — великий естествоиспытатель, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии.

² Гилеозавр — ящер, покрытый роговыми пластинами с большими шипами вдоль всего позвоночника и по бокам.

³ Животное, чье существование установлено по единственному зубу, однако существуют большие сомнения, что это именно зуб ящера, а не что-то иное.

⁴ Текодонтосавр — некрупный динозавр с коротким туловищем и передними конечностями короче задних.

⁵ Палеозавры — целый род ископаемых ящеров, по всей видимости, крокодилообразных.

⁶ Платеозавр — один из предшественников огромных травоядных ящеров, чем-то схожий по анатомии с текодонтосавром.

уже исчезли с лица земли. В конце концов в 1841 году еще один врач и анатом, Ричард Оуэн, предложил называть всю группу динозаврами, то есть «ужасными ящерами».

Это понятие получило настолько широкое одобрение, что в 1854 году в Хрустальном дворце в Сиденхеме¹ были представлены реконструированные динозавры в полный рост; они привлекли большое внимание публики. (Оуэн, которого королева Виктория за его достижения пожаловала рыцарским званием, позже стал ожесточенным противником Дарвина и доктрины эволюции.)

К 1870 году охота за динозаврами сосредоточилась вместо Европы в Северной Америке. Начиная с 1850-х годов было признано, что на американском Западе есть большое количество окаменелостей, но до завершения строительства Трансконтинентальной железной дороги в 1869 году извлекать эти гигантские кости было крайне неудобно.

На следующий год Коп и Марш начали свое неистовое соперничество в деле добывания окаменелостей в том новом регионе. Они взялись за труд со всей безжалостностью Карнеги или Рокфеллера. Отчасти эта напористость — новая для научных изысканий — отражала ценности, преобладавшие в тогдашнюю эпоху, а отчасти проистекала из осознания факта, что динозавры перестали быть непостижимыми. Коп и Марш в точности знали, чем занимаются: они открывали целый мир великого царства исчезнувших рептилий. Они творили историю науки.

И они знали, что слава и честь выпадет на долю того, кто откроет и опишет большее количество видов.

¹ Хрустальный дворец был построен в Лондоне к Всемирной выставке 1851 года. После окончания выставки другой Хрустальный дворец, выше прежнего, был возведен в деревне Сиденхем в графстве Кент; его окружал парк развлечений.

Эти двое были поглощены своими поисками.

«Охота за костями, — писал Джонсон, — имеет особую притягательность, не похожую на притягательность охоты за золотом. Никто никогда не знает, что он найдет, и возможные открытия, ожидающие человека, подстегивают поиски».

И они действительно совершали открытия. Пока остальные копали на склоне утеса, Коп работал на участке внизу, зарисовывая, делая заметки и классифицируя. Он настаивал на том, чтобы студенты дотошно записывали, как именно найденные кости были расположены по отношению к другим.

Чтобы разрыхлить камень, в ход шли лопаты и кирки, после уступавшие место инструментам поменьше, казавшимся довольно простыми: молотку, зубилу, кайлу и кисти. Несмотря на нетерпение студентов, им сперва пришлось научиться множеству специальных приемов: для работы с камнем они научились выбирать один из трех молотков разного веса с широкими головками, одно из четырех зубил разной ширины (вывезенных из Германии, объяснил Коп, из-за качества их стали), один из двух стальных резцов разных размеров. Чтобы смахивать грязь и пыль, они познакомились с ассортиментом жестких кистей.

— Мы забрались слишком далеко, чтобы работать неправильно, — сказал Коп. — К тому же окаменелости не всегда легко поддаются.

Человек не просто выбивает окаменелую кость из скалы, объяснил он. Человек изучает положение окаменелости, в случае необходимости простукивает камень зубилом и только изредка энергично бьет молотком. Чтобы найти трудно различимую границу между костью и камнем, нужно разглядеть разницу в их цвете.

— Иногда помогает просто плюнуть на нее, — говорил Коп. — Влага усиливает контраст.

— Я очень быстро умру от жажды, — пробормотал Джордж Мортон.

— Не только смотрите на то, что делаете, — наставлял Коп. — Еще и слушайте. Слушайте, какой звук издает зубило, ударяя о камень. Чем выше тон, тем крепче камень.

Он также продемонстрировал, как в зависимости от наклона скалы принять правильную позу, чтобы извлечь окаменелости. Они работали, лежа на животе, стоя на коленях, сидя на корточках, а иногда — выпрямившись во весь рост.

Когда поверхность скалы была особенно крутой, в нее вбивали колья и страховались веревками. Им пришлось понять, как солнечные лучи, падая под определенным углом, освещают не только поверхность камня, но и его трещины и неожиданные глубины.

Джонсон поймал себя на воспоминаниях о том, как сложно было научиться фотографировать. Извлекать окаменелости из хватки камня, не повредив их, было куда труднее.

Коп показал им, как размещать инструменты под рукой, чтобы работать как можно эффективнее, потому что в течение дня каждый студент откладывал молоток и зубило и брался за кисть, а потом снова — за молоток и зубило во всевозможных комбинациях сотни раз. Левши держали зубила у правой руки, а кисти — слева.

— Эта работа утомительнее, чем вы ожидаете, — сказал Коп.

Так и было.

— У меня болят пальцы, болят запястья, болят плечи, колени и ступни тоже болят, — сказал Джордж Мортон спустя первые несколько дней.

— Уж лучше у тебя, чем у меня, — ответил Каравай.

Когда кости спускали в лагерь, Коп раскладывал их для контраста на темном шерстяном одеяле и пристально

смотрел на них, пока не замечал, как они связаны друг с другом.

В конце июля он объявил о новом утконосом *Nadrosaurus*, неделей позже — о летающей рептилии. А потом, в августе, они нашли *Titanosaurus*¹ и, наконец, зубы *Champsosaurus*².

— Мы находим замечательных динозавров! — ликовал Коп. — Замечательных, удивительных динозавров!

Работа оставалась изматывающей, изнурительной, иногда опасной. Во-первых, масштаб ландшафта, как и на всем Западе, был обманчив. Утес, выглядевший маленьким, во время подъема оказывался в пятьсот или шестьсот футов высотой. Карабкаться по отвесным осыпающимся поверхностям, работать на полпути к вершине, сохранять равновесие на склоне было крайне утомительно.

То был странный мир: часто, работая на этих огромных каменистых откосах, люди находились так далеко друг от друга, что едва видели один другого, но благодаря царящей вокруг тишине и изогнутым утесам, игравшим роль гигантских воронок, могли вести внятные беседы, не повышая голос громче шепота, несмотря на непрерывные звуки раскатистых ударов и негромкого звяканья молотков, бьющих по зубилу, а зубила — ударяющего по камню.

Случалось, что глубокое безмолвие и одиночество становились гнетущими. Особенно после того, как кроу снялись со стоянки, студенты стали тревожно сознавать тишину.

¹ Титанозавр — гигантский травоядный ящер традиционного вида: с очень длинной шеей и очень длинным хвостом, довольно похожими друг на друга.

² Хампсозавр — напоминавший гавиалов, современных узкомордых крокодилов Южной и Юго-Восточной Азии.

И Штернберг оказался прав: в конце концов хуже всего на пустошах была пыль. Крайне едкая, она вздымалась с каждым ударом кирки или лопаты; жгла глаза, щипала в носу, запекалась на губах и вызывала приступы кашля; жгла незажившие порезы, покрывала одежду и вызывала раздражение на сгибах рук и ног и под мышками; скрипела в спальных мешках, припорошивала еду, делая ее горько-кислой, и сдабривала кофе. Ветер шевелил пыль, и она сделалась постоянной силой, отличительным свойством этих суровых и грозных мест.

Руки, которыми приходилось делать все, особенно выкапывать окаменелости, вскоре стали ободранными и мозолистыми, и пыль щипала каждую трещинку. Коп настаивал, чтобы люди тщательно мыли руки в конце дня, и раздавал маленькие порции желтоватого смягчающего средства для втирания в ладони и пальцы.

— Пахнет скверно, — сказал Джонсон. — Что это такое?

— Очищенный медвежий жир.

Но пыль была повсюду. Никакие испробованные ими средства не срабатывали. Банданы и повязки на лице не помогали, поскольку не могли защитить глаза. Каравай соорудил навес, чтобы попытаться прикрыть от пыли свою стряпню, но на второй день навес сгорел.

Некоторое время они жаловались друг другу, а потом, после второй недели, больше ни о чем таком не упоминали. Это походило на заговор молчания. Больше они не будучт говорить о пыли.

Как только хрупкие кости выкапывали, их следовало спустить вниз на веревках — трудный, кропотливый процесс. Одна промашка — и окаменелости выскользнут из веревок, закувыркаются вниз по склону и рухнут на землю, сломавшись и утратив всякую ценность. В таких случаях Коп становился желчным, напоминая, что окаменелости «залегали миллионы лет в идеальном месте,

в замечательном состоянии, дожидаясь, пока вы уроните их, как идиоты! Идиоты!»

Подобные горячие речи привели к тому, что студенты нетерпеливо ожидали, когда же сам Коп совершит какую-нибудь промашку... Но такого никогда не случилось. Штернберг в конце концов сказал, что, «если не считать его характера, профессор идеален, и, похоже, лучше это признать».

Но скала была хрупкой, и время от времени окаменелости ломались, даже когда с ними обращались со всевозможной осторожностью. Больше всего огорчало, когда они ломались спустя дни или недели после того, как их спускали на землю.

Именно Штернберг первым предложил решение проблемы.

Выехав из форта Бентон, они привезли с собой несколько сотен фунтов риса. По мере того как тянулись дни, становилось ясно, что весь рис они никогда не съедят.

— По крайней мере в таком виде, в каком его готовит Вонючка, — проворчал Исаак.

Вместо того чтобы выбросить рис, Штернберг сварил его до состояния студенистой пасты, которой полил окаменелости. Благодаря этой оригинальной технологии окаменелости стали смахивать на снежные блоки — или, как выразился Штернберг, на «гигантские печенья». Но, как ни назови, паста обеспечивала защитное покрытие. Окаменелости больше не ломались.

Вокруг костра

Каждый вечер, когда солнечный свет угасал и становился неярким, из-за чего складчатая местность выглядела не такой застывшей, Коп излагал группе обзор находок сегодняшнего дня и говорил о потерянном мире, по которому скитались эти гигантские животные.

«Коп, когда хотел, умел говорить, как оратор, — отмечал Штернберг, — и вечерами мертвые серые скалы становились густыми зелеными джунглями, струящимися ручьями, обширными, полными зелени озерами, ясное небо затягивалось горячими дождевыми тучами, и воистину весь пустынный пейзаж у нас на глазах превращался в древнее болото. Это было непостижимо, когда он вот так говорил. Мы ощущали, как холодок пробежал по спине и руки покрывались мурашками».

Отчасти холодок вызывался устойчивым привкусом ереси. В отличие от Марша Коп не был открытым дарвинистом, но, похоже, верил в эволюцию и, конечно же, в глубокую древность живого мира. Мортон собирался стать священником, как его отец. Он спросил Копу, «как человека науки», насколько стар этот мир.

Коп ответил, что понятия не имеет, — таким мягким тоном, каким говорил, когда что-то скрывал. То была противоположная сторона его взрывного характера — почти ленивая индифферентность, безмятежный, спокойный голос. Подобная кротость овладевала Копом, когда дискуссия переходила на темы, которые могли считаться религиозными. Набожному квакеру (несмотря на его боксерский темперамент) было трудно попирать религиозные чувства других.

— В самом ли деле, — спросил Мортон, — миру шесть тысяч лет, как говорит епископ Ашшер?¹

Огромное множество серьезных и образованных людей все еще верили в эту дату, несмотря на Дарвина и шум, который поднимали новые ученые, называющие себя «геологами». В конце концов, проблема с утверждениями ученых заключалась в том, что они всегда говорили разное. Нынче — одна идея, на следующий год —

¹ Джеймс Ашшер (1581—1656) — ирландский англиканский архиепископ, один из основоположников библейской хронологии, привязки библейских событий к реальному времени.

какая-нибудь другая. Научные воззрения все время менялись, как мода на женские платья, в то время как дата 4004 год до Рождества Христова привлекала внимание тех, кто стремился к более твердо установленному факту.

— Нет, — ответил Коп, — я не думаю, что мир настолько юн.

— Тогда насколько он стар? — спросил Мортон. — Шесть тысяч лет? Десять тысяч лет?

— Нет, — все так же безмятежно ответил Коп.

— Тогда насколько старше?

— В тысячи тысяч раз старше, — произнес Коп по-прежнему мечтательным голосом.

— Вы наверняка шутите! — воскликнул Мортон. — Четыре миллиарда лет? Это полный абсурд.

— Я не знаю никого, кто жил в то время, — мягко сказал Коп.

— Но как же насчет возраста Солнца? — с самодовольным видом спросил Мортон.

В 1871 году лорд Кельвин, самый выдающийся физик своего времени, изложил серьезные возражения относительно теории Дарвина. В последующие годы на них не ответил ни Дарвин, ни кто-либо другой. Чтобы последствия эволюции проявились на Земле (вне зависимости от того, что еще можно было думать об эволюционной теории), явно требовался значительный период времени — по крайней мере, несколько сотен тысяч лет. Во времена публикации работы Дарвина, по самым смелым оценкам, возраст Земли насчитывал около десяти тысяч лет. Сам Дарвин полагал, что Земле должно быть по меньшей мере триста тысяч лет, чтобы дать достаточно времени для эволюции. Материальные свидетельства новой науки — геологии были запутанными и противоречивыми, но казалось по меньшей мере возможным, что возраст Земли может насчитывать несколько сотен тысяч лет.

Лорд Кельвин подошел к этому вопросу по-другому. Он спросил, сколько горит Солнце. В то время массу Солнца довольно точно установили; в нем явно действовали те же процессы горения, которые обнаружили на Земле, — следовательно, можно было высчитать время, потребное для того, чтобы массу Солнца поглотил огромный огонь. Кельвин нашел ответ: Солнце полностью сгорит через двадцать тысяч лет.

Тот факт, что лорд Кельвин был набожным религиозным человеком и, следовательно, выступал против эволюции, нельзя рассматривать как причину предвзятости его рассуждений. Он исследовал проблему с точки зрения беспристрастной математики и физики. И он пришел к неопровержимому выводу, что для эволюционного процесса просто недостаточно времени.

Добавочным свидетельством было тепло Земли. Благодаря стволам шахт и другим просверленным отверстиям стало известно, что температура Земли увеличивается на один градус на каждую тысячу футов глубины. Это подразумевало, что ядро Земли все еще очень горячее. Но если бы Земля и вправду сформировалась сотни тысяч лет назад, она бы уже давно остыла. Это совершенно ясно вытекало из второго закона термодинамики, и никто не оспаривал этого.

Их таких физических дилемм был лишь один выход, и Коп предложил его вслед за Дарвином.

— Может быть, — сказал он, — мы не все знаем об источниках энергии Солнца и Земли.

— Вы имеете в виду, что может существовать новая форма энергии, еще неизвестная науке? — спросил Мортон. — Физики говорят, что это невозможно, что они уже полностью понимают правила, управляющие мирозданием.

— Может, физики ошибаются, — сказал Коп.

— Определенно кто-то ошибается.

— Верно, — невозмутимо проговорил Коп.

Если он непредвзято выслушивал разговоры Мортонна о вере, точно так же он вел себя с Маленьким Ветром, следопытом-шошоном.

Вскоре после того, как начались раскопки костей, Маленький Ветер заволновался и стал возражать. Он сказал, что всех их убьют.

— Кто нас убьет? — осведомился Штернберг.

— Великий Дух — молниями.

— Почему? — спросил Штернберг.

— Потому что мы тревожим место захоронения.

Маленький Ветер объяснил, что это кости гигантских змей, населявших Землю в далеком прошлом, до того, как Великий Дух выследил их и убил всех молниями, чтобы человек мог жить на равнинах. Великий Дух не хотел бы, чтобы змеиные кости потревожили, и он не станет кротко взирать на такие авантюры.

Штернберг, которому в любом случае не нравился Маленький Ветер, должным образом сообщил об этом Копу.

— Может, он и прав, — сказал Коп.

— Это всего лишь дикарское суеверие, — фыркнул Штернберг.

— Суеверие? Какую часть сказанного им вы имеете в виду?

— Все, — ответил Штернберг. — Всю эту идею.

— Индейцы думают, что окаменелости — кости змей, то есть рептилий. Мы тоже думаем, что это были рептилии. Они считают, что существа были гигантскими. Мы тоже так считаем. Они думают, что гигантские рептилии жили в далеком прошлом. Как полагаем и мы. Они думают, что их убил Великий Дух. Мы говорим, что не знаем, почему они исчезли... Но, поскольку не предлагаем собственного объяснения, с чего нам быть уверенными, что объяснение индейцев — суеверие?

Штернберг пошел прочь, качая головой.

Плохая вода

Коп выбирал места для своих лагерей исходя из удобного доступа к окаменелостям, и только.

Одной из проблем их первой стоянки был недостаток воды. Ближайший Медвежий ручей оказался таким загрязненным, что они перестали брать из него воду после первой же ночи, когда все помучились дизентерией и желудочными спазмами. И, по словам Штернберга, в пустошах повсюду вода напоминала «густой раствор английской соли».

Поэтому всю свою воду они брали из родников. Маленький Ветер знал несколько родников, ближайший из них находился в двух милях езды от лагеря. Поскольку Джонсон больше всех других суетился насчет воды, которую использовал для своих фотографических процессов, его обязанностью стало каждый день ездить к источнику и обратно и привозить воду.

В таких поездках его всегда кто-нибудь сопровождал. С кроу они не знали никаких проблем, а сиу, как считалось, все еще находились далеко на юге, но здесь были индейские охотничьи угодья, и люди Копы никогда не знали, когда могут повстречаться с маленькими группами враждебных индейцев. Всадники-одиночки всегда рисковали.

Тем не менее для Джонсона то была самая бодрящая часть дня. Ехать под огромным куполом голубого неба, там, где вокруг во все стороны расстилались равнины, — это ощущение было сродни мистическому.

Обычно с ним ездил Маленький Ветер. Маленькому Ветру тоже нравилось выбираться из лагеря, но по другим причинам. Дни шли, выкапывалось все больше костей, и он все больше боялся возмездия Великого Духа, или, как он его иногда называл, Вездесущего Духа — то-

го, который пребывал во всех вещах в мире и находился повсюду.

Обычно они добирались до ручья в плоской прерии примерно в три часа дня, когда солнце жарило меньше и свет становился желтым; наполняли бурдюки и забрасывали их на лошадей. Помедлив, чтобы напиться прямо из источника, они отправлялись обратно.

Однажды, когда они добрались до ручья, Маленький Ветер жестом велел Джонсону остаться на некотором расстоянии, а сам спешил и внимательно осмотрел землю вокруг источника.

— В чем дело? — спросил Джонсон.

Маленький Ветер быстро обошел вокруг источника, держа нос в нескольких дюймах от земли. Время от времени он подбирал комок земли прерий, нюхал его и ронял.

Такое поведение всегда наполняло Джонсона смесью удивления и раздражения — удивления оттого, что индеец умеет читать землю так, как Уильям читает книгу, и раздражения оттого, что сам он не может такому научиться. Он подозревал, что Маленький Ветер, зная об этом, добавляет в свои действия театральных штрихов.

— В чем дело? — снова спросил раздраженный Джонсон.

— Лошади, — ответил Маленький Ветер. — Две лошади, два человека. Это утро.

— Индейцы?

Вопрос вырвался у Джонсона нервнее, чем он намеревался его задать.

Маленький Ветер покачал головой:

— У лошадей есть подковы. У людей есть сапоги.

Они не видели белых людей почти месяц, за исключением собственной группы. У белых было мало причин здесь находиться.

Джонсон нахмурился.

— Трапперы?

— Какие трапперы? — Маленький Ветер показал на плоскую равнину, протянувшуюся во всех направлениях. — Нечего ловить.

— Охотники на бизонов?

Все еще продолжалась торговля бизоньими шкурами, из которых шили одежду для продажи в городах.

Маленький Ветер опять покачал головой:

— Бизоньи люди не охотиться на земле сиу.

«Это верно, — подумал Джонсон. — Одно дело — вторгнуться на земли сиу в поисках золота. Но охотники на бизонов никогда не стали бы так рисковать».

— Тогда кто же?

— Те же люди.

— Какие «те же люди»?

— Те же люди у Собачьего ручья.

Джонсон спешил.

— Те же самые люди, чей лагерь ты нашел у Собачьего ручья? Откуда ты знаешь?

Маленький Ветер показал на землю:

— У этого есть каблук с трещиной. Тот же каблук. Те же люди.

— Будь я проклят, — сказал Джонсон. — За нами следили.

— Да.

— Что ж, давай наберем воду и расскажем Копу. Может, он захочет что-нибудь предпринять.

— Не брать здесь воду. — Маленький Ветер показал на лошадей, которые тихо стояли у источника.

— Не понял, — отозвался Джонсон.

— Лошади не пьют, — сказал Маленький Ветер.

Лошади всегда пили, как только добирались до источника. Первым делом люди давали напиться лошадям и лишь потом наполняли бурдюки.

Но Маленький Ветер был прав: сегодня лошади не пили.

— Я попью, — сказал Джонсон.

— Вода нехорошая, — ответил Маленький Ветер.

Он нагнулся к воде и понюхал. Внезапно он погрузил руку в источник по плечо и вытащил огромный комок бледно-зеленой травы. Сунул руку снова и вытащил еще. С каждым комком, который он вынимал, ручей тек свободнее.

Индеец сказал Джонсону, как называется эта трава, и объяснил, что, если бы люди выпили воды, они заболели бы. Маленький Ветер говорил быстро, и Джонсон понял не все, кроме того, что трава, очевидно, вызывает лихорадку и рвоту и из-за нее люди ведут себя как безумные, если не умирают.

— Плохая штука, — сказал Маленький Ветер. — Завтра вода есть хорошая.

Он устался на равнины.

— Мы поедem искать тех белых людей? — спросил Джонсон.

— Я ехать, — сказал Маленький Ветер.

— Я тоже, — заявил Джонсон.

Они скакали галопом почти час в желтеющем после-полуденном свете и вскоре очутились далеко от лагеря. Джонсон понял, что будет трудно добраться обратно до наступления сумерек.

Маленький Ветер периодически останавливался, спешивался, осматривал землю и снова садился на коня.

— Далеко еще?

— Скоро.

Они продолжали скакать.

Солнце скрылось за пиками Скалистых, а они все скакали. Джонсон начал беспокоиться. Раньше он никогда не бывал в прериях ночью, и Коп то и дело пре-

дупреждал его, чтобы он возвращался в лагерь до темноты.

— Далеко еще?

— Скоро.

Они проехали еще около пятнадцати миль и снова остановились. Маленький Ветер, похоже, теперь останавливался чаще. Джонсон подумал — это потому, что слишком темно, чтобы как следует видеть землю.

— Далеко еще?

— Ты хочешь вернуться?

— Я? Нет, я просто спрашиваю, сколько еще осталось.

Маленький Ветер улыбнулся:

— Стемнеть, ты бояться.

— Не будь смешным. Я просто спрашивал. Как думаешь, еще далеко?

— Нет. — Маленький Ветер вытянул руку. — Там.

За далеким хребтом они увидели тонкую струйку серого дыма, поднимающуюся прямо в небо. Лагерный костер.

— Оставить лошадей, — сказал Маленький Ветер, спешиваясь.

Он выдернул пучок травы и позволил ветру подхватить травинки. Их понесло на юг.

Маленький Ветер кивнул и объяснил, что они должны приблизиться к лагерю с подветренной стороны, иначе лошади других людей могут их почуять.

Они начали красться вперед, перебрались через ближайший гребень, легли на животы и посмотрели вниз, в долину.

В густеющих сумерках — два человека, палатка и ярко пылающий костер. Шесть лошадей привязаны за палаткой.

Один из мужчин был приземистым, другой — высоким. Они готовили убитую ими антилопу. Джонсон не мог как следует рассмотреть их лиц, но вид одинокого лагеря, со всех сторон окруженного милями открытых прерий, показался ему странно тревожным. Зачем здесь эти двое?

— Эти люди хотят кости, — сказал Маленький Ветер, вторя его мыслям.

А потом высокий человек наклонился поближе к костру, поправляя на вертеле ногу антилопы, и Джонсон увидел знакомое лицо. Это был тот грубиян, с которым он разговаривал на станции в Омахе, рядом с кукурузными полями. Человек Марша, Нави Джо Бенедикт.

Тут они слышали бормотание. Клапан палатки откинулся, и оттуда появился лысеющий, крупный мужчина. Он тер что-то в руках — протирал стекла очков. Он снова заговорил, и даже издалека Джонсон узнал слегка запинаящуюся, церемонную манеру речи.

Это был Марш.

Коп с восторгом хлопнул в ладоши.

— Итак! Высокомудрый профессор Копеологии следовал за нами сюда! Что может послужить лучшим доказательством моих слов? Этот человек не ученый — он собака на сене. Он не гонится за собственными открытиями, он пытается шпионить за моими. У меня никогда не было ни времени, ни желания за ним шпионить, но папаша Марш проделал путь от Йельского университета аж до территории Монтана только для того, чтобы выследить меня! — Он покачал головой: — Он еще угодит в сумасшедший дом.

— Похоже, вас это забавляет, профессор, — сказал Джонсон.

— Конечно, забавляет! Моя теория о сумасшествии этого человека вполне подтвердилась, к тому же, пока он меня выслеживает, сам он не сможет найти никаких новых костей!

— Я сомневаюсь в этих выводах, — сдержанно проговорил Штернберг. — Сказать, что у Марша много денег, — значит ничего не сказать, а его студентов с ним нет. Он, наверное, платит охотникам за костями, чтобы они копали для него одновременно на трех или четырех территориях — прямо сейчас.

Штернберг некоторое время работал с Маршем — несколько лет тому назад, в Канзасе. Он, несомненно, был прав, и Коп перестал улыбаться.

— Кстати, о находках, — сказал Каравай. — Как он нас нашел?

— Маленький Ветер сказал, что это те самые люди, которые следовали за нами у Собачьего ручья.

Исаак вскочил:

— Видите? Я же говорил вам, что за нами идут!

— Сядьте, Джей-Си, — сказал Коп.

Теперь он хмурился, его хорошее настроение исчезло.

— В любом случае что они здесь делают? — спросил Каравай. — Они темные личности. Они собираются убить нас и забрать кости.

— Они не собираются нас убивать, — сказал Коп.

— Ну, тогда забрать кости, это уж точно.

— Они не посмеют. Даже Марш на такое не пойдет.

Но в темноте равнин его голос прозвучал неубедительно. Наступило молчание. Люди слушали стон ночного ветра.

— Они отравили воду, — сказал Джонсон.

— Да, — отозвался Коп. — Отравили.

— Я бы не сказал, что это по-добрососедски, — заметил Каравай.

— Верно...

— Вы сделали несколько важных открытий, профессор. Таких, что любой ученый отдал бы левую руку за то, чтобы назвать их своими.

— Верно.

Снова надолго воцарилось молчание.

— Мы здесь далеко от дома, уж это точно, — сказал Исаак. — Если бы что-нибудь с нами случилось, кто был бы в выигрыше? Если мы никогда больше не появимся в форте Бентон, они просто обвинят индейцев.

— Они обвинить индейцев, — кивнул Маленький Ветер.

— Совершенно верно.

— Лучше как-то с ними разобраться, — сказал Исаак.

— Вы правы, — в конце концов проговорил Коп. Он пристально глядел в костер. — Мы кое-что предпримем. Мы пригласим их завтра вечером на ужин.

Ужин с Копом и Маршем

На следующий день поиски окаменелостей были заброшены ради лихорадочных приготовлений к визиту Марша. В лагере прибрали, одежду постирали, все помылись. Штернберг подстрелил оленя на ужин, а Каравай его поджарил.

Коп занимался собственными приготовлениями. Он перебирал груды окаменелостей, которые они нашли, беря кусок здесь, кусок там и откладывая их в сторону.

Джонсон спросил, не может ли он помочь, но Коп покачал головой:

— Это работа для эксперта.

— Вы отбираете находки, чтобы показать их Маршу?

— В некотором роде. Я создаю новое существо: *Dinosaurus marshiensis vulgaris*¹.

¹ Динозавр Марша обыкновенный.

К концу дня он собрал из фрагментов сносный череп с двумя серповидными выступами, торчащими в стороны из челюсти, как изогнутые бивни.

Исаак сказал, что это похоже на дикого кабана или бородавочника.

— Именно! — возбужденно подтвердил Коп. — Доисторический свиноподобный гигант. Похожий на свинью динозавр! Свинья для свиньи!

— Мило, — согласился Штернберг, — но череп не выдержит внимательного изучения Марша.

— До этого и не дойдет.

Коп велел им поднять череп, скрепленный пастой, и, следуя инструкциям профессора, они передвинули череп сперва подальше от костра, потом поближе к нему, потом снова — подальше; поднесли к одной стороне костра, после чего — к другой. Коп стоял у огня, прищурившись. Наконец он снова приказал передвинуть череп.

— Он похож на женщину, обставляющую свой дом, а мы тут двигаем мебель, — сказал Каравай, тяжело дыша.

Уже к концу дня Коп объявил, что доволен положением черепа. Все отправились приводить себя в порядок, а Маленького Ветра отрядили, чтобы пригласить обитателей другого лагеря присоединиться к ним за ужином. Он вернулся через несколько минут и сказал, что три всадника уже приближаются.

Коп мрачно улыбнулся:

— Мне следовало бы знать, что он пригласит себя сам.

«В характерах обоих имелась театральная сторона, — отмечал Штернберг, который работал на обоих профессоров, — хотя проявлялась она по-разному. Профессор Марш был тяжеловесным и серьезным человеком, делавшим продуманные паузы. Он говорил медленно и умел

заставить слушателя ожидать своих следующих слов. Профессор Коп был его противоположностью: его слова текли беспорядочным потоком, движения были быстрыми и нервными, и он приковывал к себе внимание, как приковывает к себе внимание колибри — такой блистательно быстрый, что вам не хотелось ничего упустить. На этой встрече (единственной их встрече лицом к лицу, которой я стал свидетелем) сделалось ясно, что между ними не осталось никакой любви, хотя они прилагали все усилия, чтобы скрыть этот факт за ледяной восточной церемонностью».

— Чему мы обязаны честью, профессор Марш? — спросил Коп, когда трое мужчин въехали в лагерь и спешили.

— Дружеский визит, профессор Коп, — ответил Марш. — Мы случайно оказались по соседству.

— Воистину поразительно, профессор Марш, особенно учитывая размеры нашего квартала.

— Схожие интересы, профессор Коп, ведут людей схожими путями.

— Удивительно, что вы даже не знали, что мы здесь.

— Мы не знали, — ответил Марш. — Но увидели ваш костер и отправились на разведку.

— Ваше внимание — честь для нас, — сказал Коп. — Вы, конечно, должны остаться на ужин.

— Мы никоим образом не хотим навязываться, — ответил Марш, быстро обводя глазами лагерь.

— Да и я никоим образом не хочу задерживать вас, прерывая ваше путешествие...

— Раз уж вы настаиваете, мы будем счастливы остаться на ужин, профессор Коп. Мы с благодарностью принимаем приглашение.

Каравай достал приличный бурбон; пока они пили, Марш продолжал осматривать лагерь. Его взгляд упал на несколько окаменелостей и, наконец, на необычный

кзыкастый череп, отложенный в сторону. Его глаза широко распахнулись.

— Я вижу, вы оглядываетесь... — начал Коп.

— Нет-нет...

— Наша экспедиция должна показаться вам очень маленькой в сравнении с огромным размахом ваших собственных начинаний.

— Ваше снаряжение кажется умело подобранным и компактным.

— Нам повезло сделать одну-две значительные находки.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Марш.

Он нервно пролил свой бурбон и вытер подбородок ладонью.

— Как коллега коллеге: может, вам доставил бы удовольствие осмотр нашего скромного лагеря, профессор Марш?

Волнение Марша стало очевидным, но он сказал только:

— О, я не хочу совать нос в чужие дела.

— Мне вас не уговорить?

— Я не хотел бы, чтобы меня обвинили в чем-нибудь неподобающем, — улыбаясь, ответил Марш.

— По зрелом размышлении, — сказал Коп, — вы правы, как всегда. Воздержимся от осмотра и просто поужинаем.

В этот миг Марш бросил на него взгляд такой убийственной ненависти, что Джонсона пробрала дрожь.

— Еще виски? — спросил Коп.

— Да, выпью еще немного, — ответил Марш, протягивая стакан.

Ужин представлял собой комедию дипломатичности.

Марш напомнил Копу детали их прежней дружбы, которая началась, конечно, в Берлине — кто бы мог по-

думать! — когда оба были намного моложе и бушевала Гражданская война. Коп поспешил присовокупить собственные теплые истории, подтверждающие эти слова; профессора перебивали друг друга в стремлении заявить о своем горячем восхищении друг другом.

— Профессор Коп, вероятно, рассказывал вам, как я раздобыл ему первую его работу, — сказал Марш.

Все вежливо возразили: нет, они о таком не слышали.

— Ну, не совсем первую работу, — сказал Марш. — Профессор Коп оставил свой пост профессора зоологии в Хаверфорде — оставил довольно внезапно, насколько я помню, — и в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году стремился отправиться на Запад. Верно, профессор Коп?

— Верно, профессор Марш.

— Поэтому я отвез его в Вашингтон, чтобы познакомиться с Фердинандом Гайденом, который планировал геолого-разведочную экспедицию. Они с Гайденом понравились друг другу, и профессор Коп нанялся в экспедицию палеонтологом.

— Истинная правда.

— Хотя на самом деле вы, кажется, так и не отправились в ту экспедицию, — сказал Марш.

— Да, — ответил Коп. — Моя маленькая дочь заболела, и у меня было не все в порядке со здоровьем, поэтому я работал в Филадельфии, каталогизируя кости, которые отсылала туда экспедиция.

— У вас самые экстраординарные способности делать умозаключения по поводу костей, не имея преимущества видеть их на фактическом месте раскопок и не выкапывая их самостоятельно.

Марш ухитрился превратить этот комплимент в оскорбление.

— В данном отношении вы не менее талантливы, профессор Марш, — быстро ответил Коп. — Мне часто

хотелось бы тоже располагать обширной финансовой помощью многочисленных покровителей, чтобы содержать такую же широкую сеть охотников за костями и разведчиков окаменелостей, какую содержите вы. Наверное, вам трудно угнаться за большим количеством костей, посылаемых вам в Нью-Хейвен, и самому писать все статьи.

— С той же проблемой сталкиваетесь и вы, — сказал Марш. — Меня изумляет, что вы отстае в ваших официальных сообщениях не больше чем на год. Наверное, вы вынуждены работать в огромной спешке.

— С огромной скоростью, это верно, — ответил Коп.

— Вам всегда все давалось легко, — сказал Марш, а потом предался воспоминаниям о тех неделях, которые они провели молодыми людьми в Хаддонфилде, Нью-Джерси, вместе разыскивая ископаемые.

— То были отличные времена, — сказал он, сияя.

— Конечно, тогда мы были моложе и не знали того, что знаем сейчас.

— Но, помнится, даже тогда, — сказал Марш, — если мы находили окаменелость, я был обязан поразмыслить несколько дней, прежде чем прийти к умозаключениям насчет ее значения, в то время как профессор Коп просто бросал на нее взгляд, щелкал пальцами и давал ей название. Впечатляющая демонстрация эрудиции, несмотря на случающиеся порой ошибки.

— Ошибок я не припоминаю, — отозвался Коп. — Хотя за прошедшие годы вы были так добры, что отслеживали все мои ошибки и указали мне на них.

— Наука — придирчивая госпожа, прежде всего требующая правды.

— Что касается меня, я всегда ощущал, что правда — это побочный продукт человеческого характера. Честный человек будет открывать правду с каждым своим дыха-

нием, в то время как бесчестный точно так же будет извращать ее. Еще виски?

— Полагаю, я выпью воды, — сказал Марш.

Сидящий рядом с ним Нави Джо Бенедикт толкнул его в бок.

— Хотя, если подумать, виски — неплохая идея.

— Вы не хотите воды?

— Вода пустошей не всегда хорошо на меня действует.

— Вот почему мы набираем свою в источнике. Так или иначе, вы говорили о честности, профессор Марш?

— Нет, мне кажется, честность — ваша тема, профессор Коп.

Позже Джонсон записал: «По мере того как тянулся вечер, наш напряженный интерес к встрече легендарных гигантов науки палеонтологии постепенно угас. Было интересно отмечать, как давно они знакомы и как похожи их подноготные. Оба они потеряли матерей в младенчестве и были воспитаны строгими отцами. Оба обнаружили увлечение ископаемыми в раннем детстве; увлечение, которому противились их отцы. Оба были трудными, одинокими людьми: Марш — потому что вырос на ферме, Коп — потому что был чудо-ребенком, писавшим анатомические заметки в шесть лет. Карьеры обоих развивались параллельно, и они встретились в Европе, где оба изучали за границей ископаемых континента. В то время они были добрыми друзьями, а теперь — непримиримыми врагами.

По мере того как тянулись часы, интерес к их подтруниваниям сошел на нет. Мы устали после напряженного дня и готовы были лечь спать.

Грубые спутники Марша выглядели такими же утомленными. А Коп и Марш все говорили и говорили, от-

пуская язвительные замечания, перебраниваясь, обмениваясь оскорблениями и любезностями.

В конце концов Жаба уснул рядом с костром. Его громкий храп стал неизбежным доказательством того, что эти двое утратили свою аудиторию, а утратив аудиторию, которая была бы свидетелем их шпилек, они как будто и сами потеряли интерес друг к другу. Вечер медленно подошел к недраматическому на вид финалу: никаких воплей, никакой стрельбы и слишком много выпитого с обеих сторон. Марш и Коп пожали друг другу руки, но я заметил, что их рукопожатие затянулось: один крепко сжимал руку другого, не выпуская ее, пока двое мужчин с ненавистью смотрели друг другу в глаза. Свет костра мерцал на лицах обоих.

В тот миг я не понимал, кто из них агрессор, но ясно видел, что каждый молча клянется в вечной вражде к другому. Потом рукопожатие прервалось почти яростно, и Марш и его люди уехали в ночь».

«Сегодня спите с пистолетами, парни»

Как только они исчезли за ближайшим кряжем, Коп сделался бодрым, проворным и энергичным.

— Доставайте свои пистолеты! — сказал он. — Сегодня ночью спите с пистолетами, парни.

— Зачем, что вы имеете в виду?

— Помяните мои слова, нынче ночью у нас будут посетители.

Коп сжал кулаки в своей боксерской манере.

— Это вульгарное позвоночное вернется, ползя на пузе, как змея, чтобы повнимательнее посмотреть на череп моей свиньи.

— Вы же не собираетесь в них стрелять? — в ужасе спросил Исаак.

— Собираюсь, — ответил Коп. — Они задерживали нас и мешали нам, они настроили против нас армию, они отравили нашу воду и оскорбляли нас, а теперь собираются украсть наши находки. Да, я собираюсь в них стрелять.

Студентам показалось, что это уже чересчур, но Коп был сердит и не стал об этом говорить.

Прошел час. Почти все в лагере уснули. Джонсон лежал рядом с Копом и не мог заснуть, потому что тот ворочался и вертелся. Поэтому Джонсон не спал, когда первый темный силуэт крадучись перевалил через кряж.

Коп тихо вздохнул.

Второй силуэт, потом третий. Третий был самым грузным и неуклюжим.

Коп снова вздохнул и повернул свое ружье.

Силуэты крались к лагерю, направляясь к ископаемой голове.

Коп поднял ружье, чтобы выстрелить. Он отлично умел стрелять, и на один ужасный миг Джонсон подумал, что он и в самом деле собирается убить своего конкурента.

— Не надо, профессор...

— Джонсон, — тихо сказал тот, — он у меня на мушке. В моей власти убить подкрадывающегося вора и разрушителя. Запомните эту ночь.

И Коп поднял ружье, направив его в воздух, дважды выстрелил в небо и закричал:

— Индейцы! Индейцы!

Крик поднял на ноги лагерь. Вскоре ружья палили во все стороны; ночной воздух помутнел от ружейного дыма и сделался едким от запаха пороха.

Стало слышно, как у дальней стороны лагеря непрощенные визитеры перебираются через кряж. Время от времени раздавались вопли:

— Проклятье! Будьте вы прокляты!

В конце концов знакомый низкий голос крикнул:

— Это как раз в твоей манере, Коп! Проклятая подделка! Как раз в твоей манере! Подделка!

И трое мужчин исчезли.

Пальба стихла.

— Полагаю, мы больше не увидим Гофи Марша, — сказал Коп.

Улыбаясь, он повернулся на бок и уснул.

Переезд лагеря

В начале августа их посетила группа солдат, проезжавших через пустоши по дороге к реке Миссури. Пароходы поднимались вверх по реке до Коровьего острова, где армия разбила маленький лагерь, и солдаты направлялись туда для усиления тамошнего гарнизона.

Это были молодые ирландские и немецкие парни, не старше студентов; они как будто удивились, увидев в здешних местах живых белых людей.

— Уж я бы точно отсюда убрался, — сказал один из них.

Они привезли новости о войне, и дела обстояли скверно: за поражение Кастера все еще не отомстили; генерал Крук дал неубедительный бой на реке Паудер в Вайоминге, но с тех пор не видел никаких индейцев; генерал Терри вообще ни разу не вступал в битву с большими группами сиу. Война, которая, как уверенно предсказывали восточные газеты, должна была закончиться за несколько недель, теперь как будто затянулась невесть на сколько. Некоторые генералы предрекали, что ситуация не разрешится по крайней мере год, а может, даже до конца десятилетия.

— Проблема с индейцами в том, — объяснил один солдат, — что, когда они хотят тебя найти, они находят,

а когда не хотят, чтобы ты их нашел, ты никогда не поймешь, что они здесь были. — Он помолчал. — В конце концов, это их страна, но я такого не говорил.

Другой солдат посмотрел на штабель ящиков:

— Вы занимаетесь здесь горняцкими работами?

— Нет, — ответил Джонсон. — Там кости. Мы выкапываем окаменелые кости.

— Да уж, конечно, — сказал солдат, широко ухмыляясь.

Он предложил Джонсону выпить из своей фляги, наполненной бурбоном. У Джонсона перехватило дух, и солдат засмеялся.

— Это делает мили короче, вот что я тебе скажу, — объяснил он.

Солдаты позволили своим лошадям попастись вместе с лошадьми группы Копы, а потом отправились дальше.

— Я бы точно здесь долго не задерживался, — сказал их капитан Лоусон. — Насколько нам известно, Сидящий Бык, Бешеный Конь и их сиу до наступления зимы направятся в Канаду, а значит, в любой день появятся здесь. Если они вас найдут, наверняка прикончат.

Дав на прощание этот совет, он уехал.

(Много позже Джонсон услышал, что, когда Сидящий Бык отправился на север, он убил всех белых людей, какие попались ему на пути, в том числе отряд, стоявший на Коровьем острове, включая капитана Лоусона.)

— Думаю, мы должны двинуться в путь, — сказал Исаак, почесывая подбородок.

— Пока нет, — ответил Коп.

— Мы нашли множество костей.

— Так и есть, — сказал Каравай. — Множество. Больше чем достаточно.

— Пока нет, — сказал Коп ледяным тоном, который положил конец любым дискуссиям.

Как заметил Штернберг в своем отчете об экспедиции: «Мы давно поняли, что нет смысла с ним спорить, если он принимал решение. Железную волю Копы нельзя было сломить».

Но все-таки Коп решил свернуть лагерь и перебраться в другое место.

Последние три недели они находились у подножья тысячефутовых сланцевых утесов. Он обследовал местность и решил, что для поисков окаменелостей более многообещающим будет место в трех милях отсюда.

— Где именно? — спросил Штернберг.

Коп показал:

— Там, на равнинах.

— Вы имеете в виду плоскогорье?

— Верно.

Исаак запротестовал:

— Но, профессор, уйдет три дня, чтобы покинуть пустоши, найти новый путь и подняться туда, наверх.

— Нет, не уйдет.

— Мы не можем взобраться на те утесы.

— Нет, можем.

— Человек не может идти вертикально вверх, лошадь не может скакать вертикально вверх, и фургон наверняка нельзя втащить на утесы, профессор.

— Нет, можно. Я вам покажу.

Коп настоял на том, чтобы они немедленно все уложили и проследовали на две мили на восток, где он гордо показал на пологий сланцевый вал. Вал был далеко не таким крутым, как окружающие утесы, но все-таки слишком крутым, чтобы его преодолеть. Хотя там было несколько ровных кряжей, сланец крошился и осыпался и ступать по нему было опасно.

Каравай, возница, посмотрел на предполагаемый путь и сплюнул табак.

— Ничего не выйдет, ничего не выйдет.

— Выйдет, — ответил Коп. — Это будет сделано.

У них ушло четырнадцать часов на то, чтобы забраться на тысячу футов — непосильный, опасный каждую секунду труд. Используя лопаты и кирки, они выкопали на склоне тропу. Потом разгрузили фургон, навьючили все что можно на лошадей и завели их наверх; теперь остался только фургон.

Каравай провел его до половины склона, но, добравшись до хребта настолько узкого, что одно колесо нависло над пустотой, отказался двигаться дальше.

Это взбесило Копу, который сказал, что дальше сам поведет фургон:

— Ты не только отвратительный повар, но еще и паршивый возница!

Остальные быстро вмешались, и Исаак забрался на место возницы, чтобы править фургоном.

Им пришлось выпрячь пристяжных¹ лошадей, и фургон потащили два оставшихся коня.

Позже Штернберг описал это в «Жизни охотника за окаменелостями»: «Исаак проехал примерно тридцать футов, когда случилось неизбежное. Я увидел, как фургон начал медленно крениться, увлекая животных вбок, а потом все вместе — фургон и лошади — покатались вниз по склону. Всякий раз, когда колеса устремлялись вверх, кони подтягивали ноги к животам, а при следующем кувырке выставляли ноги, чтобы перевернуться снова. Сердце мое застряло в глотке; я боялся, что при одном из переворотов Исаака убьет или что фургон рухнет в пропасть вниз, но, совершив три полных кульби-

¹ Пристяжные — крайние.

та, они приземлились: лошади — на ноги, фургон — на колеса, на ровном хребте из песчаника, и остались стоять, как будто ничего не случилось».

В конце концов всех лошадей распрягли и втащили фургон навверх с помощью веревок.

Но все-таки они достигли цели и на исходе дня разбили лагерь в прериях.

Коп резко бросил Караваю:

— Пусть этот ужин будет лучшим из приготовленных тобой.

— Вот увидите, — ответил Каравай.

И он подал им обычную трапезу из галет, бекона и бобов.

Хоть они и ворчали, их новый лагерь оказался решительно лучше прежнего. Благодаря ветру тут было прохладнее, потому что они находились на открытых равнинах, и, как записал Джонсон, «куда ни глянь, открывался изумительный вид на горы: на западе высились крутые Скалистые, на их белых пиках мерцал снег; на юге, востоке и севере виднелись река Джудит, Медисин-Боу, Беарпау и горы Суит-Грасс, берущие нас в кольцо. С таким великолепным видом наверняка не мог сравниться ни один другой во всем мироздании, особенно ранним утром, когда воздух был чист и мы видели стада оленей, лосей и антилоп — и горы за ними».

Но по мере того, как шли дни, стада оленей и антилоп мигрировали на север, и снег спускался вниз по склонам Скалистых гор. Однажды утром все проснулись и увидели тонкий ковер снега, выпавшего за ночь. Хотя к полудню он растаял, люди не могли игнорировать это неминуемое событие. Время года менялось, приближалась осень, а с осенью — сиу.

— Пора уезжать, профессор.

— Пока нет, — сказал Коп. — Пока еще нет.

Зубы

Однажды во второй половине дня Джонсон наткнулся на какие-то узловатые выпуклости скалы; каждая была размером примерно с кулак. Он работал в многообещающем месте на середине сланцевого склона, и эти выпуклости попались на его пути. Он вытащил несколько из открытой поверхности, и они покатались вниз по склону, едва не угодив в Коп, который у подножия утесов зарисовывал найденную кость ноги *Allosaurus*¹. Коп услышал, как катятся камни, и привычно шагнул в сторону.

— Эй, там! — закричал он, глядя вверх.

— Извините, профессор, — робко отозвался Джонсон.

Один или два камня продолжали катиться; Коп снова отодвинулся, уже в другую сторону, и стряхнул с себя пыль.

— Поосторожнее!

— Да, сэр. Извините! — повторил Джонсон.

Он осторожно вернулся к своей работе, копая киркой вокруг остальных камней, пытаясь их высвободить, и...

— Стоп!

Джонсон посмотрел вниз.

Коп карабкался к нему по склону холма, как безумный, держа в каждой руке по упавшему камню.

— Стоп! Стоп, я сказал!

— Я осторожно, — запротестовал Джонсон. — Нет, я правда...

— Подождите! — Коп соскользнул вниз на несколько ярдов. — Ничего не делайте! Ничего не трогайте!

Продолжая кричать, он заскользил вниз, исчезнув в облаке пыли.

Джонсон ждал. Спустя мгновение он увидел, как профессор, выбравшись из пыли, с неистовой энергией взбирается вверх по холму.

¹ Аллозавр — родственник тираннозавра.

Джонсону подумалось, что он очень сердит. Глупо карабкаться прямым на холм, потому что такое почти невозможно, и это они все усвоили давным-давно. Поверхность была слишком крутой и слишком рыхлой. Тем, кто взбирался наверх, приходилось двигаться зигзагом, и даже тогда подниматься было так трудно, что люди обычно предпочитали сделать круг в милю в поисках легкого пути на вершину, чтобы уже оттуда спуститься туда, куда они хотели попасть.

Однако вот — Коп карабкается прямым вверх так, будто его жизнь зависит от этого подъема.

— Подождите!

— Я жду, профессор.

— Ничего не делайте!

— Я ничего не делаю, профессор.

Наконец покрытый грязью Коп, задыхаясь, оказался рядом с Джонсоном. Но мешкать профессор не стал: вытер лицо рукавом и взгляделся в место раскопок.

— Где ваша камера? — требовательно спросил он. — Почему при вас нет камеры? Мне нужен снимок *in situ*¹.

— Этих камней? — удивленно спросил Джонсон.

— Камней? Думаете, это камни? Ничего подобного.

— Тогда что же?

— Зубы! — воскликнул Коп.

Он прикоснулся к одному из них и провел пальцем по плавным выпуклостям и углублениям кончика зуба. Потом положил возле те два, которые принес, нашел у ног Джонсона третий и поставил в ряд с другими; стало ясно, что они сочетаются друг с другом по размеру и форме.

— Зубы, — повторил Коп. — Зубы динозавра.

— Но они громадные! Этот динозавр должен был быть фантастических размеров.

¹ Здесь: на месте нахождения (*лат.*).

Мгновение двое мужчин молча обдумывали, какого именно размера полагалось быть такому динозавру: челюсть должна была удерживать ряды этих больших зубов, толстый череп — соответствовать столь массивной челюсти, огромной шее полагалось быть обхватом с крепкий дуб, чтобы поднимать и двигать череп и челюсть такой величины, гигантскому позвоночнику следовало быть под стать шее — каждый позвонок примерно с колесо фургона. Четыре невероятно огромные и толстые ноги поддерживали бы такое чудовище. Каждый зуб подразумевал громадные размеры каждой кости и каждого сустава. Вообще-то животному такой величины мог понадобиться и длинный хвост, чтобы уравнивать шею.

Коп пристально смотрел на каменистое пространство и за его пределы, в собственное воображение и познания. На мгновение его обычная яростная самоуверенность уступила место тихому изумлению.

— Это создание должно быть по меньшей мере вдвое больше любого известного доселе, — сказал он почти самому себе.

Они уже открыли несколько больших динозавров, включая три экземпляра рода *Monoclonius*¹ — рогатых ящеров, напоминавших гигантских носорогов. *Monoclonius sphenocerus*, один из представителей этого рода, по оценкам Копы, достигал семи футов в высоту в районе таза и двадцати пяти футов в длину, включая хвост. Однако этот новый динозавр был гораздо больше.

Коп измерил зубы стальным штангенциркулем, нацарапал какие-то вычисления в своем альбоме и покачал головой.

— Это кажется невозможным, — сказал он и измерил снова.

¹ Однорогий (лат.)

А потом он стоял, глядя на обширную скалу, словно ожидал увидеть, как перед ним появляется гигантский динозавр, сотрясая землю каждым своим шагом.

— Если мы делаем такие открытия, — сказал он Джонсону, — значит, мы едва коснулись того, что возможно узнать. Вы и я — первые люди в летописной истории, взглянувшие на эти зубы. Они изменяют все, что, по нашему мнению, мы знаем о подобных животных. И, как бы я ни колебался произнести такие слова — человек делается меньше, когда мы осознаем, какие удивительные создания нам предшествовали.

И тут Джонсон понял, что все, что было сделано экспедицией Копы — все, что даже он, Джонсон, делает прямо сейчас, — в грядущем будет иметь значение для ученых.

— А теперь — вашу камеру, — напомнил Коп. — Мы должны заснять этот момент и это место.

Джонсон отправился забрать свое снаряжение с плоских равнин наверху. Когда он вернулся, двигаясь осторожно, чтобы не упасть, Коп все еще покачивал головой.

— Конечно, нельзя с уверенностью судить по одним только зубам, — сказал он. — Аллометрические факторы могут ввести в заблуждение¹.

— Какие у него, по-вашему, размеры? — спросил Джонсон.

Он заглянул в альбом, теперь покрытый вычислениями — некоторые были зачеркнуты и сделаны заново.

— Семьдесят пять, может быть, сто футов в длину, а голова могла возвышаться над землей на тридцать футов.

¹ Аллометрический рост — неравномерный рост отдельных частей тела. Имеется в виду, что большие зубы могут и не означать наличие головы таких размеров, которые предполагается здравым смыслом.

И тут же, на месте, Коп дал ему название — *Brontosaurus*, «громовой ящер», потому что это существо должно было передвигаться с громовым топотом.

— Но, возможно, — сказал Коп, — следовало бы называть его *Apatosaurus*, или «ящер, вводящий в ступор»¹. Потому что трудно поверить, что такая тварь когда-либо существовала...

Джонсон заснял зубы на нескольких пластинах, вблизи и на расстоянии; на всех снимках присутствовал Коп.

Они поспешили обратно в лагерь, рассказали остальным о своем открытии, а потом в угасающих сумерках измерили шагами величину бронтозавра — создания длиной в три фургона и высотой с четырехэтажный дом.

Из-за такого воображение срывалось с цепи.

Это было совершенно удивительно, и Коп объявил, что «одно лишь нынешнее открытие оправдывает все время, проведенное нами на Западе».

— Мы сделали важное открытие, обнаружив зубы. Это зубы дракона! — объявил он.

Они не могли вообразить, какие проблемы вскоре создадут им найденные зубы.

Вокруг лагерного костра

Любое открытие приводило к тому, что Коп вечером у костра одолевало философское настроение. Все осмотрели зубы, ощупали их борозды и выпуклости, взвесили их в руке. Открытие гигантского бронтозавра порождало необыкновенное множество размышлений.

¹ Поначалу в палеонтологии обозначения «бронтозавр» и «апатозавр» использовались для разных существ, в дальнейшем было принято считать, что это все же одни и те же существа, однако совсем недавно, в 2015 году, они были снова разделены учеными как разные виды.

— В природе есть столько вещей, которые нам не под силу себе представить, — сказал Коп. — Во времена этого бронтозавра ледники отступили, и вся наша планета была тропической. Фиговые деревья росли в Гренландии, пальмы — на Аляске. Обширные равнины Америки представляли собой широкие озера, и там, где мы сейчас сидим, находилось дно озера. Животные, которых мы находим, сохранились потому, что умерли и погрузились на дно озера, где их занесло илистым осадком, а осадок, в свою очередь, спрессовался в скалу. Но кто бы мог себе представить таких тварей до того, как обнаружились доказательства их существования?

Все молчали, глядя в потрескивающий огонь.

— Мне тридцать шесть лет, но в то время, когда я родился, — продолжал Коп, — динозавры были неизвестны. Все поколения рода человеческого рождались и умирали, люди жили, населяли эту землю, и никто не подозревал, что задолго, задолго до них на нашей планете господствовала раса гигантских рептилий, царивших миллионы и миллионы лет.

Джордж Мортон кашлянул:

— Если так и есть, что же насчет человека?

Наступило неловкое молчание. Большинство дискуссий об эволюции переходили на вопрос о человеке. Сам Дарвин не рассматривал человека уже больше десяти лет после издания своей книги.

— Вы знаете о находках немцев в долине Неандерталь? — спросил Коп. — Нет? Так вот, в пятьдесят шестом году они обнаружили в Германии полный череп... С массивными костями, со звероподобными надбровными дугами. По поводу слоя, в котором он найден, ведутся диспуты, но он кажется очень старым. Я сам видел эту находку в Европе в шестьдесят третьем.

— Я слышал, что череп из Неандерталя — череп обезьяны или дегенерата, — сказал Штернберг.

— Маловероятно, — отозвался Коп. — Профессор Венн в Дюссельдорфе придумал новый метод измерения размера мозга по черепу. Это очень просто: он наполняет черепную коробку зернами горчицы, а потом высыпает зерна в мерный сосуд. Его исследования показывают, что в черепе из Неандерталя помещался мозг большего размера, чем тот, которым мы обладаем сегодня.

— Вы говорите, что череп из Неандерталя — человеческий? — спросил Мортон.

— Я не знаю, — ответил Коп. — Но не понимаю, как можно верить, что динозавры эволюционировали, рептилии эволюционировали и млекопитающие, такие, как лошади, эволюционировали, но человек возник полностью развитым, без предков.

— Разве вы не квакер, профессор Коп?

Идеи Копы были все еще неприемлемы для большинства верующих, в том числе для Религиозного общества друзей (так официально назывались квакеры).

— Я уже не могу им быть, — сказал Коп. — Религия объясняет то, чего не может объяснить человек. Но когда я вижу что-то собственными глазами, а моя религия торопится заверить меня, что я ошибаюсь, что я вообще этого не вижу... Нет, после этого я не могу больше быть квакером.

Отъезд из пустошей

26 августа, довольно прохладным утром, они двинулись в однодневное путешествие к Коровьему острову, который находился на одном из нескольких природных бродов на двухсотмильном участке реки Миссури, там, где ее излучины с каждой стороны образовывали ба-

рьер. Остров служил причалом для пароходов, и именно там Коп планировал встретить пароход, приходящий из Сент-Луиса. Всем не терпелось уехать, и они открыто беспокоились насчет индейцев, но группа собрала слишком много окаменелостей, чтобы разом перевезти их все в фургоне. Не оставалось ничего другого, кроме как сделать две поездки.

Коп отметил самый драгоценный ящик, с зубами бронтозавра, едва различимым X на боку.

— Я собираюсь оставить его здесь, — сказал он, — чтобы привезти за второй заход.

Джонсон ответил, что не понимает: почему не взять ящик сразу?

— Полагаю, шансы на то, что на нас нападут в нашу первую поездку, выше, чем шансы, что вторую половину груза обнаружат здесь, — ответил Коп. — К тому же мы, наверное, сможем найти на Коровьем острове помощников, которые будут защищать нас во время второй поездки.

Их первое путешествие было небогато событиями; они добрались до Коровьего острова ранним вечером и поужинали с разместившимся там отрядом солдат. Марш и его люди отправились вниз по Миссури на предыдущем пароходе, предупредив сперва солдат насчет «головорезов и бродяг Копы», которые могут появиться здесь позже.

Капитан Лоусон засмеялся.

— Думаю, мистер Марш не питает к вашей группе любви, — сказал он.

Коп подтвердил, что так и есть.

Прибытия парохода ждали через два дня, но расписание было ненадежным, особенно в такое позднее время года. Последнюю поездку в лагерь на равнине требовалось совершить завтра. Коп останется на Коровьем острове, заново укладывая окаменелости, готовя их

к путешествию на пароходе, а Маленький Ветер и Каравай под присмотром Штернберга утром поведут фургон обратно.

Но рано утром Штернберг проснулся с жестоким приступом малярии — у него начался рецидив. Исаак слишком тревожился насчет индейцев, чтобы вернуться, а Каравай и Маленький Ветер были слишком ненадежны, чтобы отпустить их без присмотра. Встал вопрос: кто возглавит экспедицию.

Джонсон сказал:

— Я возглавлю ее.

То был момент, которого он ждал. Лето на равнинах закалило его, но он всегда находился под присмотром старших и более опытных людей. Он мечтал о шансе проявить себя, и эта короткая поездка показалась ему достойным завершением летних приключений и идеальной возможностью побыть независимым.

Жаба чувствовал то же самое. Он тут же сказал:

— Я тоже поеду.

— Вы не должны отправляться в эту поездку одни, — сказал Коп. — Я не смог найти нам помощников. Солдатами мы не распоряжаемся.

— Мы и не будем одни. Мы будем с Караваем и с Маленьким Ветром.

Коп нахмурился и нервно постучал пальцами по своему альбому.

— Пожалуйста, профессор! Важно, чтобы вы заново уложили окаменелости. С нами все будет в порядке. И пока мы тут стоим и все это обсуждаем, день проходит!

— Ладно, — наконец проговорил Коп. — Это противоречит моему благоразумию, но... Ладно.

Радостные Джонсон и Жаба уехали в семь утра вместе с Караваем и Маленьким Ветром, которые правили фургоном.

Коп приводил в порядок деревянные ящики с окаменелостями, заново укладывая те, что были уложены недостаточно надежно, чтобы вынести грубое обращение паромходных грузчиков.

Исаак присматривал за Штернбергом, который большую часть времени бредил; студент заварил ему чай из ивовой коры, который, по его словам, помогал от лихорадки.

Мортон ассистировал Копу.

Шесть-семь других пассажиров тоже ожидали парохода на Коровьем острове. Среди них были фермер-мормон по фамилии Трэвис и его юный сын. Они явились в Монтану, чтобы принести свою веру поселенцам, но не преуспели в этом и пребывали в дурном расположении духа.

— Что у вас в ящиках? — спросил Трэвис.

Коп поднял глаза:

— Окаменелые кости.

— Зачем?

— Я их изучаю, — ответил Коп.

Трэвис засмеялся:

— Зачем изучать кости, если вы можете изучать живых животных?

— Это кости вымерших животных.

— Такого не может быть.

— Почему? — спросил Коп.

— Вы богобоязненный человек?

— Да.

— Вы верите в то, что Бог совершенен?

— Да, верю.

Трэвис снова засмеялся:

— Что ж, тогда вы должны признать, что не может быть никаких вымерших животных, потому что всебла-

гой Господь в своем совершенстве никогда бы не допустил, чтобы род его созданий вымер.

— Почему? — спросил Коп.

— Я вам только что сказал.

У Трэвиса был раздраженный вид.

— Вы просто рассказали мне о своей вере в то, как Бог ведет свои дела. Но что, если Бог достигает совершенства постепенно, отвергая прежних созданий для того, чтобы создать новых?

— Люди могут так поступать, потому что люди несовершенны. Бог так не делает, потому что он совершенен. Было всего одно сотворение мира. Вы думаете, что Бог допустил ошибки во время сотворения?

— Он сотворил человека. Разве вы не сказали только что, что человек несовершенен?

Трэвис зверем уставился на Коп:

— Вы один из тех профессоров. Один из тех образованных дураков, которые отступились от праведности ради кощунства.

Коп был не в настроении вести теологический диспут.

— Лучше быть образованным дураком, чем необразованным дураком, — огрызнулся он.

— Вы делаете работу дьявола, — сказал Трэвис и пнул один из ящиков с окаменелостями.

— Сделаете так еще раз, — предупредил Коп, — и я вышибу вам мозги!

Трэвис пнул другой ящик.

В письме жене Коп рассказывал: «Мне ужасно стыдно за то, что случилось потом, и я не могу найти себе никаких оправданий, если не считать усилий, которые я приложил, чтобы собрать эти окаменелости, их неоценимую стоимость и свое утомление после лета, проведенного на жаре, среди насекомых и жгучей пыли пустошей. Стол-

кнуться с тупым фанатиком было для меня уже чересчур, и мое терпение лопнуло».

Мортон без прикрас описал случившееся: «Без предисловий и предупреждения Коп налетел на того человека, Трэвиса, и избил его до потери сознания. На все ушло не больше минуты, потому что у профессора Коп бойцовский нрав. В промежутках между ударами он говорил: “Как ты смеешь прикасаться к моим окаменелостям! Как ты смеешь!” — а еще презрительно бросал: “Во имя религии!” Драка закончилась, когда солдаты оттащили Копу от бедного мормонского джентльмена, который сказал лишь то, что огромное множество людей во всем мире считали абсолютной и бесспорной истиной».

В 1876 году, несомненно, так и было. Намного раньше в том же веке Томас Джефферсон¹ тщательно скрывал свое мнение, что окаменелости представляют собой останки вымерших существ. Во времена Джефферсона публичная поддержка веры в вымирание считалась ересью. С тех пор настроения изменились — во многих местах, но не везде. В определенных частях Соединенных Штатов поддержка эволюции все еще вызывала полемику.

Вскоре после того, как драка закончилась, пароход «Лиззи Б.» обогнул излучину и известил гудком о своем скором прибытии.

Все глаза устремились на судно, и лишь один солдат оглянулся на равнину и закричал:

— Посмотрите туда! Лошади!

По равнине скакали, приближаясь к реке, две лошади без седоков.

¹ Томас Джефферсон (1743—1826) — один из «отцов-основателей» США, третий президент страны (1801—1809), человек с широким кругом научных интересов, в том числе к ископаемым.

«У меня упало сердце, — записал в своем дневнике Коп, — когда я представил, что это может означать».

Они быстро сели в седла и поскакали навстречу лошадям. Приблизившись, они увидели полумертвого Каравая: согнувшись, он цеплялся за седло. Его пронзили полдюжины индейских стрел, кровь обильно текла из ран. Вторая лошадь принадлежала Джонсону; на ее седле была кровь, в седельную кожу воткнулась стрела.

Солдаты сняли Каравая с лошади и уложили на землю. Его губы распухли и запеклись. Ему давали прихлебывать из фляги до тех пор, пока он не смог заговорить.

— Что случилось? — спросил Коп.

— Индейцы, — сказал Каравай. — Чертовы индейцы. Мы ничего не могли...

Он закашлялся кровью, судорожно, корчась от спазмов — и умер.

— Мы должны немедленно вернуться и поискать выживших, — сказал Коп. — И наши кости.

Капитан Лоусон покачал головой и выдернул стрелу из седла.

— Это стрелы сиу, — сказал он.

— И что же?

Капитан кивнул на равнины:

— Там не будет ничего, ради чего стоит возвращаться, профессор. Мне жаль, но если вы вообще отыщете своих друзей... В чем я сомневаюсь... Они будут оскальпированы, изувечены и брошены гнить на равнинах.

— Должно же быть что-то, что мы можем сделать!

— Похоронить этого и вознести молитву за остальных — вот и все, — сказал капитан Лоусон.

На следующее утро они угрюмо погрузили ископаемые на пароход и двинулись вниз по Миссури. Ближайшая телеграфная станция находилась на территории Дакота, в Бисмарке, который стоял на Миссури почти в пятистах милях к востоку.

Когда «Лиззи Б.» сделала там остановку, Коп послал следующую телеграмму семье Джонсона в Филадельфию: «С глубоким сожалением сообщаю, что ваш сын Уильям и трое других людей погибли вчера, 27 августа, в пустотах в бассейне реки Джудит, на территории Монтана, от рук враждебных индейцев сиу. Приношу искренние соболезнования. Эдвард Дринкер Коп, палеонтолог Соединенных Штатов».

Часть третья

ЗУБЫ ДРАКОНА

На равнинах

Из дневника Уильяма Джонсона: «Полные энтузиазма, утром 27 августа мы отправились забрать оставшиеся окаменелости. В нашей группе было четверо: Маленький Ветер, следопыт-шошон, Жаба, я сам (я ехал, чуть отстав от них и внимательно вглядываясь вперед) и, наконец, Каравай, возница — он орудовал кнутом и ругал своих лошадей, ведя фургон по прерии. Нам предстояло проделать по пустошам двенадцать миль и еще двенадцать на обратном пути. Мы ехали быстро, чтобы успеть вернуться на Коровий остров до темноты.

Утро было ясным, прохладным и красивым. Перистые облака испещряли голубой свод небес. Скалистые горы прямо перед нами мерцали белым снегом, который теперь тянулся вниз от пиков до глубоких расселин. Трава равнин шелестела на легком ветерке. Стада светлых антилоп прыгали вдалеке, на горизонте.

Мы с Жабой воображали себя пионерами, ведущими нашу маленькую экспедицию в глушь, навстречу волнениям и опасностям, чтобы храбро их встретить. Для двух университетских студентов с Востока это было весьма захватывающе.

Мы ехали, выпрямившись в седлах, прищурившись и всматриваясь в горизонт, держали руки на рукоятках пистолетов и не забывали, зачем мы едем.

В течение утра мы видели громадное количество дичи — не только антилоп, но еще лосей и бизонов. Дичи

было куда больше, чем нам встречалось в предыдущие проведенные на равнинах недели, и мы обсуждали это друг с другом.

Мы проехали не больше половины расстояния до лагеря — может, около шести миль, — когда Каравай потребовал остановиться. Я отказался.

— Никаких остановок, пока мы не доберемся до лагеря.

— Вы, маленькие ублюдки, остановитесь, если я прикажу, — ответил Каравай.

Я повернулся и увидел, что он направил дробовик нам в животы. Это придало его словам немалый вес. Мы остановились.

— Что все это значит? — громко спросил я.

— Заткнись, ты, маленький распроклятый такой-сякой, — сказал Каравай, слезая с фургона. — А теперь с лошадей, ребятки.

Я посмотрел на Маленького Ветра, но тот избегал смотреть нам в глаза.

— Ну же, слезайте с лошадей! — прорычал Каравай, и мы спешились.

— Что означает этот произвол? — спросил Жаба, быстро моргая.

— Конец пути, ребятки, — сказал Каравай, качая головой. — Здесь я сваливаю.

— Куда сваливаете?

— Я ничего не могу поделать, если вы слишком тупы, даже чтобы разглядеть носы на своих лицах. Вы видите, сколько сегодня дичи?

— Ну и что же?

— А вы хоть задумывались, почему ее так много? Ее гонят на север, вот почему. Посмотрите туда!

Он показал на север.

Мы посмотрели. Вдалеке в небо поднимались струйки дыма.

— Это лагерь сиу, чертовы дураки. Это — Сидящий Бык.

Каравай забирал наших лошадей, чтобы ехать верхом.

Я снова посмотрел на север. Костры... если это и вправду костры... были очень далеко.

— Но они должны быть по меньшей мере в дне пути отсюда, — запротестовал я. — Мы можем добраться до лагеря, погрузиться и вернуться на Коровий остров прежде, чем они до нас доберутся.

— Валяйте, ребята, — сказал Каравай.

Он сел на лошадь Жабы, держа мою в поводу.

Я снова посмотрел на Маленького Ветра, но тот не встречался со мной взглядом. Он покачал головой:

— Теперь плохой день. Много воинов сиу в лагере Сидящего Быка. Убивать всех кроу. Убивать всех белых людей.

— Вы слышали его, — сказал Каравай. — Лично я дорожу своим скальпом. Увидимся, ребята. Поехали, Маленький Ветер.

И он поскакал на север. Мгновение спустя Маленький Ветер завернул свою лошадь и поскакал с ним.

Мы с Жабой стояли у фургона и наблюдали, как они уезжают.

— Они все это спланировали, — сказал Жаба. Он угрозил им кулаком, а они постепенно исчезали из виду, направляясь к горизонту. — Ублюдки! Ублюдки!

Что касается меня, все мое хорошее настроение испарилось. Я внезапно понял, в какое затруднительное положение мы попали — два юнца, оставшиеся одни на огромных и пустых равнинах Запада.

— Что нам теперь делать?

Жаба все еще злился:

— Коп заплатил им вперед, иначе они не осмелились бы на такое!

— Знаю, — ответил я. — Но нам-то что делать?

Жаба прищурился на струйки дыма на юге.

— Ты и вправду думаешь, что до этих лагерей день пути?

— Откуда мне знать? — воскликнул я. — Я сказал это просто для того, чтобы они не уезжали.

— А то у индейцев такая манера, — сказал Жаба, — когда у них большой лагерь, как у Сидящего Быка, они все время высылают вперед маленькие отряды для охоты и налетов.

— Насколько далеко вперед? — спросил я.

— Иногда на день-другой.

Мы снова устали на костры.

— Я насчитал шесть костров, может быть, семь, — сказал Жаба. — Значит, это не может быть главным лагерем. В главном лагере были бы сотни костров.

Я принял решение. Я не собирался возвращаться на Коровий остров без ископаемых. Я не смог бы посмотреть в лицо профессору.

— Мы должны достать окаменелости, — сказал я.

— Правильно, — ответил Жаба.

Мы забрались в фургон и двинулись на запад. Раньше я никогда не правил фургоном, но сносно справлялся с этим делом. Жаба нервно насвистывал рядом со мной.

— Давай споем, — предложил он.

— Давай не будем, — сказал я.

И мы ехали молча, с сердцами, застрявшими в глотках».

Они заблудились. Они должны были довольно легко держаться своего вчерашнего следа, но большие части ландшафта были ровными и невыразительными, как океан, и студенты несколько раз сбивались с пути. Они рассчитывали добраться до лагеря на равнине еще до полудня, но вместо этого нашли его только к концу дня.

Парни загрузили в фургон оставшиеся деревянные ящики с окаменелостями, в общей сложности весившие примерно тысячу фунтов, и в придачу — последние пожитки группы и фотографическое снаряжение Джонсона. Он был рад, что они все это заполучили, потому что среди уложенных ими ископаемых был, конечно, ящик с пометкой Х, содержащий драгоценные зубы бронтозавра.

— Мы не смогли бы вернуться домой без них, — сказал он.

Но к тому времени, как они приготовились двинуться в обратный путь, был уже пятый час и начинало темнеть.

Джонсон и Жаба почти не сомневались, что ни за что не сумеют отыскать дорогу к Коровьему острову в темноте, а значит, им придется провести ночь на равнине... Где на следующий день на них могут наткнуться передовые сиу. Они обсуждали, что же делать, когда слышали дикие, ужасающие вопли индейцев.

— О, господи, — сказал Жаба.

Облако пыли, поднятое множеством всадников, появилось на восточном горизонте. Оно направлялось к ним.

Студенты забрались в фургон. Жаба переломил ружья и зарядил их.

— Сколько у нас патронов? — спросил Джонсон.

— Слишком мало, — ответил Жаба.

Руки его тряслись, и он ронял гильзы.

Вопли сделались громче. Стал виден всадник, низко пригнувшийся в седле, а за ним гналась дюжина других. Но выстрелов не было слышно.

— Может, у них нет ружей, — с надеждой сказал Жаба.

В этот миг мимо них просвистела первая стрела.

— Давай убираться отсюда!

— В какую сторону? — спросил Джонсон.

— В любимую! Подальше от них!

Джонсон полоснул упряжку кнутом, и лошади отозвались на это с непривычным энтузиазмом. Фургон загромыхал по прерии с пугающей скоростью, подпрыгивая и качаясь; в нем поскрипывал и елозил туда-сюда груз. В густеющей темноте они направились на запад, прочь от реки Миссури, прочь от Коровьего острова, прочь от Копа, прочь от безопасных мест.

Индейцы приближались. Всадник-одиночка поравнялся с фургоном, и студенты увидели, что это Маленький Ветер. Он обливался потом, лошадь его была в мыле. Маленький Ветер подскакал совсем близко к фургону, грациозно прыгнул в него и шлепнул своего коня, заставив его поскакать на север.

Несколько индейцев погнались за лошадью, но основная часть отряда продолжала преследовать фургон.

— Проклятые сиу! Проклятые, проклятые сиу! — закричал Маленький Ветер, хватая ружье.

Еще несколько стрел прорезало воздух.

Маленький Ветер и Жаба открыли огонь по преследующим фургон индейцам.

Оглянувшись через плечо, Джонсон прикинул, что за ними скачет дюжина воинов, а может, и больше.

Всадники приблизились и легко окружили фургон с трех сторон. Жаба и Маленький Ветер выпалили в них, и оба поразили свою цель буквально одновременно, заставив двух всадников опрокинуться с лошадей назад. Еще один индеец крутился все ближе, пока Жаба, тщательно прицелившись, не выстрелил; воин сиу схватился за глаз, осел вперед с болтающимися руками, а потом упал с лошади вбок.

Один из индейцев ухитрился забраться в фургон так же, как это сделал Маленький Ветер. Он уже замахнулся томагавком на Джонсона, когда Маленький Ветер

выстрелил ему в рот. В тот миг, когда острое резануло Джонсона по верхней губе, лицо воина взорвалось красным, он рухнул с фургона назад и исчез в облаке пыли.

Джонсон схватился за окровавленное лицо, но сейчас было не время ужасаться; Маленький Ветер повернулся к нему и крикнул:

— Куда ты править? Езжать юг!

— Юг — пустоши!

Уже совсем стемнело, и было бы самоубийством сунуться ночью на крутые утесы и в ущелья пустошей.

— Езжать юг!

— Мы погибнем, если поедem на юг!

— Мы погибнуть все равно! Езжать юг!

И тут Джонсон понял, о чем ему толкуют. Их единственная надежда, зыбкая надежда, заключалась в том, чтобы направиться в места, куда индейцы за ними не последуют. Он хлестнул упряжку, и фургон устремился на юг, в сторону пустошей.

Перед ними была миля открытых прерий, а индейцы снова окружили их со всех сторон, вопя и стреляя. Стрела обожгла ногу Джонсона, пригвоздив его штанину к деревянным козлам фургона, но он почти не почувствовал боли и продолжал ехать. Становилось все темнее и темнее; с каждым выстрелом ружья выбрасывали яркую вспышку. Индейцы, распознав план беглецов, преследовали их еще ожесточеннее.

Вскоре Джонсон уже не мог различить размытую темную линию пустошей у края прерии. Плоская равнина как будто обрывалась в черное ничто, и они с пугающей скоростью приближались к этому месту.

— Держитесь, парни! — закричал он, не сдерживая коней, и фургон перевалил через край, в темноту.

В пустошах

Тишина под убывающей луной.

Вода струйкой текла ему на лицо, на губы. Он открыл глаза и увидел нагнувшегося над ним Маленького Ветра. Джонсон приподнял голову.

Фургон стоял на колесах. Лошади негромко пофыркивали. Они находились у подножья темных утесов, вздымающихся высоко вверх.

Джонсон почувствовал жгучую боль в ноге и попытался шевельнуться.

— Лежать, — напряженным голосом сказал Маленький Ветер.

— Что-то не так с...

— Лежать, — повторил тот. Положил фляжку и протянул другую. — Пить.

Джонсон отхлебнул, поперхнулся, закашлялся. Виски обожгло ему горло и попало на порез на губе, отчего порез тоже начало жечь.

— Пить еще, — велел Маленький Ветер. Он резал ножом штанину Джонсона.

Джонсон вскинулся, чтобы посмотреть.

— Не смотреть, — сказал Маленький Ветер, но было уже поздно.

Стрела проткнула правую ногу, пройдя под кожей и пригвоздив ее к сиденью. Кожа вокруг раны припухла и воспалилась.

Джонсон ощутил приступ головокружения и тошноты. Маленький Ветер подхватил его.

— Ждать. Пить.

Джонсон сделал большой глоток. Головокружение вернулось.

— Я исправлять, — сказал Маленький Ветер, нагнувшись над ногой Джонсона. — Не смотреть.

Джонсон уставился в небо, на луну. Облака проплывали мимо. Он нащупал флягу с виски.

— Как Жаба?

— Лежать теперь. Не смотреть.

— С Жабой все в порядке?

— Не беспокоиться теперь.

— Где он? Дай мне с ним поговорить!

— Теперь ты чувствовать боль, — сказал Маленький Ветер и напрягся.

Раздался резкий звук, и Джонсон ощутил боль такую острую, что завопил; его голос эхом отозвался в темных утесах. Он тут же почувствовал опаляющее жжение, которое было еще хуже. Он не мог кричать, ловя ртом воздух.

Маленький Ветер поднял окровавленную стрелу, видную в лунном свете.

— Закончить теперь. Я закончить.

Джонсон начал было вставать, но Маленький Ветер толкнул его обратно и дал ему стрелу.

— Оставить себе.

Джонсон почувствовал, как теплая кровь течет из открытой раны; Маленький Ветер перевязал ее полосой ткани, отрезанной от своей банданы.

— Хорошо. Теперь хорошо.

Джонсон толкнул себя вверх. Он ощутил боль, когда встал, но терпимую; он был в порядке.

— Где Жаба?

Маленький Ветер покачал головой.

Жаба вытянулся в задней части фургона. Одна стрела сбоку насквозь пронзила его шею, две другие воткнулись в грудь. Глаза Жабы смотрели влево, рот был открыт, как будто он все еще удивлялся тому, что мертв.

Джонсон никогда раньше не видел мертвецов. С жутким чувством он закрыл спутнику глаза и отвернулся.

Он испытывал не столько грусть, сколько ощущение, что он вовсе не находится здесь, в этом пустынном уголке Запада, что он не остался здесь один, с каким-то индейским следопытом, что ему не грозит смертельная опасность. Его разум просто отказывался такое принять.

Ища, чем бы заняться, он сказал:

— Что ж, нам лучше его похоронить.

— Нет!

Маленький Ветер, похоже, пришел в ужас.

— Почему нет?

— Сиу найти его.

— Не найдут, если мы его похороним, Маленький Ветер.

— Сиу найти место, они выкопать его, снять скальп, забрать пальцы. Женщины приходят, забрать больше.

Он показал на свой пах.

Джонсон задрожал:

— Где сиу сейчас?

Маленький Ветер показал на равнину за утесами.

— Они уходят или остаются?

— Они оставаться. Они приходят утром. Может, приводить больше воинов.

На Джонсона навалилась усталость. Нога его пульсировала болью.

— Мы уедем отсюда, как только рассветет.

— Нет. Уезжать сейчас.

Джонсон посмотрел вверх. Облака стали гуще, луну окружала бледно-голубая кайма.

— Через несколько минут станет темно — хоть глаз выколи. Не будет даже лунного света.

— Должны уезжать, — настаивал Маленький Ветер.

— Чудо, что мы все еще живы, но мы не сможем ехать по пустошам в темноте.

- Уезжать сейчас, — сказал Маленький Ветер.
- Но мы погибнем.
- Мы все равно погибать. Уезжать сейчас.

Они двинулись сквозь крошечную тьму.

Джонсон правил фургоном, Маленький Ветер шел в нескольких шагах впереди с длинной палкой и пригоршней камней. Когда он не видел, что находится впереди, он бросал камни. Иногда проходило много времени, прежде чем камни ударялись о землю, и раздавшийся звук был далеким, глухим и давал слабое эхо. Маленький Ветер понемногу продвигался вперед, постукивая по земле палкой, как слепец, пока не находил край пропасти, и тогда показывал фургону другое направление.

Их продвижение было изматывающим и болезненно медленным. Джонсон сомневался, что они делают больше нескольких сотен ярдов в час; это казалось бессмысленным. На рассвете индейцы ринутся в ущелья, возьмут их след и найдут за несколько минут.

— Какой смысл? — спросил он, когда пульсирующая боль в ноге стала особенно сильной.

— Посмотреть на небо, — сказал Маленький Ветер.

— Я вижу небо. Оно черное. Небо черное.

Маленький Ветер молчал.

— Так что там с проклятым небом? — спросил Джонсон.

Но Маленький Ветер ничего больше не объяснил.

Незадолго до рассвета пошел снег.

Они добрались до Медвежьего ручья на краю пустыни и остановились, чтобы напоить упряжку.

— Снег — хорошо, — сказал Маленький Ветер. — Воины хункпапа¹ видеть снег, знать, что легко нас вы-

¹ Х у н к п а п а — племя группы сиу.

следить. Они ждать, оставаться греться у огня один, два часа утром.

— А мы тем временем будем мчаться изо всех сил.

Маленький Ветер кивнул:

— Мчаться изо всех сил.

От Медвежьего ручья они двинулись на запад через открытую прерию так быстро, как только выдерживали лошади. Фургон трясся и подскакивал, и боль в ноге была жестокой.

— Куда мы направляемся, в форт Бентон?

Маленький Ветер покачал головой:

— Все белые люди идти в форт Бентон.

— Ты имеешь в виду, что сиу ожидают, что мы движемся туда?

Маленький Ветер кивнул.

— Тогда куда же?

— Священные Горы.

— Какие священные горы? — встревоженно спросил Джонсон.

— Громовые Горы Великого Духа.

— И зачем мы туда едем?

Маленький Ветер не ответил.

— Как далеко эти священные горы? И что мы будем делать, когда туда попадем?

— Четыре дня. Ты ждать, — сказал Маленький Ветер. — Ты найти много белых людей.

— Но ты-то зачем туда едешь?

Только тут Джонсон заметил, что рубашка из оленьей кожи Маленького Ветра запятнана кровью и сочится красным.

— Маленький Ветер, ты ранен?

Маленький Ветер высоким фальцетом затянул песню. Больше он ничего не сказал.

Они повернули на юг, через равнину.

На третью ночь Маленький Ветер тихо умер. Джонсон проснулся на рассвете и нашел его неподвижно лежащим у тлеющего костра, с лицом, запорошенным снегом, с холодной кожей.

Опираясь на свое ружье, Джонсон дотащил тело Маленького Ветра до фургона; преодолевая боль, поднял его, положил внутрь, рядом с телом Жабы, и поехал дальше.

Его лихорадило, он был голоден и часто бредил. Он не сомневался, что заблудился, но ему было плевать. Он начал напоминать себе, что надо сидеть, даже когда его разум отделился от переживаемых им испытаний, порождая сбивающие с толку, смущающие видения. Один раз он решил, что фургон приближается к Риттенхаусквер в Филадельфии и что он напрасно ищет имение своей семьи.

Ранним утром четвертого дня он нашел четкий свежий след фургона. След, извиваясь, вел на запад, к ряду низких пурпурных холмов.

Джонсон углубился в холмы. Продолжая путь, он нашел места с вырубленным лесом и деревья с вырезанными на стволах инициалами — следы присутствия белых людей.

Было очень холодно, и шел густой снег, когда он въехал на последний гребень и увидел в ущелье внизу поселок — единственную улицу с земляной дорогой и прямоугольными, незамысловатыми деревянными домами.

Джонсон хлестнул лошадей и поехал вниз, к поселку.

Так 31 августа 1876 года Уильям Джонсон, почти без сознания от голода, жажды и потери крови, въехал на фургоне, груженном ящиками с костями и телами белого человека и индейского следопыта, в поселок Дедвуд-Галч.

Дедвуд

Вид у Дедвуда был унылый: единственная улица с некрашенными деревянными строениями в окружении голых холмов — деревья пошли на строительные материалы для поселка. Все покрывала тонкая корка грязного снега. Но, несмотря на мрачный вид, поселок был полон лихорадочного возбуждения бумтауна¹.

На главной улице Дедвуда стоял ряд зданий, обычных для городка, возле которого ведутся горные работы: жестяная лавка, мастерская плотника, три магазина текстильных товаров, четыре конюшни, шесть бакалейных лавок, китайский квартал с четырьмя китайскими прачечными и семьдесят пять салунов. А в центре всего этого, похвальному деревянному балконом на втором этаже, находился отель «Гранд Централ».

Джонсон дотащился до его передней лестницы, а следующее, что осознал — он лежит на обитой скамье внутри отеля, а за ним ухаживает хозяин, пожилой человек с редкими седыми волосами, в очках с толстыми стеклами.

— Молодой человек, — пошутил хозяин, — я видал людей и в худшей форме, но некоторые из них были покойниками.

— Еда? — прохрипел Джонсон.

— У нас тут много еды. Я помогу вам дойти до столовой, и мы впихнем в вас какую-нибудь снедь. У вас есть деньги?

Час спустя Джонсон почувствовал себя гораздо лучше.

Он поднял взгляд от тарелки:

— Вкусно. Что это такое было?

¹ Бумтаун — городок, появившийся в результате интенсивного освоения местности с целью какой-либо экономической выгоды.

Женщина, убирающая со стола, ответила:

— Язык бизона.

В комнату заглянул хозяин, которого звали Сэм Перкинс. Учитывая, в каком грубом окружении он жил, он был крайне вежлив:

— Думаю, вам нужна комната, молодой человек.

Джонсон кивнул.

— Четыре доллара, деньги вперед. Помыться можно в общественных банях Дедвуда, дальше по улице.

— Премного вам обязан, — сказал Джонсон.

— Этот симпатичный порез у вас на лице заживет сам собой, оставив шрам, но о вашей ноге надо позаботиться.

— Согласен, — устало ответил Джонсон.

Перкинс спросил, откуда Джонсон явился. Тот сказал, что приехал с пустошей Монтаны, что рядом с фортом Бентон. Перкинс недоверчиво на него посмотрел, но ответил лишь, что это долгий путь.

Джонсон встал и спросил, есть ли здесь какое-нибудь место, где он мог бы сложить ящики из своего фургона. Перкинс сказал, что в отеле имеется задняя комната, которая к услугам постояльцев, и ключ от нее есть только у него.

— Что вам надо там хранить?

— Кости, — ответил Джонсон, чувствуя, что горячая еда придавала ему сил.

— Вы имеете в виду кости животных?

— Верно.

— Вы варите супы?

Джонсон не оценил шутки:

— Для меня они имеют ценность.

Перкинс сказал, что вряд ли кто-нибудь в Дедвуде интересуется кражей этих костей. Джонсон ответил, что ради этих костей он прошел через ад и обратно, в до-

казательство чему у него в фургоне лежат два мертвеца, и он не будет рисковать. Может ли он сложить кости в кладовой?

— Сколько вам нужно места? Это не амбар.

— У меня десять деревянных ящиков с костями и еще кое-какие пожитки.

— Что ж, давайте на них посмотрим.

Перкинс вышел вслед за Джонсоном на улицу, заглянул в фургон и кивнул. Джонсон начал передвигать ящики, а Перкинс тем временем внимательно осмотрел засыпанные снегом тела.

— Этот — индеец, — сказал он, смахнув снег.

— Верно.

Перкинс прищурился на Джонсона:

— И давно с вами эти двое?

— Один умер почти неделю назад. Индеец умер вчера.

Перкинс почесал подбородок и спросил:

— Вы думаете похоронить вашего друга?

— Теперь, когда я увез его от сиу, я это сделаю.

— В северном конце города есть кладбище. А что насчет индейца?

— Его я тоже похороню.

— Только не на кладбище.

— Он — снейк¹.

— Его счастье, — сказал Перкинс. — У нас нет проблем с живыми снейками, но вы не сможете похоронить на кладбище ни одного индейца.

— Почему?

— Город этого не потерпит.

Джонсон взглянул на некрашенные деревянные дома. Город, похоже, стоял тут недостаточно долго, что-

¹ Снейки (англ. «змеи», сокр. от «змеиные люди») — обобщенное название нескольких северных индейских групп юто-ацтекской языковой семьи, включая шошонов.

бы сформировать гражданское мнение по какому-либо вопросу, но Джонсон просто спросил, почему не потерпит.

— Он язычник.

— Он — снейк, и я не похоронил его по той же самой причине, по какой не похоронил белого. Если бы сиу нашли могилу, они бы выкопали его и изувечили. Этот индеец привел меня в безопасное место, я перед ним в долгу и должен достойно его похоронить.

— Прекрасно, делайте с ним что хотите, только не хороните на кладбище, — сказал Перкинс. — Вы же не хотите создать себе проблемы. Только не в Дедвуде.

Джонсон слишком устал, чтобы спорить. Он внес ящики с окаменелостями в гостиницу, сложил их штабелем, чтобы они занимали как можно меньше места, вышел и удостоверился, что Перкинс запер за ним комнату. Потом попросил хозяина организовать ему ванну и отправился хоронить тела.

На то, чтобы выкопать яму для Жабы на кладбище в конце города, ушло много времени. Пришлось сперва пустить в ход кирку, прежде чем начать рыть каменистую землю. Джонсон вытащил Жабу из фургона и положил в могилу, которая не выглядела подходящей даже для мертвеца.

— Мне жаль, Жаба, — сказал он вслух. — Я расскажу твоей семье, когда у меня будет шанс.

Бросив первую лопату земли на лицо Жабы, Джонсон остановился. «Я не тот, кем был раньше», — подумал он. Потом закончил засыпать могилу.

Он вывез тело Маленького Ветра за город по боковой дороге и выкопал могилу под раскидистой пихтой на склоне холма. Тут землю копать было легче, и Джонсон подумал, что городу следовало бы устроить кладбище здесь. Склон холма смотрел на север, и отсюда не вид-

но было никаких признаков того, что поблизости живут белые люди.

Потом Уильям уселся и плакал до тех пор, пока не замерз так, что больше не мог оставаться на природе.

Он вернулся в город, принял ванну, осторожно промыв и перевязав раненую ногу, после чего снова натянул грязную, покрытую засохшей кровью одежду.

В номере гостиницы над умывальным тазом висело маленькое зеркало, и он впервые осмотрел порез над губой. Края раны начали заживать, но она еще не затянулась. Останется немалый шрам.

Кровать представляла собой тощий, набитый соломой матрас на простой деревянной раме.

Джонсон проспал тридцать часов кряду.

Из дневника Джонсона: «Когда два дня спустя я спустился вниз, чтобы поесть в столовой отеля, оказалось, что я стал самой знаменитой личностью Дедвуда. За стойками из антилопы пять других постояльцев отеля — все грубые старатели — потчевали меня бурбоном и вопросами о моих недавних приключениях. Как и хозяин, мистер Перкинс, они по-своему были чрезвычайно вежливы и все держали руки на столе во время еды. Но вежливость вежливостью, а я заметил, что они не поверили моему рассказу.

Я не сразу понял почему. Очевидно, любой, кто заявлял, будто добрался из Монтаны в Дакоту, производил впечатление вруна, ведь попытавшийся такое сделать человек наверняка погиб бы от рук сиу. Но факт заключался в том, что после нападения на наш фургон я вообще не встретил никаких индейцев; сиу Сидящего Быка, должно быть, находились к северу от нас, когда мы совершали свой переход.

Однако в Дедвуде не поверили в эту историю, что привлекло внимание к «моим костям», которые я здесь

хранил. Один заинтересованный постоялец был жестким субъектом по имени Джек Маккол и по прозвищу Сломанный Нос — свою кличку он скорее всего заслужил из-за стычки в баре. У Сломанного Носа был один глаз, неизменно смотревший влево и отливавший бледно-голубым, как у хищной птицы. Из-за этого глаза или по другой причине он отличался очень злым нравом, но не настолько злым, как его товарищ, Черный Дик Кэрри, с татуировкой в виде змеи на левом запястье и со странным прозвищем Друг Старателей.

Когда я спросил Перкинса, почему Кэрри зовут Другом Старателей, хозяин сказал, что это своего рода шутка.

— То есть как — шутка? — спросил я.

— Мы не можем ничего доказать, но большинство жителей считают, что Дик Кэрри и его братья Клем и Билл — разбойники с большой дороги, которые грабят дилижансы и партии золота, следующие из Дедвуда в Ларами и Шайенн, — объяснил Перкинс.

— Мы близко от Шайенна? — внезапно взволновавшись, спросил я.

В сотый раз я проклял скудость своих географических познаний.

— Ближе, чем что бы то ни было, — ответил хозяин.

— Мне нужно туда отправиться, — сказал я.

— Вас тут никто не держит, не так ли?»

Крайне возбужденный, думая о Люсьене, Джонсон вернулся в свою комнату, чтобы собраться. Но, отперев дверь, он обнаружил, что комнату обыскали, разбросав его личные вещи.

Бумажник исчез, исчезли все его деньги.

Он спустился вниз, к сидящему за столом Перкинсу.

— Меня ограбили.

— Как такое может быть? — спросил Перкинс.

Вместе с Джонсоном он поднялся наверх, где хладнокровно осмотрел комнату.

— Просто один из парней, сгорая от любопытства, проверил вашу историю. Отсюда ведь ничего не взяли, так?

— Взяли мой бумажник.

— Как такое может быть? — снова спросил Перкинс.

— Он был здесь, в моей комнате.

— Вы оставили бумажник в комнате?

— Я собирался всего лишь спуститься пообедать.

— Мистер Джонсон, — серьезно проговорил Перкинс, — вы в Дедвуде. Вы не можете оставлять свои деньги без присмотра даже на мгновение.

— Ну, а я оставил.

— Это проблема, — сказал Перкинс.

— Вам лучше позвать городского маршала¹ и доложить об ограблении.

— Мистер Джонсон, в Дедвуде нет маршала.

— Нет?

— Мистер Джонсон, в прошлом году здесь еще не было города. Конечно, мы не успели нанять маршала. Кроме того, не думаю, чтобы парни его стерпели. Они бы первым делом прикончили его. Всего две недели тому назад здесь убили Билла Хикока².

— Дикого Билла Хикока?

— Его самого.

Перкинс объяснил, что Хикок играл в карты в салуне «Наталл и Манн», когда вошел Джек Маккол и выстрелил ему в затылок. Пуля прошла сквозь голову Хикока

¹ Служба маршалов США была создана в 1789 году как орган проведения государственных законов в жизнь во всех сферах.

² Джеймс Батлер Хикок (Дикий Билл Хикок; 1837—1876) — знаменитый покоритель Дикого Запада, стрелок и следопыт.

и попала в запястье другого игрока. Хикок умер прежде, чем прикоснулся к своим пистолетам.

— Тот Джек Маккол, с которым я обедал?

— Он самый. Большинство жителей думают, что люди, которые боялись, что Дикого Билла сделают городским маршалом, наняли Джека, чтобы его застрелить. Теперь, сдается, никто не рвется выполнять эту работу.

— Кто же тогда следит здесь за законом?

— Здесь нет закона, — ответил Перкинс. — Это Дедвуд. — Он говорил медленно, словно обращаясь к глупому ребенку. — Судья Харлан руководит дознаниями, когда достаточно трезв, но в остальном здесь вообще нет закона, и людям это нравится. Дьявол, каждый салун в Дедвуде формально противозаконен; здесь индейская территория, а продавать спиртное на индейской территории нельзя.

— Хорошо, — сказал Джонсон. — Где телеграфная контора? Я дам телеграмму отцу насчет денег, заплачу вам и уеду.

Перкинс покачал головой:

— Нет телеграфной конторы?

— В Дедвуде нет, мистер Джонсон. Во всяком случае, пока нет.

— А как быть с украденными деньгами?

— С этим проблема, — согласился Перкинс. — Вы пробыли здесь три дня и должны шесть долларов плюс плату за сегодняшний обед, то есть еще доллар. И вы разместили своих лошадей на конюшне полковника Рамси?

— Да, дальше по улице.

— Ну, он захочет получить два доллара за день, значит, вы должны ему шесть или восемь долларов. Полагаю, вы можете продать фургон и упряжку, чтобы расплатиться.

— Если я продам фургон и упряжку, как я смогу уехать отсюда с костями?

— Это проблема, — проговорил Перкинс. — Определенно проблема.

— Я знаю, что это проблема! — Джонсон уже кричал.

— Ну-ну, мистер Джонсон, сохраняйте спокойствие, — успокаивающе сказал Перкинс. — Вы все еще собираетесь отправиться в Ларами и Шайенн?

— Точно.

— Тогда фургон в любом случае вам не нужен.

— Почему?

— Мистер Джонсон, почему бы вам не спуститься вниз и не позволить мне налить вам выпить? Полагаю, вы должны ознакомиться с парой фактов.

Факты были следующими: в Дедвуд вели два пути, северный и южный. Джонсон благополучно въехал в Дедвуд только потому, что явился с севера. С севера никого и никогда не ожидали; тамошняя дорога была плохая, и на севере обитали враждебные индейцы, вот почему дорогу не посещали разбойники и бандиты.

С другой стороны, дорога на Ларами и Шайенн вела на юг. И она кишела разбойниками. Иногда они грабили эмигрантов, едущих сюда на поиски удачи, но особенно охотились на все, что двигалось из Дедвуда на юг. Кроме них, мародерствовали банды индейцев, которым помогали белые бандиты, такие как печально знаменитый Хурма Билл — говорили, он возглавлял дикарей, вырезавших всю группу Меца в Красном Каньоне в начале нынешнего года.

Линия дилижансов начала действовать этой весной с единственным вооруженным охранником, или «курьером», сидевшим рядом с возницей. Довольно скоро назначили двух курьеров, потом — трех. В последнее время их никогда не бывало меньше четырех. А когда раз в неделю на юг отправлялся «Золотой дилижанс»,

он путешествовал с конвоем из дюжины до зубов вооруженных охранников.

И все-таки они не всегда прорывались. Порой им приходилось вернуться в Дедвуд, а порой их убивали и забирали золото.

— Вы имеете в виду, что охранников убивали?

— И охранников, и пассажиров, — сказал Перкинс. — Эти грабители запросто убивают всех, кто попадаете им на пути. Таков их способ делать дела.

— Это ужасающе!

— Угу. Хуже некуда.

— Как же я уеду?

— Ну, это я и пытаюсь вам объяснить, — терпеливо проговорил Перкинс. — Куда легче явиться в Дедвуд, чем из него уехать.

— Что я могу предпринять?

— Что ж, придет весна и дела пойдут чуть получше. Говорят, «Уэллс Фарго»¹ откроет линию почтовых дилижансов, а у них есть опыт избавления от сорвиголов. Тогда вы будете в безопасности.

— Весной? Но сейчас сентябрь!

— Полагаю, да, — отозвался Перкинс.

— Вы пытаетесь сказать, что я застрял здесь, в Дедвуде, до весны?

— Полагаю, да, — ответил Перкинс, наливая ему очередную порцию.

Жизнь в Дедвуде

В последние часы много стреляли, и Джонсон провел беспокойную ночь. Он проснулся с головной болью; Перкинс подал ему крепкий черный кофе, и Джонсон отправился посмотреть, что можно сделать, чтобы собрать деньги.

¹ «Уэллс Фарго» — транспортировочная и страховая компания с банковскими услугами.

Ночью снег растаял, и теперь на улице было по лодыжку вонючей грязи, а на деревянных домах виднелись полосы влаги. Дедвуд выглядел особенно мрачным, и перспектива остаться здесь на шесть или семь месяцев приводила Джонсона в уныние.

Его настроение не улучшилось, когда он увидел труп, лежащий на спине в уличной грязи. Вокруг тела жужжали мухи, над ним стояли три-четыре бездельника, покуривая сигары и обсуждая убитого человека, но никто не сделал попыток убрать труп, а проезжающая мимо упряжка лошадей только обогнула его.

Джонсон остановился:

— Что случилось?

— Это Вилли Джексон. Нынче ночью он угодил в свару.

— В свару?

— Думаю, он увлекся спором с Черным Диком Кэри, и они уладили разногласия уже на улице.

Другой человек сказал:

— Вилли всегда слишком много пил.

— Вы имеете в виду, что Дик застрелил его?

— Ему такое не впервой. Дик любит убивать. Делает это при каждой возможности.

— И вы собираетесь просто оставить его здесь?

— Не знаю, кто будет его переносить, — сказал один из зевак.

— Да, у него нет родственников, которые бы беспокоились о нем. Был брат, но умер от дизентерии месяца два тому назад. Они разрабатывали маленький участок в паре миль к востоку отсюда.

— И что случилось с этим участком? — спросил один из мужчин, щелчком сбивая пепел с сигары.

— Кажись, никакой прибыли он не дал.

— Ему никогда не везло.

— Да, Вилли никогда не везло.

— Значит, тело просто останется здесь? — спросил Джонсон.

Один человек ткнул большим пальцем в сторону лавки, перед которой они стояли. Вывеска гласила: «Ким Синг. Стирка и глажка».

— Ну, он перед лавкой Синга, и, наверное, Синг уберет его, прежде чем он начнет чересчур вонять и портить ему бизнес.

— Сын Синга его уберет.

— Думаю, для сына он слишком тяжел. Мальчишке всего-то лет одиннадцать.

— Не, малыш сильный.

— Не настолько сильный.

— Он убрал старого Джейка, когда того сбил экипаж.

— Что верно, то верно, Джейка он убрал.

Они все еще обсуждали это, когда Джонсон двинулся дальше.

В конюшнях полковника Рамси он предложил продать свой фургон и упряжку. Коп приобрел их в форте Бентон по цене, взвинченной до 180 долларов; Джонсон думал, что сможет выручить за них сорок, а может, и пятьдесят долларов.

Полковник Рамси предложил десять.

После долгих просьб Джонсон согласился. Тогда Рамси объяснил, что Джонсон уже должен ему шесть и выложил разницу — четыре серебряных доллара — на стойку.

— Это возмутительно, — сказал Джонсон.

Рамси молча убрал один из четырех долларов со стойки.

— А это за что?

— За то, что ты меня оскорбил, — сказал Рамси. — Собираешься сделать это снова?

Полковник Рамси был грубым мужчиной ростом намного выше шести футов. На каждом бедре он носил по длиннотвольному шестизарядному «Кольту».

Джонсон забрал оставшиеся три доллара и повернулся, чтобы уйти.

— У тебя длинный язык, маленький ублюдок, — сказал Рамси. — На твоём месте я научился бы держать его за зубами.

— Я ценю ваш совет, — тихо ответил Джонсон.

Он начал понимать, почему в Дедвуде все такие вежливые, такие чуть ли не сверхъестественно спокойные.

После он отправился в «Блэк-Хилл оверленд энд мейл экспресс» в северном конце улицы. Тамошний агент сообщил ему, что путешествие в Шайенн стоит восемь долларов обычным дилижансом и тридцать долларов — курьерским.

— А почему курьерский настолько дороже?

— Ваш курьерский экипаж тянет упряжка из шести лошадей. Обычный экипаж тянет упряжка из двух, и он движется медленнее.

— Разница только в этом?

— Ну, в последнее время медленный экипаж обычно не добирается до цели.

— О...

Джонсон объяснил, что ещё ему нужно перевезти кое-какой груз. Агент кивнул.

— Большинство людей так и поступают. Если это золото — полтора процента оцененной стоимости.

— Это не золото.

— Ну, тогда все пойдет по транспортному тарифу, пять центов за фунт. Сколько у вас груза?

— Примерно тысяча фунтов.

— Тысяча фунтов! Что, во имя неба, у вас такое, что весит тысячу фунтов?

— Кости, — ответил Джонсон.

— Крайне необычно, — сказал агент. — Не знаю, как мы сможем вас разместить.

Он нацарапал на листке какие-то цифры.

— Эти... э-э... кости можно поместить на крышу?

— Думаю, да, если там они будут в безопасности.

Джонсон решил, что при цене в пять центов за фунт ему придется заплатить пятьдесят долларов.

— Плата составит восемьдесят долларов плюс пять долларов за погрузку.

Больше, чем он ожидал.

— А, пятьдесят за груз и тридцать за экспресс. Итого восемьдесят пять?

Клерк кивнул.

— Хотите записаться на рейс?

— Не сейчас.

— Когда захотите, вы знаете, где нас найти, — сказал клерк и отвернулся.

Уже уходя, Джонсон задержался у двери.

— Насчет экспресс-дилижанса...

— Да?

— Как часто он добирается до цели?

— Ну, по большей части добирается, — сказал агент. — Для вас это лучший выбор, несомненно.

— Но как часто?

Агент пожал плечами:

— Я бы сказал — три из пяти добираются. Несколько дилижансов в дороге получают вентиляцию, но по большей части с ними все бывает в порядке.

— Спасибо, — сказал Джонсон.

— Не стоит благодарности, — ответил агент. — Вы уверены, что у вас в ящиках нет золотых слитков?

Не только агент слышал о ящиках с костями. Все в Дедвуде о них слышали, и это породило множество предположений. Например, стало известно, что Джонсон прибыл в Дедвуд с мертвым индейцем. Поскольку

индейцы лучше любого белого знали, где находится золото в их священных Черных Холмах, многие решили, что индеец показал Джонсону месторождение, а потом Джонсон убил его и своего партнера и сбежал с рудой, замаскированной под ящики с «костями».

Другие были в равной степени уверены, что золота в ящиках нет, поскольку Джонсон не переправил их через улицу к оценщику, что было бы единственно разумным способом обращаться с золотом.

Но ящики все равно могли быть очень ценными, в них могли находиться драгоценности или даже наличные деньги. Но в таком случае почему Джонсон не отвез их в банк Дедвуда? Этому возможно лишь одно объяснение: в ящиках некие известные украденные сокровища, которые банкиры немедленно бы опознали. Трудно сказать, какие именно сокровища там могли быть, но все много о них говорили.

— Не хотите куда-нибудь перевезти эти кости? — спросил Сэм Перкинс. — Идут разговоры, и я не могу гарантировать, что их не украдут из кладовой.

— Можно, я перенесу их в свою комнату?

— Никто не будет вам помогать, если вы об этом спрашиваете.

— Я спрашивал не об этом.

— Поступайте как знаете. Хотите спать в одной комнате с кучей звериных костей — никто не будет вам перечить.

Джонсон так и поступил. Десять ящиков на втором этаже, аккуратно уложенные вдоль стены, почти затенили свет, падающий из единственного окна.

— Конечно, все знают, что вы перенесли их наверх, — сказал Перкинс, следовавший за ним по пятам. — Благодаря чему они кажутся еще ценнее.

— Да, я об этом подумал.

— Вы ловко расставили их вдоль стены, но кто угодно может высадить дверь.

— Я мог бы соорудить толстый деревянный засов, такой же, как на двери конюшни.

Перкинс кивнул:

— Тогда ящики будут в безопасности, когда вы в комнате, но как насчет тех случаев, когда вас тут не будет?

— Можно проделать две дыры вокруг штабеля, одну — в стене и одну — в двери и пустить в ход цепь с висячим замком.

— У вас есть хороший висячий замок?

— Нет.

— У меня есть, но вам придется его у меня купить. Десять долларов. Он из Сиу-сити, со сгоревшего товарного вагона Тихоокеанской железки, и тяжелее, чем выглядит.

— Я был бы премного вам обязан.

— Вы будете еще больше обязаны в финансовом смысле слова.

— Да.

— Поэтому я ожидаю, что вы найдете работу, — сказал Перкинс. — Вам нужно скопить больше ста долларов плюс то, что вы задолжали мне. Честно говоря, сумма крупная.

Джонсону можно было об этом не говорить.

— Я все лето копал землю.

— Здесь все умеют копать. Единственная причина, по которой народ приезжает в Черные Холмы — чтобы рыть золото. Нет, я имею в виду, умеете ли вы готовить, подковыривать лошадей или заниматься плотницким делом, что-нибудь в таком духе? Владеете ли вы ремеслом?

— Нет, я студент.

Джонсон посмотрел на ящики с окаменелостями, положил руку на один из них, прикоснулся к нему. Он мог

бы оставить окаменелости здесь. Он мог бы переехать из Дедвуда в форт Ларами, а оттуда телеграфировать, чтобы ему прислали денег. Он мог бы сказать Копу... Предполагая, что Коп еще жив... что окаменелости пропали. В голове его сложилась такая история: им устроили засаду, фургон перевернулся, упал с обрыва, все окаменелости пропали или разбились. Жаль, но он ничего не мог поделать.

«В любом случае, — подумал он, — эти ископаемые не так уж важны, потому что на всем американском Западе полно ископаемых. На каком утесе ни начни рыть, найдешь те или иные старые кости. В дикой глуши явно больше окаменелостей, чем золота. По моим никто не будет скучать. Коп и Марш собирают кости с таким размахом, что через год-другой вряд ли даже вспомнят об этих».

Джонсону пришла в голову еще одна идея: оставить окаменелости здесь, в Дедвуде, отправиться в Ларами, телеграфировать насчет денег, вернуться в Дедвуд с нужной суммой, забрать кости и снова уехать. Но он знал, что, если даже выберется из Дедвуда живым, он никогда уже сюда не вернется. Ни ради чего. Он должен или забрать кости сейчас, или все бросить и удрать без них.

— Зубы дракона, — сказал он тихо, глядя ящик, вспоминая момент их открытия.

— Что-что? — переспросил Перкинс.

— Ничего, — ответил Джонсон.

Как он ни пытался, у него не получалось мысленно преуменьшить важность ископаемых. Дело было не только в том, что он выкопал их своими руками, оплатил своим потом и кровью. Дело было не только в том, что люди погибли, его друзья и товарищи погибли, пока искали их. Дело было в том, что сказал Коп.

Эти окаменелости представляли собой останки самых

больших созданий, когда-либо ходивших по земле; созданий, о которых наука и не подозревала, человечество не знало, пока маленькая группа не выкопала их посреди пустошей Монтаны.

«Я бы всем сердцем желал, — записал Джонсон в своем дневнике, — оставить эти мерзкие окаменелости здесь, в этом мерзком городишке, в этой мерзкой глуши. Я бы всем сердцем желал оставить их, отправиться домой, в Филадельфию, и никогда в жизни больше не думать о Копе, Марше, каменных напластованиях, роде динозавров и еще о чем-нибудь из этого мучительного и утомительного дела. Но, к своему ужасу, я понял, что не могу. Я должен привезти их или остаться с ними, как насадка остается со своими яйцами. Будь прокляты все принципы!»

Пока Джонсон осматривал окаменелости, Перкинс показал на кучу вещей, сложенных под брезентом.

— Это тоже ваше? Что там такое?

— Фотографическое оборудование, — рассеянно ответил Джонсон.

— Вы умеете им пользоваться?

— Конечно.

— Что ж, тогда ваши проблемы позади!

— В смысле?

— У нас был человек, который занимался фотографией. Минувшей весной он отправился со своей камерой на дорогу к югу от города. Только он да лошадь, чтобы сфотографировать те земли. Понятия не имею зачем. Там ничего нет. Ближайший дилижанс нашел его лежащим на спине, на нем сидели грифы, камера была разбита на тысячу частей.

— А что случилось с его пластинами и химикалиями?

— Они все еще тут, но никто не знает, как с ними обращаться.

«Художественная галерея Черных Холмов»

«Как быстро проблемы человека могут обратиться в его преимущества! — записал Джонсон в своем дневнике. — С открытием моей студии, “Художественной галереи Черных Холмов”, каждый изъян моего характера предстает в новом свете. Раньше мои привычки жителя Востока считались недостатком мужественности; теперь — доказательством артистичности. Раньше на мою незаинтересованность горным делом смотрели с подозрением, теперь — с облегчением. Раньше у меня не было ничего, что требовалось бы другим, теперь я могу предоставить то, за что каждый дорого заплатит — его фотопортрет».

Джонсон снял помещение на южном повороте Дедвуда, потому что большую часть дня свет там был лучше. «Художественная галерея Черных Холмов» находилась позади прачечной Кима Синга, и дела шли споро.

Джонсон просил два доллара за портрет, а позже, когда спрос увеличился, поднял цену до трех. Он так и не смог привыкнуть к требованиям клиентов: «В этой грубой и мрачной обстановке жесткие люди хотят одного: сидеть мрачные, как смерть, а после уйти со своим изображением».

Жизнь старателей была непосильной и изнуряющей; весь здешний люд проделал длинный и опасный путь, чтобы найти состояние в суровой глуши, и было ясно, что преуспеют немногие. Людям, находящимся далеко от дома, испуганным и усталым, фотографии дарили осязаемую реальность; они представляли собой доказательства успеха, сувениры, которые посылали родным и возлюбленным — или просто способ запомнить, ухватить момент в быстро меняющемся и ненадежном мире.

Бизнес Джонсона не ограничивался портретами. В ясную погоду он совершал вылазки за город, к местам разработок золотых месторождений, чтобы сфотографировать людей, работающих на своих участках; за это он брал десять долларов.

К тому же большинство владельцев городских заведений нанимали его, чтобы он сфотографировал их помещения.

У него случались моменты небольших триумфов. 4 сентября он делает краткую запись: «Фотография полковника Рамси Стэблери. Запросил 25 долларов, потому что “потребовалась большая пластина”. Как он не хотел платить! Диафрагма 11, выдержка 22 сек., пасмурный день».

К тому же Джонсон явно был доволен, что стал полноправным гражданином города. Дни проходили, и «Фогги» (уменьшительное от «фотограф»?) Джонсон сделался привычной фигурой в Дедвуде, известной всем.

Постигали его и разочарования, повсюду постигавшие коммерческих фотографов.

9 сентября: «Джек Маккол Сломанный Нос, печально известный стрелок, вернулся, чтобы пожаловаться на свой снимок, сделанный вчера. Он показал его любовнице, Саре, а та сказала, что фотография ему не льстит, поэтому Джек вернулся, чтобы потребовать более симпатичную версию. У мистера Маккола лицо, как топор, ухмылка, от которой с перепугу сдохла бы корова, рытвины от оспы и бельмо. Я вежливо сказал, что сделал все, что мог, учитывая эти обстоятельства. Он разряжал свои пистолеты в “Художественную галерею” до тех пор, пока я не предложил бесплатно сделать еще одну попытку.

Он снова уселся и захотел принять другую позу, опершись на руку подбородком. Но в результате он должен был получиться как задумчивый, изнеженный школяр.

Это совершенно не подходило к его жизненному статусу, но он и слышать не хотел возражений против своей позы. Когда я удалился в темную комнату, Сломанный Нос ждал снаружи, чтобы я слышал кликанье барабана его револьвера, который он перезаряжал в ожидании моей последней попытки.

Таков характер художественных критиков в Дедвуде, и при подобных обстоятельствах работа превзошла все мои ожидания, хотя я пролил немало пота, прежде чем Сломанный Нос и Сара объявили, что удовлетворены».

Очевидно, Джонсон владел зачатками ретуширования фотографий; разумно пользуясь карандашом, можно было смягчить рубцы и внести другие коррективы.

Не все хотели, чтобы их фотографировали.

12 сентября Джонсона наняли, чтобы он сфотографировал интерьер салуна «Мелодеон» — заведения, где пили и играли в карты. Оно находилось на южном конце главной улицы. Внутри заведений было темно, и Джонсону часто приходилось по нескольку дней ждать хорошего света, чтобы выполнить заказ. Но последние дни стояла солнечная погода, и, явившись в два часа дня со своим оборудованием, он принялся устанавливать его, чтобы сделать снимок.

Салун «Мелодеон» был закоптелым, с длинной стойкой бара у дальней стены и тремя-четырьмя круглыми столами для игры в карты. Джонсон обошел помещение, отдергивая занавески на окнах и заливая комнату светом. Завсегдатаи стонали и ругались. Хозяин салуна, Леандр Самюэль, закричал:

— Эй, джентльмены, успокойтесь!

Джонсон нырнул под ткань камеры, чтобы сделать снимок, и тут кто-то спросил:

— Какого черта ты делаешь, Фогги?

— Снимаю, — ответил Джонсон.

— Черта с два!

Джонсон выглянул.

Черный Дик, Друг Старателей, поднялся из-за одного из столов, положив руку на пистолет.

— Ну же, Дик, — сказал мистер Самюэль, — это всего лишь фотография.

— Это нарушает мой покой.

— Ну же, Дик... — снова начал мистер Самюэль.

— Я все сказал, — грозно проговорил Дик. — Сейчас я играю в карты, и мне не нужны никакие фотографии.

— Может, вы хотите выйти, пока я фотографирую? — предложил Джонсон.

— Может, ты хочешь выйти вместе со мной?! — прокрипел Дик.

— Нет, благодарю вас, сэр, — ответил Джонсон.

— Тогда просто убирайся вместе со своей хитрой штуковиной и не возвращайся больше.

— Ну же, Дик, я нанял Фогги. Мне нужна фотография, чтобы повесить ее на стену за баром — думаю, это будет отлично смотреться.

— Верно, — сказал Дик. — Он может прийти в любое время, когда захочет, лишь бы меня тут не было. Никто не снимает моих портретов.

Он ткнул пальцем в сторону Джонсона, красуясь татуировкой в виде змеи на запястье, которой так гордился.

— Теперь ты это запомнил. И проваливай.

Джонсон ушел.

Это было первое несомненное указание на то, что Черного Дика где-то разыскивают. Никто в Дедвуде не удивился, услышав такое, и репутация Дика только возросла благодаря новому уровню загадочности.

Однако случившееся также положило начало проблемам между Джонсоном и тремя братьями Кэрри —

Диком, Клемом и Биллом, что позже доставило ему столько бед.

Но хотя его бизнес процветал, у него оставалось немного времени, чтобы накопить нужную сумму.

13 сентября он записал: «Мне не раз сообщали, что горные дороги перекрываются из-за снега самое позднее ко Дню благодарения¹, а возможно, и к первому ноября. Я должен быть готов к отъезду к концу октября или остаться здесь до следующей весны. Каждый день я записываю свои доходы и расходы. Хоть убей, не вижу, как я смогу вовремя собрать достаточно денег, чтобы уехать».

Следующие несколько дней его дневник был полон отчаянных комментариев, но еще два дня спустя судьба Джонсона опять ошеломляюще изменилась.

«Мои молитвы услышаны! — записал он. — В город явилась армия!»

Прибытие армии

14 сентября 1876 года две тысячи золотоискателей выстроились на улицах Дедвуда, паля в воздух из пистолетов и выкрикивая приветствия генералу Джорджу Круку и его колонне Второго кавалерийского, которая ехала через город.

«Трудно представить более желанное зрелище для местных жителей, — записал Джонсон, — потому что все здесь боятся индейцев, а генерал Крук с весны вел против них успешную войну».

У прибывающей армии был весьма потрепанный вид после месяцев, проведенных на равнине. Когда генерал Крук заселился в отель «Гранд Сентрал», Перкинс в своей вежливой манере предположил, что, возможно,

¹ То есть в конце ноября.

генерал захочет посетить бани Дедвуда, а также приобрести комплект новой одежды в лавке текстильных товаров. Генерал Крук понял намек и был чисто умыт, когда шагнул на балкон «Гранд Сентрал» и произнес короткую речь перед толпой старателей вниз.

Джонсон смотрел на веселье, затянувшееся далеко за полночь, с совершенно другой точки зрения.

«Наконец-то у меня появился билет до цивилизации!» — написал он.

Джонсон попросил у лейтенанта Кларка — квартирмейстера Крука — разрешения присоединиться к кавалерии в ее марше на юг. Кларк сказал, что это было бы прекрасно, но Джонсону нужно все уладить с самим генералом. Гадая, как с ним встретиться, Джонсон подумал, не предложить ли его сфотографировать.

— Генерал терпеть не может фотографироваться, — сообщил Кларк. — Не делайте этого. Идите напрямик к нему и просто задайте вопрос.

— Очень хорошо, — ответил Джонсон.

— И еще одно, — сказал Кларк. — Не пожимайте ему руку. Генерал ненавидит рукопожатия.

— Очень хорошо, — повторил Джонсон.

Генерал-майор Джордж Крук был военным с головы до ног: коротко стриженные волосы, пронизывающие глаза, большая ниспадающая борода; он сидел на стуле в столовой так прямо, будто проглотил шомпол.

Джонсон подождал, пока генерал допьет кофе и несколько его поклонников удалятся в игорные залы, и только потом подошел и объяснил свою ситуацию.

Сперва Крук терпеливо слушал рассказ Джонсона, но вскоре начал качать головой, бормоча, что он не может брать штатских в военную экспедицию, связанную со всяческими опасностями, — он сожалеет, но это невозможно. Тогда Джонсон упомянул окаменелые кости, которые хотел бы отвезти домой.

— Окаменелые кости?

— Да, генерал.

— Вы раскапывали окаменелые кости? — спросил Крук.

— Да, генерал.

— И вы из Йеля?

— Да, генерал.

Поведение генерала разительно изменилось.

— Тогда вы, должно быть, общались с профессором Маршем из Йеля, — сказал он.

После кратчайшего колебания Джонсон сказал, что действительно общался с профессором Маршем.

— Изумительный человек. Очаровательный, интеллигентный человек, — сказал Крук. — Я встречался с ним в Вайоминге в семьдесят втором, мы вместе ездили охотиться. Выдающийся человек. Замечательный человек.

— Ему нет равных, — согласился Джонсон.

— Вы с его группой?

— Был. Я отстал от нее.

— Чертовски не повезло, — сказал Крук. — Что ж, я сделаю для Марша все, что смогу. Добро пожаловать присоединиться к моей колонне, и мы увидим ваши окаменелые кости в безопасности в Шайенне.

— Спасибо, генерал!

— Погрузите кости в подходящий фургон. Квартирмейстер Кларк окажет вам любую необходимую помощь. Мы выступаем послезавтра на рассвете. Счастливи, что вы будете с нами.

— Спасибо, генерал!

Последний день в Дедвуде

15 сентября, в свой прощальный день в Дедвуде, Джонсон взял два последних фотографических заказа. Утром он отправился в Нигро-Галч, чтобы сфотографировать цветных золотоискателей, которые поймали бас-

нословную удачу. Шестерка в течение нескольких недель добывала почти две тысячи долларов в день; отправив руду домой судном, они уже продали свой участок. Теперь они позировали для фотографии, надев старую рабочую одежду и стоя рядом с лотком. После этого они переоделись в новую одежду и сожгли старую.

Старатели были в превосходном настроении; они хотели сфотографироваться, чтобы взять с собой снимок в Сент-Луис. Со своей стороны, Джонсон был рад видеть настолько дисциплинированных золотоискателей, которые увозят добытое домой. Большинство оставляли свою прибыль в салунах или на зеленом сукне игорных столов, но эти люди были другими.

«Они такие радостные, — записал Джонсон, без сомнения, радуясь сам, — и я желаю им всего самого лучшего на пути домой».

Днем он сфотографировал фасад отеля «Гранд Сентрал» для его хозяина, Сэма Перкинса.

— Все остальное вы сфотографировали, — сказал Перкинс, — и раз уж покидаете город, это единственное, что вам осталось запечатлеть.

Джонсон должен был установить камеру на другой стороне улицы. Если бы он установил ее ближе, проезжающие мимо лошади и экипажи забросали бы линзы грязью. Казалось, уличное движение между ним и отелем перекроет вид, но Джонсон знал, что движущиеся объекты — лошади и фургоны — за время экспозиции оставят на пластине всего лишь призрачную полосу, и отель во всех отношениях будет выглядеть так, словно стоит на пустой улице.

И в самом деле, попытки фотографов заснять оживленную уличную суету города сталкивались с проблемами, потому что лошади, пешеходы и фургоны двигались слишком быстро, чтобы их запечатлеть.

Джонсон сделал свою обычную экспозицию — диафрагма 11 и выдержка 22 секунды, а потом, поскольку

свет был особенно ярким и у него имелась наготове влажная запасная пластина, решил попытаться ухватить уличную жизнь Дедвуда в последнем быстром снимке. Эту пластину он экспонировал с диафрагмой 3,5 и выдержкой 2 секунды.

Джонсон обработал обе пластины в своей темной комнате в «Художественной галерее Черных Холмов» и, пока они сохли, приобрел подходящий фургон, чтобы перевезти кости в сопровождении кавалерии.

Потом он отправился в отель погрузить окаменелости и в последний раз пообедать в Дедвуде.

Он прибыл как раз тогда, когда на улицу выносили мертвое тело. Нормана Х. Уэлша по прозвищу Том Техас нашли задушенным в его комнате на втором этаже отеля «Гранд Централ».

Том Техас был низеньким, сварливым человеком, о котором ходили слухи, что он — член банды Кэрри, которая грабит дилижансы. Подозрение в убийстве, естественно, пало на Черного Дика Кэрри, в ту пору тоже проживавшего в отеле, но ни у кого не хватило духу бросить ему это обвинение.

Со своей стороны, Черный Дик заявил, что провел весь день в салуне «Мелодеон» и понятия не имеет, что могло случиться с Томом Техасом. На том дело бы и закончилось, если бы Сэм Перкинс не решил остановиться рядом со столом обедающего Джонсона и спросить насчет фотографии отеля.

— Вы сфотографировали его сегодня? — спросил Перкинс.

— Сфотографировал.

— И как получилось?

— Очень мило, — сказал Джонсон. — Я отпечатаю для вас снимок завтра.

— В какое время вы снимали? — спросил Перкинс.

— Где-то около трех часов дня.

— Разве тогда не было сумрачно? Мне бы очень не хотелось, чтобы заведение выглядело унылым, с тенями.

— Кое-какие тени были, — сказал Джонсон, но объяснил, что тени улучшают фотографию, придавая ей большую глубину и выразительность.

Тут он заметил, что Черный Дик с интересом прислушивается к беседе.

— Откуда вы фотографировали? — спросил Перкинс.

— С другой стороны улицы.

— Рядом с магазином Донахью?

— Нет, южнее, рядом с прачечной Ким Синга.

— О чем вы там болтаете, приятели? — спросил Черный Дик.

— Фогги сегодня сфотографировал отель.

— Вот так, — холодно сказал Дик. — Когда?

Джонсон немедленно ощутил опасность ситуации, но Перкинс ничего не заметил.

— Ты только что говорил, Фогги, насчет трех часов?

— Примерно так, — ответил Джонсон.

Дик склонил голову набок и впился в Джонсона настороженным взглядом:

— Фогги, однажды я предупреждал, чтобы ты не фотографировал, когда я рядом.

— Но тебя не было рядом, Дик, — запротестовал Перкинс. — Помнишь, ты сказал судье Харлану, что весь день провел в салуне.

— Я знаю, что сказал судье Харлану, — прорычал Дик. Он медленно повернулся к Джонсону. — Откуда ты фотографировал, Фогги?

— С другой стороны улицы.

— И хорошо получилось?

— Нет, по правде сказать, пока вообще ничего не вышло. Я собирался сделать новую попытку завтра.

Говоря это, он пнул Перкинса под стол.

— Я думал, у тебя всегда получают фотографии, — сказал Дик.

— Не всегда.

— А где фотография, которую ты сделал сегодня?

— Я смыл стеклянную пластину. Толку с нее не было никакого.

Дик кивнул:

— Что ж, тогда ладно.

И он вернулся к еде.

— Вы думаете о том же, о чем и я? — позже спросил Перкинс.

— Угу, — ответил Джонсон.

— Том Техас занимал комнату в передней части отеля, ее окно выходило на улицу. В середине дня солнечный свет проникал прямо в комнату. Вы всматривались как следует в фотографию?

— Нет, — сказал Джонсон, — не всматривался.

В этот миг, пытаясь, вошел судья Харлан, и они быстро пересказали ему беседу с Черным Диком.

— Не вижу, как вообще можно возбудить дело против Дика, — сказал судья. — Я только что из «Мелодеона». Все клянутся, что Дик Кэрри играл там в «фараон» весь день, именно так, как он и говорит.

— Что ж, наверное, он их подкупил!

— Его видели человек двадцать или больше. Сомневаюсь, что он подкупил всех, — заметил судья Харлан. — Нет, Дик и вправду там был.

— Кто же тогда убил Тома Техаса?

— Я буду беспокоиться об этом утром, во время дознания, — ответил судья Харлан.

После обеда Джонсон собирался укладываться, но любопытство — и убеждения Перкинса — вместо этого привели его в «Художественную галерею Черных Холмов».

— Где они? — спросил Перкинс, когда они заперли за собой дверь.

Они внимательно рассмотрели две экспонированные пластины.

Первый вид оказалась таким, каким и запомнился Джонсону — только отель и никаких людей.

Вторая пластина показывала лошадей на улицах и людей, идущих по грязи.

— Вы видите окно? — спросил Перкинс.

— Вообще-то нет, — сказал Джонсон, прищурившись и поднеся пластину к керосиновой лампе. — Не вижу.

— Думаю, оно где-то здесь. У вас есть лупа?

Джонсон поднес к пластине увеличительное стекло.

В окне второго этажа ясно виднелись две фигуры. Один человек душил другого, стоя позади него.

— Будь я проклят, — сказал Перкинс. — Вы сфотографировали убийство!

— Но тут немного можно разглядеть, — ответил Джонсон.

— Увеличьте снимок, — сказал Перкинс.

— Я должен собирать вещи, — отозвался Джонсон. — Я уезжаю с кавалерией на рассвете.

— Кавалеристы пьют в салунах по всему городу и ни за что не уедут на рассвете. Увеличьте его.

У Джонсона не было увеличительного оборудования, но он сумел соорудить импровизированное приспособление и проявил снимок. Они с Перкинсом взгляделись в проявительную ванну, где медленно возникало изображение.

В окне душили Тома Техаса, спина которого выгнулась от напряжения, лицо исказилось. Его шею стискивали две руки, но тело убийцы закрывала занавеска слева, и голова его была в густой тени.

— Уже лучше, — сказал Перкинс. — Но мы все еще не видим, кто это.

Они отпечатали новую фотографию, а потом — третью, еще крупнее. Вечер шел, и работа продвигалась все медленнее. Самодельная система при большом увеличении была чувствительна к вибрации, а Перкинс так волновался, что не мог устоять неподвижно во время долгого проявления.

Вскоре после полуночи они получили четкий снимок. При большом увеличении фотография была зернистой, в крапинку. Зато проявилась одна деталь. На левом запястье душащей руки была татуировка в виде свернувшейся змеи.

— Мы должны рассказать судье Харлану, — настаивал Перкинс.

— Я должен собираться, — сказал Джонсон, — и должен немного поспать перед завтрашним отъездом.

— Но это убийство!

— Это Дедвуд, — сказал Джонсон. — Тут все время такое случается.

— Вы собираетесь просто уехать?

— Собираюсь.

— Тогда дайте пластину мне, а я пойду и расскажу все судье Харлану.

— Поступайте как знаете, — сказал Джонсон и отдал ему пластину.

Вернувшись в отель «Гранд Централ», он прошел мимо Черного Дика Кэрри. Дик был пьян.

— Привет, Фогги, — сказал Дик.

— Привет, Дик, — ответил Джонсон и поднялся в свою комнату.

Как он отметил в дневнике, «то был прекрасный, ироничный финальный штрих моего последнего дня в печально знаменитом Дедвуде».

Он с полчаса укладывал вещи, когда в его комнате появились Перкинс с судьей Харланом.

— Вы сделали эту фотографию? — спросил судья Харлан.

— Я, судья.

— Вы как-нибудь улучшали снимок, ретушируя его карандашом или еще как-нибудь?

— Нет, судья.

— Прекрасно, — заявил судья Харлан. — Мы поймали его с поличным.

— Я рад за вас, — ответил Джонсон.

— Дознание начнется утром, — сообщил судья Харлан. — Будьте там в десять часов, Фогги.

Джонсон сказал, что он покидает город с кавалерией генерала Крука.

— Боюсь, вы не сможете этого сделать, — ответил судья Харлан. — Вообще-то нынче ночью вы подвергаетесь некоторому риску, оставаясь здесь. Придется взять вас под охрану.

— О чем вы говорите? — спросил Джонсон.

— Я говорю о тюрьме, — сказал судья Харлан.

На следующий день в Дедвуде

Тюрьма находилась в заброшенной шахте забоя на краю города и была снабжена железными решетками и крепким замком. Проведя ночь на ледяном холоде, Джонсон смог сквозь прутья наблюдать, как кавалерия под командованием генерала Крука едет на юг, покидая Дедвуд.

Он им кричал — кричал, пока не охрип, — но никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Никто не пришел, чтобы выпустить его из тюрьмы, почти до полудня, когда появился судья Харлан, поставившая и трясая головой.

— Что случилось? — спросил Джонсон.

— Слегка перебрал с выпивкой прошлой ночью, — ответил судья. Он широко распахнул дверь. — Можете уходить.

— А как же дознание?

— Дознание отменено.

— Что?!

Судья Харлан кивнул:

— Черный Дик Кэрри улизнул из города. Похоже, ему шепнули о том, что надвигается, и он выбрал главное достоинство храбрости, как сказал бы Шекспир¹. В отсутствие Дика в дознании нет смысла. Вы можете идти.

— Но кавалерия уже опередила меня на полдня, — сказал Джонсон. — Мне ни за что их не догнать.

— Верно, — согласился судья. — Я очень извиняюсь за причиненные неудобства, сынок. Думаю, в итоге вы еще некоторое время пробудете с нами в Дедвуде.

История об обличающей фотографии Джонсона и о том, как он упустил шанс уйти с кавалерией, облетела город.

Это имело серьезные последствия.

Первым последствием было то, что отношения между Джонсоном и Черным Диком Кэрри, Другом Старателей, стали еще хуже. Все братья Кэрри теперь демонстрировали по отношению к Уильяму открытую враждебность, тем более что судья Харлан как будто не интересовался новым расследованием смерти Тома Техаса. Когда братья бывали в городе (а это случалось всякий раз, когда ни один дилижанс не покидал Дедвуд день-другой), они останавливались в отеле «Гранд Сен-трал». И если обедали — что случалось редко, — они ели там же.

Джонсон раздражал Дика, который объявил, что Джонсон со своими, как он выразился, филадельфи-и-

¹ «Главное достоинство храбрости — благоразумие», — говорит трус и циник Фальстаф в хронике Шекспира «Король Генрих IV». Пер. Е. Бируковой.

и-йскими манерами ведет себя высокомерно по отношению к остальным.

— «Передайте масло, будьте так добры»? Тьфу! Не выношу его изящных манер.

Шли дни, и Дик пристрастился задираť Джонсона, к удовольствию своих братьев. Джонсон молча все сносил; он ничего не мог поделатъ, поскольку Дик только того и ждал, чтобы перенести спор на улицу и уладить его с помощью пистолетов. Даже будучи пьяным, Дик оставался хорошим стрелком и каждые несколько дней кого-нибудь убивал.

Никто из знавших Дика горожан не пошел бы против него, и Джонсон точно не собирался так поступать. Но дело приняло настолько дурной оборот, что он покидал столовую, не закончив есть, если туда входил Дик.

А потом приключилась история с мисс Эмили.

Эмили

Женщин в Дедвуде было мало, и они были не лучше удовлетворительного уровня. Большинство жили в заведении под названием «Крикет» в конце южного поворота улицы, где занимались своим ремеслом под бдительным присмотром миссис Маршалл, кулившей опиум и владевшей этим домом.

Остальные ни от кого не зависели, такие как Каламити Джейн, которая в последние недели давала грандиозное представление, оплакивая смерть Билла Хикока — к огромному отвращению его друзей. Каламити Джейн была настолько мужеподобной, что часто носила солдатскую форму и путешествовала с парнями в голубом, не подозревавшими, кто она. Она оказывала им услуги в походе и не раз уходила с Седьмым кавалерийским Кастера. Но она настолько смахивала на мужчину, что

часто хвастала: «Дайте мне член, и в темноте ни одна женщина не отличит меня от настоящего мужчины». Как заметил один наблюдатель, это слегка затушевывало привлекательность Джейн.

Несколько старателей Дедвуда привезли с собой жен и семьи, но они нечасто показывались в городе.

У полковника Рамси была толстая жена-индианка по имени Сен-а-лиз; у мистера Самюзеля тоже имелась жена, но она страдала туберкулезом и никогда не выходила из дома. Поэтому женское население в основном представляли обитательницы «Крикета» и женщины, работавшие в салунах. По словам одного из посетителей Дедвуда, последние были «особами не первой молодости, славными, но со внешностью настолько же суровой и неприятной, как и весь вид этого несчастного старательского городка. Те, что обслуживали столы в салунах, курили и ругались наравне с мужчинами и знали множество таких трюков, что бывалые игроки избегали их, предпочитая, чтобы карты сдавали мужчины».

Мисс Эмили Шарлотта Уильямс появилась в этом грубом мире как прелестный мираж.

Она прибыла однажды днем в открытом экипаже горняка, с ног до головы одетая в белое, со светлыми волосами, очаровательно скрученными на затылке. Она была молода — хотя, возможно, на несколько лет старше Джонсона; она была чиста, изящна, свежа, мила и с заметными округлостями.

Сняв комнату в отеле «Гранд Централ», она сделала самой интересной из новых обитателей городка после того, как юный Фогги появился с фургоном загодичных ящиков и двумя припорошенными снегом мертвецами.

Вести о мисс Эмили, о ее красивой внешности и душещипательной истории облетели город. В столовой Перкинса, раньше никогда не переполненной, тем вечером

народу было битком, поскольку все явились посмотреть на это создание.

Мисс Эмили была сиротой, дочерью священника, подобного Уильямса, который погиб неподалеку от города Гейвилла, когда строил церковь. Сперва говорили, что его застрелили отпетые головорезы, но позже выяснилось, что он упал с крыши строящегося здания и сломал шею.

Говорили также, что горящая мисс Эмили собрала скудные пожитки и отправилась на поиски своего брата Тома Уильямса — она знала, что тот должен искать золото где-то в Черных Холмах. Она уже побывала в Монтана-сити и Крук-сити, но не смогла его найти. Теперь она явилась в Дедвуд, где планировала остаться на три-четыре дня, а может быть, и дольше.

Тем вечером мужчины в отеле «Гранд Централ» приняли ванны и облачились в самую чистую одежду; Джонсон записал в дневнике, что «забавно видеть, как эти суровые люди прихорашиваются, выпячивают грудь и пытаются съесть свой суп не чавкая».

Но в комнате также чувствовалось сильное напряжение, которое усилилось, когда Черный Дик подошел к столу мисс Эмили (та, на кого были устремлены все глаза, ужинала одна) и представился ей. Он предложил нынче вечером поводить ее по городу; она с похвальным самообладанием поблагодарила, но сказала, что рано удалится спать. Он предложил помочь найти ее брата; она поблагодарила, но сказала, что ей сделали уже много таких предложений.

Все остальные наблюдали за Диком, и он это знал. Он вспотел, лицо его покраснело, он глядел зверем.

— Похоже, тогда я ничем не могу быть вам полезен, так?

— Я ценю ваше учтивое предложение, действительно ценю, — тихо ответила она.

Дик, похоже, отчасти смягчился и протопал обратно к своему столу, где к нему придвинулись сочувствующие братья.

Это происшествие могло бы остаться без последствий, если бы мисс Эмили не повернулась к Джонсону и не сказала самым мелодичным голосом:

— О, а вы — тот самый молодой фотограф, о котором я столько слышала?

Джонсон сказал, что да, это он.

— Я была бы признательна, если бы смогла посмотреть вашу галерею фотографий, — сказала она. — Может, на одном из снимков есть мой брат.

— Я буду счастлив утром вам их показать, — ответил Джонсон, и мисс Эмили ответила приятной улыбкой.

У Черного Дика был такой вид, будто он готов кого-нибудь прикончить — особенно Джонсона.

«Нет большего удовольствия, чем завоевать то, что желают все», — записал на страницах своего дневника Джонсон и отправился в постель счастливым человеком.

Он начал уже привыкать спать рядом со штабелем ящиков, привыкать не только к тончайшему порошку, который сыпался из них, покрывая пол, но и к могильной темноте комнаты и странному ощущению близости к костям громадных существ. И, конечно, к зубам — зубам настоящих драконов, некогда ходивших по земле. Он находил их присутствие странно утешительным.

А завтрашний день принесет ему встречу с Эмили.

Но счастье его было кратковременным.

Эмили разочаровали его фотографии, она не нашла на них своего дорогого брата.

— Может, вам стоит поискать снова, — предложил он.

Она очень быстро их просмотрела.

— Нет, нет, я знаю, что здесь его не найти.

Эмили принялась беспокойно бродить по мастерской, осматриваясь по сторонам.

— Вы показали мне все фотографии, какие у вас есть?

— Да, все, какие я сделал в Дедвуде.

Она кивнула на угловую полку.

— Вон те вы мне не показывали.

— Они были сделаны в дни, проведенные мною на пустошах. Вашего брата нет на этих пластинах, уверяю.

— Но мне интересно посмотреть. Принесите их сюда, сядьте рядом со мной и расскажите мне о пустошах.

Она была такой очаровательной, что Джонсон не мог ей отказать. Он принес пластины и показал фотографии, которые теперь как будто относились к какой-то другой его жизни.

— Кто этот человек с крошечной киркой?

— Профессор Коп с геологическим молотком.

— А что такое рядом с ним?

— Череп саблезубого тигра.

— А этот человек?

— Каравай. Наш возница и повар.

— А тот, который стоит с индейцем?

— Чарли Штернберг. И Маленький Ветер. Маленький Ветер был снейком-следопытом. Он погиб.

— О, господи! А это и есть пустоши? Не пустоши, а пустыня.

— Да, и тут видно, насколько они изъедены эрозией.

— Вы долго там прожили?

— Шесть недель.

— Почему же вы отправились в такое место?

— Ну, там, где есть эрозия, кости торчат наружу и их легче найти.

— Вы отправились туда за костями?

— Да, конечно.

— Все это очень странно, — сказала она. — За кости много платят?

— Нет, я сам оплатил свою дорогу.

— Вы сами оплатили дорогу? — Она показала на фотографию пустынных мест. — Чтобы отправиться туда?

— Это длинная история, — ответил Джонсон. — Видите ли, я заключил в Йеле пари, потому должен был поехать.

Но он видел, что Эмили больше его не слушает. Она одну за другой просматривала стеклянные пластины, поднося каждую к свету, быстро взглядывая на нее и переходя к следующей.

— Что вы надеетесь найти? — наблюдая за ней, спросил Джонсон.

— Для меня все это так странно, — сказала она. — Я просто любопытствовала, что вы за человек. Вот, убедите их.

Когда Джонсон вернул пластины на полку, она спросила:

— И вы нашли кости?

— О да, множество.

— Где же они теперь?

— Половину мы отправили вниз по Миссури пароходом. Другая половина у меня.

— У вас? Где?

— В отеле.

— Можно мне на них посмотреть?

Что-то в ее поведении пробудило в нем подозрения.

— Зачем вы хотите их увидеть?

— Просто интересно на них посмотреть, раз уж вы о них упомянули.

— Всем в городе интересно на них посмотреть.

— Конечно, если это слишком сложно...

— О нет, — сказал Джонсон. — Ничего сложного.

В своей комнате он открыл один из ящичков, чтобы Эмили заглянула внутрь. На пол упало немного земли вперемешку с песком.

— Это же просто старые камни! — сказала она, взглядевшись в куски черного сланца.

— Нет, нет, окаменелости. Взгляните. — И он обвел контуры ноги динозавра. То был идеальный экземпляр.

— Но я думала, вы нашли старые кости, а не камень.

— Окаменелые кости — и есть камень.

— Необязательно огрызаться.

— Извините, Эмили. Но, видите ли, в Дедвуде они ровным счетом ничего не стоят. Это кости, пролежавшие в земле миллионы лет, принадлежавшие давно исчезнувшим созданиям. Вот кость ноги животного с рогом на носу, похожего на носорога, но намного больше.

— В самом деле?

— Да.

— Это кажется удивительным, Билл, — сказала она, решив называть его таким именем.

Ее ласковый энтузиазм тронул его. Впервые за долгое время Уильям встретил человека, который ему сочувствовал.

— Знаю, — ответил он, — но мне никто не верит. Чем больше я объясняю, тем больше мне не доверяют. И рано или поздно они вломятся сюда и разобьют все, если прежде я не уберусь из Дедвуда.

Слезы сами собой покатались по его щеке, и Джонсон отвернулся, чтобы Эмили не увидела, как он плачет.

— О Билл, в чем дело? — спросила она, сев на кровать рядом с ним.

— Ни в чем, — ответил он, вытерев лицо и снова повернувшись к ней. — Но... Я никогда не просил об этой работе, я просто отправился на Запад, а теперь застрял с этими костями и за них отвечаю. Я хочу сохранить их

в целости и сохранности, чтобы профессор мог их изучать, а люди ни на цент мне не верят.

— Я верю, — сказала Эмили.

— Тогда вы единственный человек в Дедвуде, кто верит.

— Рассказать вам мой секрет? — спросила она. — На самом деле я не сирота.

Джонсон выжидательно молчал.

— Я из Уайтвуда, где жила с лета.

Он все еще хранил молчание.

Она прикусила губу:

— Дик втравил меня в это.

— Втравил вас во что? — спросил он, гадая, откуда она знает Дика.

— Он подумал: вы доверитесь леди и расскажете мне, что же на самом деле лежит у вас в ящиках.

— И вы ответили, что спросите меня? — отозвался он, чувствуя себя обиженным.

Она опустила глаза, как будто ей стало стыдно:

— Мне самой тоже было интересно.

— В ящиках и в самом деле кости.

— Теперь я это вижу.

— Они мне не нужны... Я ничего не хочу с ними делать... Но я за них отвечаю.

— Я вам верю.

Эмили нахмурилась:

— Теперь я должна убедить Дика. Он трудный человек, вы же знаете.

— Знаю.

— Но я с ним поговорю. Увидимся за обедом.

Тем вечером в столовой отеля «Гранд Сентрал» появились два новых посетителя. На первый взгляд они казались близнецами, настолько были похожи: оба высокие, стройные, жилистые мужчины лет двадцати с чем-то,

с одинаковыми широкими усами, в одинаковых чистых белых рубашках. Эти спокойные, замкнутые люди излучали недюжинную силу и невозмутимость.

— Знаете, кто эти двое? — прошептал Перкинс Джонсону за кофе.

— Нет.

— Это Уайетт Эрп и его брат Морган Эрп. Уайетт тот, что повыше.

Услышав свои имена, мужчины посмотрели в сторону стола Джонсона и вежливо кивнули.

— А это — Фогги Джонсон, он фотограф из Йельского университета, — сказал Перкинс.

— Привет, — ответили братья Эрп и вернулись к своему ужину.

Джонсон не узнал имен, но, судя по поведению Перкинса, братья были важными и знаменитыми людьми.

— Кто они такие? — шепотом спросил Джонсон.

— Они из Канзаса, — ответил Перкинс. — Абилин и Додж-сити?

Джонсон покачал головой.

— Они знаменитые стрелки, — прошептал Перкинс. — Оба.

Джонсон все еще понятия не имел, почему братья такие важные персоны, но любой новый посетитель Дедвуда был законной добычей фотографа, поэтому после ужина он предложил им сфотографироваться.

Джонсон записал в дневнике свою первую беседу со знаменитыми братьями Эрп. Она была не самым запоминающимся событием.

— Не хотели бы джентльмены сфотографироваться? — спросил Джонсон.

— Фотография? Может быть, — сказал Уайетт Эрп.

Вблизи он выглядел ребячливым и тонким. У него были спокойные манеры, спокойный взгляд и почти сонная невозмутимость.

- Сколько это будет стоить?
- Четыре бакса, — ответил Джонсон.
- Братья Эрп молча переглянулись.
- Нет, спасибо, — ответил Уайетт Эрп.

Новости Эмили

— Дело плохо, — прошептала она Джонсону перед ужином, стоя на крыльце отеля. — Парней Кэрри взволновало прибытие братьев Эрп. Из-за него они нервничают, поэтому придут к вам за костями сегодня ночью. Они похвалялись этим.

- Они их не получают, — сказал Джонсон.
- Думаю, у них привычка получать все, что они хотят.

- Не в этот раз.
- Что вы собираетесь делать?
- Я буду сторожить, — сказал Джонсон, потянувшись за своим пистолетом.

- Я не стала бы.
- А что же я, по-вашему, должен делать?
- Лучше всего отступить и позволить их забрать.
- Я не могу, Эмили.
- Они крутые парни.
- Знаю. Но я должен охранять кости.
- Это же просто кости.
- Нет, не просто.
- Он увидел, как у Эмили загорелись глаза.
- Значит, они ценные?
- Они бесценны, я уже говорил.
- Скажите мне правду. Что они такое на самом деле?

- Эмили, это и вправду кости, как я и сказал.
- Она с отвращением посмотрела на Джонсона:

— На вашем месте я не стала бы рисковать жизнью из-за кучки старых костей.

— Вы не на моем месте, и они важны. Это исторические кости, и они важны для науки.

— Кэрри плевать на науку, к тому же они будут счастливы вас убить.

— Знаю. Но я должен сохранить кости.

— Тогда вам лучше заручиться чьей-нибудь помощью, Билл.

Джонсон нашел знаменитого стрелка Уайетта Эрпа в салуне «Мелодеон», где тот играл в очко, и отвел его в сторону.

— Мистер Эрп, могу я нанять вас на ночь?

— Положим, да, — сказал Эрп. — В качестве кого?

— В качестве охранника, — ответил Джонсон и объяснил все насчет окаменелых костей в своей комнате и братьев Кэрри.

— Прекрасно, — выслушав до конца, сказал Эрп. — Я потребую пять долларов.

Джонсон согласился.

— Вперед.

Джонсон заплатил ему прямо там, в салуне.

— Но я могу на вас рассчитывать?

— Конечно, можете, — ответил Уайетт Эрп. — Я встречусь с вами в вашей комнате в десять часов вечера. Принесите боеприпасы, много виски и больше ни о чем не беспокойтесь. Теперь на вашей стороне Уайетт Эрп. Ваши проблемы закончились.

Джонсон поужинал с Эмили в столовой отеля.

— Хотела бы я, чтобы вы бросили это дело, — сказала она.

Он испытывал точно такие же чувства, но сказал:

— Я не могу, Эмили.

Она легко поцеловала его в щеку.

— Тогда удачи, Билл. Надеюсь, завтра я вас увижу.

— Не сомневайтесь, — сказал он и храбро ей улыбнулся.

Эмили поднялась в свою комнату. Джонсон отправился в свою и заперся в ней.

Было девять часов вечера.

Миновало десять часов, вот уже половина одиннадцатого.

Джонсон потряс свои карманные часы, гадая, правильно ли они идут. В конце концов он отпер дверь и спустился в вестибюль отеля.

За конторкой дежурил прыщавый подросток — ночной служащий.

— Привет, мистер Джонсон.

— Привет, Эдвин. Ты не видел мистера Эрпа?

— Сегодня вечером — нет. Но я знаю, где он.

— Где же?

— Он в «Мелодеоне», играет в «очко».

— Он был в «Мелодеоне» днем.

— Что ж, он все еще там.

Джонсон посмотрел на настенные часы. Они тоже показывали десять тридцать.

— Он должен был встретиться со мной здесь.

— Наверное, позабыл, — сказал Эдвин.

— Мы с ним договорились.

— Наверное, он пьет, — предположил Эдвин.

— Ты не мог бы сходить туда и его привести?

— Я бы не прочь, но я должен оставаться здесь. Не беспокойтесь, мистер Эрп — ответственный человек. Раз он сказал, что придет, уверен, он вскоре явится.

Джонсон кивнул и снова заперся в своей комнате.

И стал ждать.

«Если они подойдут к двери, — подумал он, — мне лучше быть наготове».

Он сунул по заряженному пистолету в каждый сапог в ногах своей постели.

Время тащилось медленно.

В полночь он снова вышел в одних шерстяных носках, чтобы спросить насчет Эрпа, но Эдвин спал, и ключ от комнаты Эрпа висел позади него на стене, что означало — стрелок еще не вернулся из салуна.

Джонсон вернулся в комнату и снова стал ждать.

Весь отель был погружен в тишину.

Джонсон пристально смотрел на стрелки своих часов, слушал их тиканье и ждал.

В два часа что-то заскобило по стене. Он вскочил, подняв пистолет.

И снова слышал царапанье.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Снова скользящий звук.

— Убирайтесь! — дрожащим голосом сказал он.

Он услышал тихий писк, и царапанье быстро отдалилось. Теперь он узнал звук: «Крысы».

Джонсон тяжело сел, напряженный и измученный. Он потел, руки его дрожали. Это не то, чем он должен заниматься. Для такого у него кишка тонка. И где в любом случае Уайетт Эрп?

— Не могу понять, почему вы так кипятитесь, — сказал Эрп на следующий день.

— Мы заключили сделку, — сказал Джонсон. — Вот почему я так кипячусь.

Минувшей ночью он не сомкнул глаз и был сердитым и усталым.

— Да, заключили, — сказал Эрп. — Защищать ваши окаменелости от парней Кэрри.

— И я заплатил вам вперед.

— Да, заплатили.

— И где же вы были?

— Занимался тем, ради чего меня наняли, — ответил Эрп. — Играл всю ночь в очко. С парнями Кэрри.

Джонсон вздохнул. Он слишком устал, чтобы спорить.

— Ну а чего вы от меня ожидали? — спросил Эрп. — Что я оставлю салун, приду и буду сидеть вместе с вами в темноте?

— Просто я ничего не знал.

— У вас осунувшийся вид, — сочувственно проговорил Эрп. — Вам надо поспать.

Джонсон кивнул и повернулся, чтобы отправиться в отель.

— Хотите снова нанять меня на ночь? — окликнул Эрп.

— Да, — сказал Джонсон.

— Это будет стоить еще пять долларов, — сказал Эрп.

— Я не буду платить вам пять долларов за игру в очко!

Эрп пожал плечами:

— Поступайте, как знаете, парень.

Этой ночью Джонсон снова сунул в свои сапоги заряженные пистолеты и запасные патроны. Наверное, после полуночи он заснул, потому что проснулся от звука расщепляющегося дерева. Сломанная дверь открылась, и в комнату кто-то проскользнул. Дверь закрылась снова. Было темно, хоть глаз выколи: ящики загораживали окно.

— Фогги, — шепнул чей-то голос.

— Уайетт? — прошептал в ответ Джонсон.

Резкий звук взведенного курка. Шаги. Тишина. Дыхание в темноте.

Джонсон понял, что он — легкая мишень, слез с кровати и забрался под нее. Вынув из сапога один из своих пистолетов, он швырнул сапог в стену.

При звуке удара о стену мелькнул язычок пламени — человек выстрелил на звук. И тут же где-то в отеле кто-то завопил.

— Убирайтесь отсюда, кто бы вы ни были! — сказал Джонсон. Теперь комната была полна дыма. — У меня заряженный пистолет, уходите!

Молчание. Снова шаги. Дыхание.

— Это ты, юный Фогги?

Дверь снова открылась, вошел еще один человек.

— Он в постели, — слышался голос.

— Фогги, сейчас мы зажжем лампу. Просто сиди тихо, и мы все уладим.

Вместо этого люди начали палить по его кровати, расщепив ее раму.

Джонсон схватил свой второй пистолет и неумело разрядил оба.

Он услышал звук раскалывающегося дерева, стоны, стук падения, а потом, кажется, открылась дверь.

Он помедлил, перезаряжая оружие, нащупывая патроны в темноте. Он слышал дыхание — он не сомневался в этом и очень нервничал. Он представлял, как убийца сидит на корточках, прислушиваясь к паническому дыханию Джонсона, прислушиваясь к щелканью патронов, вставляемых в обойму, сосредоточившись на звуке, определяя, где находится Джонсон...

Он закончил перезаряжать пистолеты. Но ничего не происходило.

— О, Кармелла, — раздался печальный и усталый голос. — Я знаю, что я был...

Человек дышал теперь с трудом.

— Если бы я только мог нормально вздохнуть...

Он закашлялся и пнул пол. Раздался хрипящий звук, человек словно давился. А потом — ничего.

Джонсон записал в своем дневнике: «Тогда я понял, что убил человека, но в комнате было слишком темно, чтобы разглядеть, кто это. Я ждал на полу, держа наготове пистолеты на тот случай, если другой стрелок вернется. Я решил сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы. Но тут я услышал, как мистер Перкинс, хозяин отеля, окликает меня из вестибюля. Я отозвался и сказал, что не собираюсь стрелять. Тогда он появился в дверях с лампой, осветившей комнату и пол. Здесь лежал мертвым крупный человек, его кровь расплзлась под ним влажным ковром».

В широкой спине мужчины было три аккуратные пулевые раны.

Перкинс перевернул тело и в оплывающем свете лампы посмотрел в невидящие глаза Клема Кэрри.

— Мертвее мертвого, — пробормотал Перкинс.

В коридоре зазвучали голоса, а потом в дверной проем просунули головы несколько человек и с глупым видом вытаращили глаза.

— Двинься, ребята, двинься!

Судья Харлан грубо растолкал зевак и вошел в комнату.

«Наверное, Харлан в плохом настроении, потому что его вытащили из постели», — подумал Джонсон.

Оказалось, ничего подобного.

— Я оставил замечательную игру в покер, — сказал судья, — чтобы разбираться здесь с убийством.

Он уставился на тело.

— Это Клем Кэрри, не так ли?

Джонсон ответил, что так.

— По мне, общество ничего не потеряло, — сказал судья. — Что он здесь делал?

— Грабил меня, — ответил Джонсон.

— Следовало бы догадаться, — сказал судья Харлан.

Он отпил из фляжки и протянул ее Джонсону.

— Кто его пристрелил?

Джонсон ответил, что это сделал он.

— Что ж, — проговорил судья, — по-моему, все в порядке. Единственная закавыка: вы выстрелили ему в спину.

Джонсон объяснил, что было темно и он ничего не видел.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил судья. — Но дело в том, что вы выстрелили ему в спину трижды.

Джонсон сказал, что вообще не собирался никого убивать.

— Уверен, что так. Со мной у вас проблем не будет, но, когда об этом услышит Черный Дик (завтра или на следующий день, в зависимости от того, в городе ли он), у вас могут возникнуть неприятности.

Такое уже приходило Джонсону в голову, и ему не хотелось думать об этом слишком долго.

— Вы собираетесь покинуть Дедвуд? — спросил судья.

— Пока нет, — ответил Джонсон.

Судья Харлан сделал еще один глоток из фляжки.

— Я бы уехал, — сказал он. — Лично я уехал бы еще до рассвета.

После того как толпа ушла, Сэм Перкинс сказал, трогая дыры от пуль на стене:

— Ну, будь я проклят! Горячей работенкой вы тут занимались, мистер Джонсон, уж это точно.

— Кости им не достались.

— Так-то оно так, но вы вытряхнули посреди ночи из постелей всех моих постояльцев до единого, мистер Джонсон.

— Сожалею об этом.

— Эдвин, ночной служащий, так перепугался, что намочил штаны. Я не шучу.

— Извините.

— Я не могу управлять отелем, когда такое творится, мистер Джонсон. «Гранд Централ» имеет свою репутацию. Я хочу, чтобы эти кости сегодня же отсюда убрали!

— Мистер Перкинс...

— Сегодня, — повторил Перкинс, — и точка. И я возьму с вас за починку продырявленной стены. Это будет внесено в счет.

— Куда же мне перевезти ящики?

— Не моя проблема.

— Мистер Перкинс, эти кости ценны для науки.

— Наука от нас очень далеко. Просто уберите их отсюда.

Перевозка костей

Погрузив ящики в фургон, Джонсон на следующее утро отправился сперва в банк Дедвуда, но там сказали, что у них есть место только для золотого песка.

Тогда он попытался сунуться в «Текстильные товары Саттера». У мистера Саттера в задней части дома имела комната-сейф, где он хранил огнестрельное оружие, которым торговал. Мистер Саттер наотрез отказался принять ящики, но Джонсон воспользовался возможностью прикупить еще патронов для своих пистолетов.

Отель «Националь» был не таким разборчивым, как «Гранд Централ», и славился своей услужливостью. Но человек за конторкой сказал, что у него нет складских помещений.

«Салун и игорный дом» Филдера работал круглосуточно и являлся местом действия стольких перебранок, что Филдер держал вооруженную охрану для поддержания порядка. В салуне имелась достаточно большая задняя комната.

Филдер отказал.

— Это всего лишь кости, мистер Филдер.

— Может, да, а может, и нет. Что бы там ни было, на ящики нацелились парни Кэрри. Я не хочу в этом участвовать.

Полковник Рамси был склочным человеком, а в его конюшнях было много места.

Он просто покачал головой, когда Джонсон задал ему вопрос.

— Все боятся братьев Кэрри?

— Все, у кого есть здравый смысл, — ответил Рамси.

День подходил к концу, свет начал меркнуть, в городе быстро холодало.

Джонсон вернулся в свою фотостудию, «Художественную галерею Черных Холмов», но заказчиков у него не было. Казалось, за одну ночь он стал крайне непопулярен.

Он оглядывал студию, пытаясь придумать, куда здесь можно сложить кости, когда владелец помещения, Ким Синг, пришел из прачечной со своим младшим сыном — тем самым, который утащил когда-то с улицы мертвое тело.

Синг кивнул и улыбнулся, но, как обычно, ничего не сказал.

— Вам нужно место, чтобы сложить какие-то вещи? — спросил его сын.

Мальчик довольно хорошо говорил на английском.

— Да. Как тебя зовут?

— Канг.

— Мне нравятся твои сапоги, Канг.

Мальчик улыбнулся. Китайские мальчишки никогда не носили кожаных сапог. Его отец что-то ему сказал.

— Сложите свои вещи в китайском квартале.

— А можно?

— Да. Можно.

— Это должно быть безопасное место.

— Да. У Линг Чо есть сарай для инструментов, очень прочный и совсем новый, там есть замок и нет окон, кроме маленького окошка наверху.

— Где он?

— За рестораном Линг Чо.

Посреди чайна-тауна. Это было бы идеально. Джонсон ощутил прилив благодарности.

— Это очень любезно с вашей стороны, я так ценю ваше предложение. Во всем городе больше никто даже не...

— Десять долларов за ночь.

— Что?

— Десять долларов за ночь. Хорошо?

— Я не могу позволить себе десять долларов за ночь!

Не мигая:

— Можете.

— Это неслыханно.

— Такова цена. Хорошо?

Джонсон все обдумал.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо.

«В то время у меня все еще было больше тысячи фунтов окаменелостей, — позже вспоминал Джонсон. — Десять ящиков весили примерно сотню фунтов каждый. Я нанял сына Кима Синга, Канга, чтобы тот помог мне с фургоном. Я заплатил ему два доллара за день, и он их заслужил. Он все время спрашивал: “Что это?” — и я снова и снова говорил, что это старые кости. Но моя история не становилась более убедительной. Я и не знал,

что в Дедвуде столько китайцев. Мне казалось, что я вижу их гладкие бесстрастные лица повсюду: они наблюдали за мной, переговаривались друг с другом, стояли в четыре ряда вокруг сарая для инструментов, выглядывали из окон окружающих домов.

В конце концов, когда все ящики были аккуратно уложены в сарае для инструментов, Канг посмотрел на них и спросил:

— Почему вы так о них заботитесь?

Я сказал, что уже не знаю. Потом я отправился в “Гранд Централ” поужинать, а с наступлением ночи вернулся в сарай, чтобы держать вечернюю вахту у костей ящеров».

Ему не пришлось долго ждать. Около десяти часов смутные силуэты появились в высоком окне над дверью. Джонсон взвел курок пистолета. Снаружи было несколько людей; он слышал шепчущие голоса.

Окно, скрипя, открылось, и в него просунулась рука. Потом Джонсон увидел, как в узком оконном проеме появилась черноволосая голова, и прицелился.

— Убирайтесь, ублюдки!

Он вздрогнул, услышав пронзительное хихиканье. Это были дети, китайские дети.

Он опустил пистолет.

— Убирайтесь. Пошли вон, убирайтесь.

Хихиканье продолжалось. Шаркающие шаги — и он снова один. Джонсон вздохнул. «Хорошо, что я не поторопился выстрелить», — подумал он.

Снова послышалось шарканье.

— Вы что, не слышали меня? Убирайтесь отсюда!

«Наверное, они не говорят по-английски», — подумал он. Но большинство китайских детей сносно говорили по-английски. А старшие куда лучше понимали английский, чем желали признаться.

Еще одна еле видная голова просунулась в окошко.

— Убирайтесь, дети!

— Мистер Джонсон.

Это был Канг.

— Да?

— У меня для вас новости.

— Какие?

— Думаю, все знают, что вы здесь. Люди в прачечной болтают, что вы перенесли ящики сюда.

Джонсон застыл. Конечно, они знают. Он просто сменил одну комнату в городе на другую.

— Канг, ты знаешь мой фургон?

— Да, да.

— Он в конюшне. Ты сможешь сюда его привести?

— Да.

Казалось, Канг вернулся всего через несколько минут.

— Вели своим друзьям погрузить ящики как можно быстрее.

Канг так и сделал, и вскоре фургон был загружен. Джонсон дал ребятам доллар и велел уходить.

— Канг, а ты останься.

Китайский квартал был больше, чем казался, в нем постоянно строились новые улицы. Канг показал Джонсону, как вести фургон по узким переулкам. Один раз они остановились, когда по улице впереди в спешке поскакали четыре всадника.

— Ищут вас, думаю, — сказал Канг.

Они свернули на боковую дорогу и спустя несколько минут подъехали к высокой сосне, под которой Джонсон похоронил Маленького Ветра.

Земля здесь все еще была мягкой, и Джонсон с Кангом осторожно выкопали Маленького Ветра, задержав дыхание, когда вытащили его из ямы. Вонь была жуткой.

Десять ящиков занимали примерно столько же места, сколько еще две могилы, и Джонсон расширил выкопанную для Маленького Ветра яму и как можно ровнее сложил туда ящики. Потом положил Маленького Ветра поверх ящиков — тот как будто спал на них.

«Если бы при мне была камера и сейчас стоял день, я бы это сфотографировал», — сказал себе Джонсон.

Он снова забросал Маленького Ветра землей, раскидав ее вокруг, чтобы излишек не очень бросался в глаза, а потом присыпал место сосновыми иглами.

— Это наш секрет, — сказал он Кангу.

— Да, но он может быть еще секретнее.

— Конечно.

Джонсон вынул из кармана пятидолларовый золотой.

— Никому не рассказывай.

— Нет, нет.

Но он не верил, что мальчик не заговорит.

— Когда я буду уезжать, Канг, я заплачу тебе еще пять долларов, если ты сохранишь секрет.

— Еще пять долларов?

— Да, в день, когда покину Дедвуд.

Перестрелка

Тем же утром Черный Дик во время завтрака в ярости ворвался в «Гранд отель», пинком отворив дверь.

— Где мелкий ублюдок?

Его взгляд упал на Джонсона.

— Я не стрелок, — как можно спокойнее проговорил Джонсон.

— Нет, ты трус.

— Вы можете придерживаться любого мнения.

— Ты застрелил Клема в спину. Ты — желтобрюхая змея.

— Он меня грабил.

Дик сплюнул:

— Ты выстрелил ему в спину, сын ничтожной шлюхи!

Джонсон покачал головой:

— Вы меня не спровоцируете.

— Тогда послушай вот что, — сказал Дик. — Сейчас ты встретишься со мной на улице, или я отправлюсь в тот сарай в китайском городе, начиню динамитом все твои драгоценные ящики до единого и разнесу их вдребезги. Могу в придачу взорвать и каких-нибудь китайцев из тех, что тебе помогали!

— Вы не осмелитесь.

— Не вижу, кто может меня остановить. Хочешь наблюдать, как я взорву твои драгоценные кости?

Джонсон почувствовал, как его наполняет диковинная темная ярость. На него разом навалились все разочарования, все тяготы проведенных в Дедвуде недель. Он был рад, что перевез ящики в другое место.

Он начал дышать глубоко и медленно; кожа на его лице странно натянулась.

— Нет, — сказал он и встал. — Увидимся на улице, Дик.

— Прекрасно, — сказал Дик. — Я буду тебя ждать.

И Дик ушел, с силой захлопнув за собой дверь.

Джонсон находился в столовой отеля, и завтракавшие там люди смотрели на него. Все молчали. В окна лился солнечный свет. Джонсон слышал, как щебечут птицы.

Он слышал, как грохочут фургоны на улице, как люди кричат друг другу убираться, потому что сейчас здесь будет перестрелка. Он слышал, как миссис Уилсон в соседнем доме дает уроки пианино, как ребенок играет гаммы.

Джонсон чувствовал себя так, как будто не имел никакого отношения к реальности.

Несколько минут спустя в столовую торопливо вошел Уайетт Эрп.

— Что за глупость я слышал о вас и Дике Кэрри?

— Это правда, — ответил Джонсон.

Мгновение Эрп пристально смотрел на него, потом сказал:

— Последуйте моему совету и пойдите на попятный.

— Я не пойду на попятный, — ответил Джонсон.

— Вы умеете стрелять?

— Не очень хорошо.

— Прискорбно.

— Но все равно я выйду против него.

— Хотите совет? Или хотите умереть так, как сами задумали?

— Я буду благодарен за любой совет, — сказал Джонсон.

Он заметил, что у него дрожит губа и трясутся руки.

— Сядьте, — сказал Эрп. — Я побывал во множестве таких переделок, и всегда и везде одно и то же. Возьмем такого стрелка, как Дик: он довольно высокого мнения о себе и уже застрелил человека или двух. Он быстрый. Но большинство его жертв были пьяны или перепуганы, или и то и другое вместе взятое.

— Я-то уж точно перепуган.

— Прекрасно. Просто помните, большинство этих стрелков — трусы и задиры, и у них есть трюк, который работает на них. Вы должны избегать его трюков.

— Каких, например? Что за трюки?

— Некоторые из них пытаются стремительно на вас напасть, некоторые пытаются вас отвлечь... Они курят сигару, отбрасывают ее, ожидая, что вы, естественно, проследите за ней взглядом. Некоторые пытаются вас заговорить. Некоторые из них зевают, пытаясь заставить вас тоже зевнуть. Трюки.

— И что я должен сделать?

Сердце Джонсона стучало так громко, что он едва слышал собственный голос.

— Когда выйдете туда, не торопитесь. И не сводите с него глаз... Он может попытаться выстрелить в вас, едва вы шагнете на улицу. Ни на миг не спускайте с него глаз. Потом займите позицию, широко расставив ноги, держа равновесие. Не позволяйте втянуть вас в разговор. Сосредоточьтесь на нем. Не сводите с него взгляда, что бы он ни делал. Наблюдайте за его глазами. По его глазам вы увидите, когда он собирается разыграть свою карту, раньше, чем он шевельнет рукой.

— Как я это увижу?

— Увидите, не волнуйтесь. Дайте ему выстрелить первому, неторопливо вытащите пистолет, неторопливо прицельтесь и выстрелите прямо в середину его живота. Не делайте никаких модных штучек вроде прицеливания в голову. Уж постарайтесь. Выстрелите ему в живот и убейте его.

— О, господи.

До Джонсона стало доходить, что все это реально.

— Вы точно не пойдете на попятный?

— Да!

— Прекрасно, — сказал Эрп. — Не сомневаюсь, вы справитесь. Дик самоуверен, он думает, что вы — мишень. Нет ничего лучшего, чем выйти против самоуверенного человека.

— Рад слышать.

— Вы справитесь, — повторил Эрп. — Ваш пистолет заряжен?

— Нет.

— Лучше зарядите его, молодой человек.

Джонсон шагнул из отеля на утренний свет. Главная улица Дедвуда была пуста. На ней стояла тишина, если не считать урока пианино миссис Уилсон — монотонных гамм.

Черный Дик ждал в северном конце улицы, попыхивая сигарой. Широкие поля шляпы оставляли его лицо в густой тени. Нелегко было разглядеть его глаза, и Джонсон заколебался.

— Выходи, Фогги! — окликнул Дик.

Джонсон шагнул прочь от отеля, на улицу. Он чувствовал, как под ногами хлюпает грязь, но не смотрел вниз.

«Не своди с него взгляда, ни на миг не спускай с него глаз».

Джонсон вышел на середину улицы и остановился.

«Держи равновесие, широко расставь ноги».

Он ясно услышал голос миссис Уилсон:

— Нет-нет, Шарлотта. Следи за темпом.

«Сосредоточься. Сосредоточься на нем».

Их разделяло тридцать футов на главной улице Дедвуда в утреннем солнечном свете.

Дик засмеялся:

— Подойди ближе, Фогги.

— И так сойдет.

— Я едва тебя вижу, Фогги.

«Не дай ему себя заговорить. Наблюдай за ним».

— А я прекрасно, — сказал Джонсон.

Дик засмеялся. Смех его оборвался, и наступило молчание.

«Наблюдай за его глазами. Наблюдай за его глазами».

— У тебя есть последние желания, Фогги?

Джонсон не ответил. Он чувствовал, как сердце отчаянно колотится в груди.

Черный Дик отбросил сигару. Она пролетела по воздуху и зашипела в грязи.

«Не своди с него взгляда, что бы он ни делал».

Дик выхватил пистолет.

Все произошло очень быстро. Дика окутало облако густого черного дыма, и две пули просвистели мимо Джонсона, прежде чем тот вытащил свое оружие. Он почувствовал, как третья пуля сшибла с него шляпу, когда он прицелился и выстрелил. Пистолет дернулся в его руке. Он услышал крик боли:

— Сукин сын! Попал!

Джонсон взгляделся в дым, испытывая скорее удивление, чем какие-либо другие чувства. Сперва он ничего не видел; Дик как будто исчез с улицы. Потом дым рассеялся, и Джонсон увидел, что тот корчится в грязи.

— Ты меня подстрелил! Проклятье! Ты меня подстрелил!

Джонсон стоял и таращил глаза. Дик с трудом встал, сжимая плечо, из которого текла кровь; его раненая рука безжизненно висела. Она был весь в грязи.

— Будь ты проклят!

«Покончи с ним», — подумал Джонсон.

Но он уже убил человека, и теперь у него не хватило мужества выстрелить снова. Он наблюдал, как Дик, шатаясь, идет через улицу и садится на лошадь.

— Я тебя за это достану! Я достану тебя! — крикнул Дик и поскакал из города.

Джонсон наблюдал, как он уезжает. Он слышал отдельные приветственные возгласы и аплодисменты из окружающих зданий. У него кружилась голова и подрагивали ноги.

— Вы хорошо справились, — сказал Эрп. — Не считая того, что вы его не убили.

— Я не стрелок.

— Прекрасно. Но запомните, вы должны его убить. По-моему, его раны несмертельны, и теперь у вас есть враг на всю жизнь.

— Я не мог его убить, Уайетт.

Эрп некоторое время смотрел на Джонсона.

— Вы из Новой Англии, в том-то вся и проблема. Никакого здравого смысла. Знаете, вы должны убраться из города, пронто¹.

— Почему же?

— Потому, парень, что теперь у вас есть репутация. Джонсон засмеялся:

— Все в городе и так знают, кто я такой.

— Больше не знают, — ответил Эрп.

Оказалось, что Билл Фогги Джонсон, человек, уложивший Клема Кэрри, а потом вставший против его брата Дика, и в самом деле пресловутая знаменитость Дедвуда. Каждый, кто воображал, будто отлично владеет пистолетом, внезапно стал искать встречи с ним.

После того как Джонсон два дня выпутывался из назревающих перестрелок, он понял, что Эрп прав: вскоре ему придется покинуть Дедвуд. Он едва наскреб денег на то, чтобы купить еды и оплатить провоз груза на курьерском дилижансе, и приобрел билет на рейс следующего дня.

Когда начало смеркаться, он взял одну из лошадей и проверил, не потревожена ли земля на могиле Маленького Ветра. Пока она осталась нетронутой.

Земля затвердела на холоде, и Джонсон не оставил следов, но все-таки заставил себя немедленно уехать, чтобы его не заметили.

Тем временем Эрп устал от азартных игр и бесцельных ухаживаний за мисс Эмили. Он ожидал, что Дедвуд предложит ему пост маршала, но предложений не поступало, поэтому он собирался отправиться на зиму на юг.

— Когда вы уезжаете? — спросил его Джонсон.

— А вам-то что?

— Может, вы смогли бы поехать со мной.

¹ Быстро, незамедлительно (*исп.*).

— С вами и вашими костями? — засмеялся Эрп. — Парень, каждый бандит и головорез отсюда и до Шайенна только и ждет, когда вы покинете с этими костями Дедвуд.

— Я наверняка добрался бы до цели, если бы вы отравились со мной.

— Думаю, я подожду, чтобы сопроводить мисс Эмили.

— Мисс Эмили тоже могла бы поехать завтра, особенно если бы вы поехали вместе с нами.

Эрп пристально посмотрел на Джонсона:

— А что я с этого получу, парень?

— Держу пари, что дилижанс заплатит вам как курьеру.

Курьеры зарабатывали хорошие деньги.

— Ничего лучшего вы придумать не можете?

— Кажется, нет.

Наступило молчание. Наконец Эрп проговорил:

— Вот что я скажу. Если я доставлю вас в Шайенн, вы отдадите мне половину вашего груза.

— Половину моих костей?

— Верно, — ответил Эрп, широко улыбаясь и подмигивая. — Половину ваших костей. Как вам такое?

«И тут я понял, — написал Джонсон вечером 28 сентября, — что мистер Эрп такой же, как все остальные, и совершенно не верит, что в ящиках кости. Я столкнулся с моральной дилеммой. Мистер Эрп относился ко мне по-дружески и не раз мне помогал. Я просил его встретиться с настоящей опасностью, и он думал, что рискует жизнью ради сокровища. Моей обязанностью было разубедить его в этом алчном недоразумении. Но Запад научил меня многому — тому, чему не мог научить Йель. Человек должен сам позаботиться о себе, вот чему я научился. Поэтому я сказал лишь: “Мистер Эрп, я иду на сделку”».

Дилижанс покидал Дедвуд на следующее утро.

Джонсон проснулся спустя несколько часов после полуночи. Пора было вернуть ящики с костями.

Как и было заранее договорено, он снова нанял себе в помощь Канга, поскольку ни один белый человек не захотел бы выкапывать мертвого индейца.

Они выехали в фургоне из города и первым делом выкопали Маленького Ветра, от которого разило не так ужасно, как раньше, потому что воздух был холодным.

Один за другим ящики отправились в фургон. Они были грязными и влажными после пребывания под землей, но в остальном как будто в порядке.

На сей раз Джонсон заполнил большую часть могилы, прежде чем вернуть Маленького Ветра земле. При виде его он помедлил. Весь ужас заключался не в разлагающемся облике индейца, понял Уильям, он заключался в том, что беднягу хоронили трижды. Маленький Ветер погиб, чтобы защитить спутника, а тот взамен не позволил ему упокоиться в мире.

Дорога в Шайенн

Вернувшись в город, Джонсон ехал до самой станции дилижансов.

Дилижанс уже был там. Снова пошел снег, и холодный ветер со стоном проносился через Дедвуд-Галч.

Радуюсь, что уезжает, Джонсон один за другим поднял ящики в дилижанс. Несмотря на заверения агента, не все кости поместились наверху вместе с чудовищно толстым возницей, Крошкой Тимом Эдвардсом. Джонсону пришлось оплатить лишнее пассажирское место и поместить несколько ящиков внутрь экипажа. К счастью, он и мисс Эмили были единственными пассажирами.

Потом им пришлось дожидаться Уайетта Эрпа, которого нигде не было видно. Джонсон стоял в снегу рядом с мисс Эмили, оглядывая мрачную улицу Дедвуда.

— Может, он в конце концов не поедет, — сказал Джонсон.

— Думаю, он придет, — ответила мисс Эмили.

Пока они стояли в ожидании, к Джонсону подбежал рыжий мальчишка.

— Мистер Джонсон?

— Верно.

Мальчик отдал Джонсону записку и стремглав убежал. Джонсон развернул ее, быстро прочитал и скомкал.

— Что там? — спросила мисс Эмили.

— Просто прощальные слова от судьи Харлана.

Около девяти часов они увидели братьев Эрп, которые шагали к ним по улице, — похоже, оба тяжело нагруженные.

«Когда они подошли ближе, — писал Джонсон, — я увидел, что Эрпы приобрели коллекцию огнестрельного оружия. Я никогда раньше не видел, чтобы Уайетт Эрп носил пистолет — он редко ходил вооруженным на людях, — но теперь он тащил настоящий арсенал».

Эрп опоздал, потому что ему пришлось ждать открытия «Текстильных товаров Саттера», чтобы купить ружья. Он нес два обреза-дробовика, три магазинные винтовки Пирса, четыре револьвера Кольта и дюжину коробок с патронами.

— Похоже, вы ожидаете опасного дельца, — сказал Джонсон.

Эрп велел мисс Эмили забраться в дилижанс, после чего ответил:

— Давайте не пугать ее.

И он рассказал Джонсону, что они стоят лицом к лицу с «немалыми проблемами, и нет смысла притворяться, что беда не нагрянет».

Джонсон показал Эрпу записку, которая гласила: «Обещаю севодня ты пакойник нибуть я Дик Кэрри».

— Прекрасно, — сказал Эрп. — Мы готовы его встретить.

Брат Уайетта Морган основал прибыльное дело по перевозке дров и собирался остаться в Дедвуде на зиму, но сказал, что поедет с Уайеттом и дилижансом до Кастер-сити, города в пятидесяти милях к югу отсюда.

Крошка Тим перегнулся с козел.

— Вы собираетесь болтать весь день, джентльмены, или готовы к щелканью кнута?

— Мы готовы, — ответил Эрп.

— Тогда забирайтесь на борт этой штуки. Вы же не можете куда-то приехать, стоя посреди улицы, верно?

Джонсон залез в дилижанс, к мисс Эмили, и в десятый раз за утро позаботился о своих ящиках, туго притянув их к дну. Морган Эрп забрался на крышу дилижанса, а Уайетт поехал верхом.

К дилижансу подбежал мальчик-китаец в ковбойских сапогах и с обеспокоенным лицом — это был Канг.

Джонсон порылся в кармане и нашел пятидолларовый золотой.

— Канг!

Высунувшись из открытой дверцы, он подбросил сверкающую монету высоко в воздух. Канг с удивительным изяществом поймал ее на бегу.

Джонсон кивнул ему, зная, что никогда больше не увидит этого мальчишку.

Тим защелкал своими кнутами, лошади фыркнули и галопом покинули Дедвуд в кружащемся снегу.

Это было трехдневное путешествие до форта Ларами: один день — до Кастер-сити, в центр Черных Холмов; второй день — через предательский Красный Каньон до станции дилижансов «Красный Каньон» на южном краю

Черных Холмов; третий день — через равнины Вайоминга до недавно построенного железного моста, переброшенного через реку Платт к Ларами.

Эрп заверил Джонсона, что чем дальше они заедут, тем безопаснее будет путь, а если они доберутся до Ларами, то окажутся в полной безопасности: дорогу от Ларами до Шайенна патрулирует кавалерия.

Если они доберутся до Ларами.

«Между нами и целью нашего путешествия стояли три препятствия, — позже написал в своем дневнике Джонсон. — Первое — Черный Дик и его банда головорезов. Встречи с ними мы могли ожидать в течение первого дня. Второе препятствие — Хурма Билл и его индейцы-ренегаты. Встречи с ними стоило ожидать в Красном Каньоне на второй день пути. А третье препятствие оказалось самым опасным из всех и совершенно для меня непредвиденным».

Джонсон собирался с духом для рискованного путешествия, но не приготовился к его чисто физическим трудностям.

Плохая дорога в Черных Холмах замедляла путешествие. Обрывы были крутыми, и никого не успокаивало, что дилижанс под грузом костей зловеще покачивался рядом с осыпающимся краем. Несколько ручьев — Беар-Бьютт, Элк-Крик и Бокс-Элдер — из-за недавно выпавшего снега превратились во вздувшиеся, бушующие реки. То, что дилижанс был так тяжело нагружен, делало переправу через них особенно опасной.

Как объяснил Крошка:

— Если эта штукавина застревает в плывуне посреди реки, мы никуда не едем, кроме как верхом обратно за дополнительной упряжкой, чтобы вытянуть штуkenцию, — факт есть факт.

И наряду с этими трудностями на людей давила по-

стоянная угроза, что в любой миг могут напасть. Напряжение действовало на нервы, потому что малейшая задержка могла оказаться роковой.

Около полудня дилижанс остановился. Джонсон выглянул и спросил:

— Почему мы остановились?

— Не высовывайте голову! — огрызнулся Эрп. — Если не хотите ее потерять. Впереди упавшее дерево.

— И что?

Морган Эрп заглянул в дилижанс с крыши:

— Мисс Эмили? Я был бы вам премного обязан, мэм, если бы вы пригнулись и оставались в таком положении, пока мы снова не начнем двигаться.

— Это же просто упавшее дерево, — сказал Джонсон.

Во многих местах Черных Холмов слой земли был тонким, и деревья часто падали поперек дороги.

— Может, и так, — отозвался Эрп. — А может, и нет.

Он указал на то, что дорогу со всех сторон окружают высокие холмы. Деревья подступают к самой дороге, давая поблизости хорошее укрытие.

— Если они нацелились на нас, здесь подходящее место.

Крошка Тим слез с козел и пошел вперед, чтобы осмотреть упавшее дерево. Джонсон услышал резкое «клик-кляк» взведенных курков.

— Нам действительно грозит опасность? — спросила мисс Эмили.

Она совершенно не выглядела встревоженной.

— Думаю, да, — ответил Джонсон.

Он вытащил свой револьвер, осмотрел дуло и покрутил барабан.

Рядом с ним мисс Эмили слегка задрожала от возбуждения. Но дерево было маленьким и упало само собой. Крошка убрал его, и они поехали дальше.

Час спустя рядом с Силвер-Пик и Пактолой они наткнулись на оползень и повторили свои предыдущие действия, но вновь не встретились ни с какими проблемами.

«Когда на нас наконец напали, — писал Джонсон, — это было почти облегчением».

Уайетт Эрп закричал:

— Вы, там, внизу! Не высовывайтесь! — и его дробовик громыхнул.

Ответом были выстрелы сзади.

Они находились на дне Сэнд-Крик-Галч. Здесь дорога шла прямо, по обеим ее сторонам оставалось достаточно места, чтобы всадники держались вровень с дилижансом и разряжали свои пистолеты в открытый экипаж.

Пассажиры слышали, как Морган Эрп прямо над ними пробирается по крыше дилижанса, и почувствовали, как экипаж качнулся, когда Эрп занял позицию рядом с задней его частью.

Опять стрельба — и Уайетт отчетливо выкрикнул:

— Пригнись, Морг, я стреляю!

Еще выстрелы. Крошка стегнул кнутом лошадей, ругая их.

Пули застучали по дереву; Джонсон и Эмили нырнули на дно, но ящики с окаменелостями, ненадежно привязанные к сиденью, угрожали на них обрушиться. Джонсон встал на колени и попытался притянуть их потуже. Рядом с дилижансом скакал всадник, целясь в Джонсона — и исчез с лошади во внезапной вспышке.

Джонсон удивленно выглянул.

— Фогги! Не высовывайся! Я стреляю!

Джонсон нырнул обратно, и дробовик Эрпа выпалил мимо открытого окна. Выстрелы всадников расщепили дверной косяк дилижанса. Раздался вопль.

Бранясь и крича, Крошка хлестал лошадей; экипаж качался и подскакивал на неровной дороге; внутри дилижанса Джонсон и мисс Эмили наталкивались друг на друга «в манере, которая могла бы смутить, если бы не столь чрезвычайные обстоятельства, — позже написал Джонсон. — То, что происходило потом — казалось, прошли часы, хотя, наверное, всего минута-другая, — было нервирующей смесью свистящих пуль, галопирующих лошадей, криков и воплей, толчков и выстрелов... Пока, наконец, наш экипаж не завернул за поворот и мы не покинули Сэнд-Крик-Галч. Выстрелы оборвались, и мы в безопасности продолжили свой путь.

Мы выжили при нападении знаменитой банды Кэрри!»

— Только чертов дурак будет так думать, — сказал Уайетт, когда они остановились, чтобы отдохнуть и переменить лошадей на станции дилижансов Тайгервилла.

— А что, разве на нас напала не банда Кэрри? И разве мы от них не ушли?

— Послушай, парень, — сказал Уайетт. — Я знаю, что ты оттуда, с Востока, но не бывает настолько глупых людей.

Говоря это, он перезаряжал свой дробовик.

Джонсон ничего не понял, поэтому Морган Эрп объяснил:

— Ты очень нужен Черному Дику, и он не стал бы рисковать в такой дурацкой атаке.

Джонсон, которому атака показалась ужасающей, спросил:

— Почему — дурацкой?

— Рискованнее всего нападать верхом, — ответил Морган. — Всадники не могут как следует прицелить-

ся, черт возьми, экипаж все время движется, и, если им не удастся пристрелить одну из лошадей упряжки, дилижанс скорее всего уйдет. В точности, как ушел наш. Атака верхом — ненадежное дело.

— Тогда почему они попытались напасть именно так?

— Чтобы заставить нас расслабиться, — сказал Уайетт. — Чтобы мы больше не были начеку. Помяните мои слова, они знают, что мы должны остановиться и переменить упряжку в Тайгервилле. И сейчас скачут сломя голову, чтобы снова что-нибудь организовать.

— Организовать где?

— Если бы я знал, — сказал Уайетт, — я не беспокоился бы. Как думаешь, Морг?

— Где-нибудь между этим местом и Шериданом, я считаю, — ответил Морган Эрп.

— Я тоже так думаю, — сказал Уайетт Эрп, защелкнув свой дробовик. — И в следующий раз они возьмутся за дело всерьез.

Вторая атака

Спустя полчаса они остановились на краю соснового леса перед песчаными берегами Спринг-Крик. Вода в извилистой реке, больше сотни ярдов шириной, стояла обманчиво низко. Послеполуденное солнце сверкало на медленной, мирной ряби. На дальнем берегу виднелся густой темный сосновый лес.

Несколько минут все молча наблюдали за рекой. В конце концов Джонсон высунулся, чтобы спросить, чего они ждут. Морган Эрп перегнулся с крыши экипажа, хлопнул его по голове и приложил палец к губам — тихо!

Джонсон снова уселся в дилижансе, потирая голову, и вопросительно посмотрел на мисс Эмили.

Мисс Эмили пожала плечами и прилепнула комара.

Прошло несколько минут, прежде чем Уайетт Эрп обратился к Крошке:

— Как тебе все это?

— Не знаю, — ответил Крошка.

Эрп взгляделся в следы на песчаном берегу.

— Недавно здесь прошло много лошадей.

— Обычное дело, — сказал Крошка. — Шеридан всего в паре миль к югу на другом берегу.

Они снова замолчали, выжидая, прислушиваясь к тихому журчанию воды, к шуму ветра в соснах.

— Знаете, обычно у Спринг-Крик слышны голоса птиц, — в конце концов сказал Крошка.

— Слишком тихо? — спросил Эрп.

— Да, я сказал бы — слишком тихо.

— Какое здесь дно? — спросил Эрп, глядя на реку.

— Пока не сунешься — нипочем не узнаешь. Хотите вступить в игру?

— Пожалуй, да.

Эрп спрыгнул с козел, прошел назад и посмотрел на сидящих в дилижансе Джонсона и мисс Эмили.

— Мы попытаемся пересечь ручей, — тихо проговорил Эрп. — Если нам это удастся, все в порядке. Если мы угодим в переплет, не выходите, что бы ни услышали и ни увидели. Морг знает, что делать. Позвольте ему со всем управиться, ладно?

Он кивнул. У Джонсона пересохло во рту.

— Думаете, там засада?

Эрп пожал плечами:

— Для нее здесь подходящее место.

Он забрался обратно на козлы и взвел курок дробовика. Крошка хлестнул лошадей, и они рванулись через реку с головокружительной скоростью. Дилижанс закачался, когда колеса поехали по мягким песчаным бере-

гам, а потом с плеском запрыгали по камням в русле реки.

И тут началась стрельба. Джонсон услышал ржание лошадей, и дилижанс, в последний раз качнувшись, резко остановился прямо посреди реки.

— Ну все, крышка! — закричал Крошка, а Морган Эрп начал быстро палить.

— Я прикрою тебя, Уайетт!

Джонсон и мисс Эмили низко пригнулись. Пули свистели вокруг, и дилижанс качался, когда над головами пассажиров двигались мужчины.

Выглянув в щелку, Джонсон увидел, что Уайетт Эрп бежит, разбрызгивая воду, через реку к дальнему берегу.

— Он уходит! Уайетт нас оставляет! — крикнул Джонсон, а потом новый залп заставил его опять нырнуть в укрытие.

— Он нас не бросит, — сказала Эмили.

— Он только что это сделал! — в полной панике заорал Джонсон.

Внезапно дверца дилижанса распахнулась, и он завопил, когда Крошка прыгнул внутрь, упав на него и Эмили.

Крошка задыхался, лицо его было белым. Он захлопнул дверцу, которую уже расщепили полдюжины пуль.

— Что происходит? — спросил Джонсон.

— Мне там не место, — ответил Крошка.

— Но что происходит?

— Мы застряли посреди проклятой реки, вот что происходит! — крикнул Крошка. — Они убили одну лошадь в упряжке, поэтому мы никуда не едем, а Эрпы отстреливаются как безумные. Уайетт рванул прочь.

— У них есть план?

— Очень надеюсь, что есть, — сказал Крошка. — Потому что у меня его нет.

Выстрелы продолжали греметь, и он сжал руки и закрыл глаза. Губы его подергивались.

— Что вы делаете?

— Молюсь, — ответил Крошка. — Вам тоже лучше молиться. Потому что, если Черный Дик захватит этот дилижанс, он, без сомнения, убьет нас всех.

В красноватом вечернем свете дилижанс неподвижно стоял посреди Спринг-Крик.

На крыше дилижанса лежал Морган Эрп и стрелял в сторону деревьев на другом берегу. Уайетт благополучно добрался до этого берега и нырнул в сосновый лес. Почти тут же пальба оттуда стала не такой частой: теперь у банды Кэрри появился новый повод для беспокойства.

Потом на дальнем берегу раздался выстрел из дробовика и громкий, полный муки вопль. Он оборвался, и наступила тишина. Спустя мгновение прозвучали еще один выстрел дробовика и сдавленный крик.

Банда Кэрри перестала палить по дилижансу.

Потом кто-то крикнул:

— Не стреляй, Уайетт, пожалуйста, не...

Еще один выстрел.

На дальнем берегу внезапно начали перекрикиваться полдюжины человек, а потом стало слышно, как галопом мчатся кони...

И — ничего.

Морган Эрп постучал по крыше дилижанса.

— Все позади, — сказал он. — Они уехали. Теперь вы можете дышать.

Пассажиры с трудом встали и отряхнулись. Джонсон выглянул и увидел, что на дальнем берегу стоит, ухмыляясь, Уайетт Эрп; с его руки небрежно свисает дробовик с укороченным стволом.

Эрп медленно пошел обратно через ручей.

— Первое правило во время засады: всегда беги по направлению к огню, а не от него, — сказал он.

— Скольких вы убили? — спросил Джонсон. — Всех? Эрп снова ухмыльнулся:

— Ни одного.

— Ни одного?

— Лес густой, в десяти шагах уже ничего не видно. Я никогда их там не нашел бы. Но я знал, что они рассыпались вдоль берега и вряд ли могут видеть друг друга. Поэтому я просто несколько раз выстрелил из дробовика и издал несколько ужасающих криков.

— Уайетт и вправду может ужасно кричать, — сказал Морган.

— Так и есть, — подтвердил Уайетт. — Банда Кэрри запаниковала и сбежала.

— Вы имеете в виду, что просто их одурачили? — спросил Джонсон.

Он ощутил странное разочарование.

— Послушайте, — сказал Уайетт Эрп. — Одна из причин, по которым я еще жив, — это потому что я не напрашиваюсь на неприятности. Те парни не слишком сообразительны, и у них живое воображение. Кроме того, у нас есть проблема покрупнее, чем избавиться от братьев Кэрри.

— Да?

— Да. Мы должны вытащить дилижанс из реки.

— А в чем тут проблема?

Эрп вздохнул:

— Парень, ты когда-нибудь пытался ворочать дохлую лошадь?

На то, чтобы перерезать упряжь и пустить лошадь вниз по течению, ушел час.

Джонсон наблюдал за плывущим по реке темным трупом, пока он не исчез. С помощью пяти оставшихся

лошадей упряжки они сумели вытащить дилижанс из песка и доставить его на дальний берег.

К тому времени уже стемнело, и они быстро поехали к Шеридану, где раздобыли свежую упряжку.

Шеридан был маленьким городком с пятью десятками деревянных домов, но как будто все его жители вышли, чтобы поприветствовать приезжих. Джонсон удивился, увидев зажатые в машущих руках деньги.

Эрп собрал немало этих денег.

— Что происходит?

— Они держали пари на то, доберемся мы или нет, — сказал Эрп. — Я и сам сделал несколько ставок.

— И на что же вы ставили?

Эрп только улыбнулся и кивнул на салун:

— Знаете, с вашей стороны было бы благородно пойти туда вместе со мной и заказать всем виски.

— Думаете, мы должны пить в такое время?

— До Красного Каньона мы не столкнемся ни с какими проблемами, — сказал Эрп, — а меня мучит жажда.

Красный Каньон

Они добрались до города Кастера в десять часов вечера. Вечер выдался темным, и Джонсон был разочарован: он не смог увидеть самое знаменитое место в Черных Холмах — Частокол Гордона на Френч-Крик.

Всего год назад, в 1875-м, первые золотоискатели из партии Гордона построили бревенчатые дома, окруженные деревянной оградой в десять футов высоты. Эти люди явились в Черные Холмы, несмотря на угрозу нападения индейцев, и намеревались мыть золото и сдерживать краснокожих с помощью своих укреплений. Чтобы выставить их вон, понадобилось отправить кавалерию из форта Ларамии; в те дни армия все еще проводила

в жизнь договор с индейцами, и укрепления были заброшены.

Теперь все в Кастере говорили о новом договоре с индейцами. Хотя правительство все еще воевало с сиу, война обходилась дорого, ее цена уже достигла 15 миллионов, а в этот год должны были состояться выборы. Затраты на сражения и законность позиции правительства горячо обсуждались во время избирательной кампании в Вашингтоне. Поэтому Великий Белый Отец предпочитал закончить войну мирно, обсудив условия нового договора, и ради такой развязки представители правительства договорились встретиться с вождями сиу в Шеридане.

Но даже у специально отобранных вождей новые предложения вызвали отвращение. Большинство представителей правительства с ними согласились. Один из представителей, теперь возвращавшийся в Вашингтон, сказал Джонсону, что то было «самое трудное дело, что я делал в жизни, чтоб его».

— Мне плевать, сколько перьев человек носит в волосах: он все равно человек. Один из них, Красные Ноги, поглядел на меня и сказал: «Ты думаешь, это честно? Ты подписал бы такую бумагу?» И я не смог встретиться с ним глазами. Мне стало тошно. Вы знаете, что сказал Томас Джефферсон? — продолжал этот мужчина. — В тысяча восемьсот третьем году Томас Джефферсон сказал, что пройдет тысяча лет, прежде чем Запад будет полностью умиротворен. А он будет умиротворен меньше чем за сотню лет. Таков прогресс.

Джонсон записал в своем дневнике, что «представитель казался честным человеком, посланным делать бесчестную работу, и теперь не мог простить себя за то, что выполняет инструкции правительства. Когда мы прибыли, он был пьян и, когда уезжали, продолжал пить».

Морган Эрп покинул их в Кастере, и они продолжили путь без него.

К полуночи они миновали Ранчо Четвертой Мили и направились в Плезант-Вэлли. Ранчо Двенадцатой Мили и Ранчо Восемнадцатой Мили они миновали в темноте.

Незадолго до рассвета они добрались до входа в Красный Каньон.

Станция дилижансов Красного Каньона оказалась сожжена дотла, и все лошади украдены. Мухи летали вокруг дюжины оскальпированных тел — свидетельств, оставленных головорезами Билла Хурмы.

— Думаю, они не слышали о новом договоре, — лаконично сказал Эрп. — Сдается, мы не будем здесь есть.

Они тут же двинулись дальше через каньон.

Путешествие было напряженным и медленным, потому что они остались без свежих лошадей, но прошло без происшествий. У дальнего конца каньона они проследовали вдоль Хок-Крик к Кэмп-Кольеру, отмечавшему южный вход в Черные Холмы.

Теперь, при свете утра, они на час остановились, чтобы попасть лошадей и испустить длинный облегченный вздох.

— Теперь уже недолго, мистер Джонсон, — сказал Эрп. — И вы будете должны мне половину тех костей.

Джонсон решил, что пора рассказать правду.

— Мистер Эрп, — начал он.

— Да?

— Я, конечно, ценю все, что вы сделали, чтобы помочь мне выбраться из Дедвуда...

— Уверен, что цените.

— Но я должен кое-что вам сказать.

Эрп нахмурился:

— Вы отказываетесь от сделки?

— Нет-нет! — Джонсон покачал головой. — Но я должен сказать, что в ящиках и вправду только окаменелые кости.

— У-гу, — отозвался Уайетт Эрп.

— Просто кости.

— Я вас слышал.

— Они ценны только для ученых, для палеонтологов.

— Меня это вполне устраивает.

Джонсон слабо улыбнулся:

— Надеюсь лишь, вы не слишком разочаруетесь.

— Я попытаюсь, — сказал Эрп, подмигнул и ткнул его кулаком в плечо. — Просто помни, парень, что половина костей — моя.

«Он был настоящим другом, — записал Джонсон, — и я подозревал, что он мог бы стать опасным врагом. Поэтому я с некоторым трепетом продолжил путешествие в форт Ларами — первое цивилизованное место, которое я увидел за много месяцев».

Форт Ларами

Форт Ларами был армейской заставой, превратившейся в пограничный город, но гарнизон все еще задавал здесь настроение, и сейчас оно было горьким.

Больше восьми месяцев армия сражалась с индейцами и понесла серьезные потери. Самой большой потерей было истребление колонны Кастера при Литл-Бигхорн. Случались и другие кровавые стычки, при реке Паудер и Слим-Бьютс, но даже когда солдаты не сражались, положение оставалось суровым и трудным. Однако все вести с Востока говорили о том, что Вашингтон и остальная страна не поддерживают их усилий; в многочисленных статьях критиковалось ведение военной кампании против «благородных и незащищенных

краснокожих». Молодым людям, видевшим гибель своих товарищей, возвращавшимся на поле боя, чтобы похоронить оскальпированные и изувеченные тела друзей, находившим трупы с отрезанными гениталиями, засунутыми в рты, — этим солдатам было трудно понять восточные комментарии.

Армия считала, что ей приказали вступить в войну, не спрашивая ее мнения ни о возможности победить, ни о моральной стороне дела. Солдаты, как могли, выполняли приказы, добились значительного успеха и теперь были злы, что их не поддерживают и что они должны сражаться на непопулярной войне. То, что политики в Вашингтоне недооценили ни трудностей кампании против «жалких дикарей», ни возмущения, которое она вызовет в либеральных кругах восточных городов (несведущие писатели никогда в глаза не видели настоящего индейца и лишь фантазировали о том, каковы из себя индейцы), — во всем этом армия была не виновата.

Как заметил один капитан:

— Они хотят уничтожить индейцев и открыть земли для белых поселенцев, но не хотят, чтобы при этом кто-нибудь пострадал. Такое просто невозможно.

Добавим тот неприятный факт, что теперь война вошла в новую фазу. Армия была втянута в борьбу на истощение; в борьбу, во время которой планировалось убить всех бизонов и голодом принудить индейцев к подчинению. Но все равно большинство военных ожидали, что война продлится по меньшей мере три года и будет стоить еще 15 миллионов долларов — хотя никто в Вашингтоне не хотел об этом слышать.

На станции дилижансов на окраине города бушевали споры, аргументы швыряли туда-сюда.

Джонсон съел неаппетитный ланч из бекона и бисквитов и уселся на солнышке возле станции. С этого места он видел железный мост через Платт.

Больше десятилетия долину реки Платт брошюры Тихоокеанской железной дороги расписывали как «очень плодородный цветистый луг, покрытый сочными травами и орошаемый многочисленными ручьями». На самом деле то был суровый, безобразный край. Однако поселенцы продолжали сюда прибывать.

Со времен первых пионеров река Платт была известна как особенно предательская и трудная для переправы, и новый железный мост представлял собой еще одно маленькое улучшение в ряду перемен, открывавших Запад для поселенцев, делавших его более доступным.

Джонсон задремал на солнце и проснулся, когда кто-то сказал:

— Великолепный вид, не правда ли?

Он открыл глаза. Высокий человек курил сигару, пристально глядя на мост.

— Так и есть, — сказал Джонсон.

— Помню, в прошлом году об этом мосте только шли разговоры.

Высокий человек повернулся. По его щеке тянулся шрам, лицо было знакомым, но узнавание пришло медленно.

Нави Джо Бенедикт.

Правая рука Марша.

Джонсон быстро сел. У него осталось лишь одно мгновение на то, чтобы удивиться: что здесь делает Нави Джо? — перед тем, как знакомый приземистый субъект появился из станционного домика и встал рядом с Бенедиктом.

Профессор Марш взглянул на Джонсона и сказал в своей официальной манере:

— Доброго вам утра, сэр.

Он ничем не показал, что узнал Джонсона, и тут же повернулся к Бенедикту:

— Из-за чего задержка, Джо?

— Просто запрягают свежую упряжку, профессор. Мы будем готовы к отъезду через пятнадцать-двадцать минут.

— Посмотри, нельзя ли ускорить отъезд, — сказал Марш.

Нави Джо ушел, а Марш повернулся к Джонсону. Казалось, он его не узнал, потому что Джонсон сильно изменился с тех пор, когда они виделись в последний раз. Он стал более стройным и мускулистым, с длинной бородой. Волосы его не видели ножниц с тех пор, как он покинул Филадельфию больше трех месяцев тому назад, и отросли почти до плеч. Одежда его была грубой, перепачканной, покрытой коркой грязи.

— Вы здесь просто проездом? — спросил Марш.

— Верно.

— Куда направляетесь?

— В Шайенн.

— Едете с Холмов?

— Да.

— Из какого места?

— Из Дедвуда.

— Золотодобытчик?

— Да, — ответил Джонсон.

— Богатый участок?

— Не очень, — сказал Джонсон. — А что насчет вас?

— Вообще-то я и сам еду на север, в Холмы.

— Золотодобытчик? — втайне забавляясь, спросил Джонсон.

— Едва ли. Я — профессор палеонтологии из Йельского университета, — ответил Марш. — Я изучаю окаменелые кости.

— Да ну?

Джонсон не мог поверить, что Марш его не узнаёт, но, похоже, так оно и было.

— Да, — сказал Марш. — И я слышал, в Дедвуде есть кое-какие окаменелые кости.

— В Дедвуде? Вот как?

— Так говорят, — сказал Марш. — Похоже, им владеет какой-то молодой человек. Я надеюсь приобрести их и готов хорошо за них заплатить.

— О?

— Да, так и есть.

Марш вытащил толстый сверток банкнот и пристально обследовал их в солнечном свете.

— Я заплатил бы также за информацию об этом молодом человеке и его местонахождении.

Он внимательно посмотрел на Джонсона.

— Если вы понимаете, о чем я говорю.

— Сдается, не понимаю, — ответил Джонсон.

— Ну, вы же только что из Дедвуда, — сказал Марш. — Интересно, знаете ли вы что-нибудь об этом юноше.

— У него есть имя? — спросил Джонсон.

— Его зовут Джонсон. Совершенно беспринципный молодой парень. Раньше он работал на меня.

— Вот как?

— Совершенно верно. Но он покинул мою компанию и связался с бандой воров и грабителей. Полагаю, его разыскивают за убийство на других территориях.

— Вот как?

Марш кивнул:

— Вы что-нибудь о нем знаете?

— Никогда о таком не слышал. И как вы собираетесь заполучить кости?

— Если придется, куплю, — ответил Марш. — Но я собираюсь завладеть ими любой ценой.

— Значит, они вам очень нужны.

— Да, нужны. Видите ли, — Марш помолчал ради драматического эффекта, — эти кости, о которых я говорю, на самом деле — мои. Юный Джонсон украл их у меня.

Джонсон почувствовал, как его захлестнула ярость. Он наслаждался этим фарсом, но теперь покраснел от гнева.

Ему потребовалось все его самообладание, чтобы лаконично спросить:

— Вот как?

— Он лживый скунс, вне всяких сомнений, — сказал Марш.

— Похоже, скверный тип, — проговорил Джонсон.

В этот миг Уайетт Эрп вышел из-за угла и окликнул:

— Эй, Джонсон! Поднимайтесь! Мы двигаем.

Марш улыбнулся Джонсону.

— Ах ты маленький сукин сын, — сказал он.

Костяная сделка в Ларами

«Казалось, — писал Джонсон в своем дневнике, — множество голубков вернулись домой, чтобы перевести дух на насесте в Ларами».

Внимание большей части города было приковано к еще одной личности из прошлого Джонсона — Джеку Макколу по кличке Сломанный Нос.

Джек бежал из Дедвуда и явился в Ларами, где хватал тем, что убил Дикого Билла Хикока. Он говорил так свободно потому, что суд золотоискателей в Дедвуде обвинил его в этом убийстве — и оправдал, когда Джек заявил, будто Дикий Билл много лет назад прикончил его младшего брата, а он просто мстил за то преступление. В Ларами Джек открыто рассказывал об убийстве Хикока, уверенный, что его не будут судить за одно и то же преступление дважды.

Но он не сознавал, что суд золотоискателей Дедвуда не был признан законом. В Ларами его живо бросили в тюрьму и официально обвинили в убийстве Хикока. Поскольку Джек уже публично в нем признался, суд был

коротким: его осудили и приговорили к повешению — поворот событий, который «крайне его взбесил».

Пока шел суд над Джеком, на той же улице в салуне Саттера происходило нечто куда более важное для Джонсона.

Уайетт Эрп сидел за столом, попивая виски с Гофонилом Ч. Маршем и обсуждая продажу половины костей из ящиков Джонсона. Оба они умели ожесточенно торговаться, и переговоры заняли большую часть дня. Что касается Эрпа, его это как будто развлекало.

Джонсон сидел в углу вместе с мисс Эмили и наблюдал за переговорами.

— Не могу поверить, что это происходит, — сказал он.

— Чему вы так удивлены? — спросила она.

— Каковы были шансы на то, что я нарвусь на этого профессора? — вздохнул он. — Один на миллион или даже меньше.

— О, я так не думаю, — сказала мисс Эмили. — Уайетт знал, что профессор Марш в здешних краях.

По спине Джонсона медленно побежал холодок.

— Знал?

— Конечно.

— Откуда?

— Я была с ним в столовой отеля, когда он узнал, что в Шайенне какой-то университетский профессор скупает всевозможные окаменелости и спрашивает насчет костей в Дедвуде. Все золотоискатели над этим смеялись, но глаза Уайетта загорелись, когда он это услышал.

Джонсон нахмурился.

— Так вот почему он решил помочь мне доставить кости из Дедвуда в Шайенн?

— Да, — сказала Эмили. — Мы уехали на следующий день после того, как он услышал ту историю.

— Вы имеете в виду, что Уайетт всегда, с самого начала собирался продать мои кости Маршу?

— Думаю, да, — негромко проговорила Эмили.

Джонсон через салун сердито уставился на Эрпа.

— А я думал, он мой друг.

— Вы думали, он дурак, — сказала Эмили. — Но он ваш друг.

— Как вы можете так говорить? Посмотрите, вон он торгуется за каждый доллар. Такими темпами они будут спорить весь день.

— Да, — согласилась Эмили. — И все-таки я уверена, что Уайетт мог бы заключить сделку за пять минут, если бы собирался ее проверить.

Джонсон уставился на девушку:

— Вы имеете в виду...

Она кивнула:

— Не сомневаюсь, он гадает: почему вы сидите здесь, пока он задерживает ради вас профессора Марша?

— О, Эмили! — воскликнул Джонсон. — Я мог бы вас расцеловать!

— Мне бы этого хотелось, — тихо сказала она.

«Слишком много всего происходило одновременно, — писал Джонсон. — Голова у меня просто шла кругом от таких событий.

Вместе с Эмили я торопливо вышел на улицу и отложил поцелуй, чтоб послать ее за стофунтовым мешком риса, свертком брезента и лопатой с длинной ручкой. Сам я тем временем в спешке раздобыл большие камни, к счастью, находившиеся прямо под рукой — они остались после взрывов, которые устраивали, чтобы возвести новый мост через Платт».

Джонсон нашел еще одну китайскую прачечную и заплатил небольшую сумму за то, чтобы воспользоваться очагом и железным котлом для нагревания воды.

Он провел три часа, кипятя свежее рисовое тесто, пока оно не стало достаточно студенистым, а потом окуная в пастообразный отвар камни, которые ухватывал бамбуковыми прачечными щипцами.

Когда камни высохли, Джонсон посыпал их пылью, чтобы они как следует загрязнились. Рядом с жарким очагом камни высохли быстро. Наконец, он вынул драгоценные кости из всех десяти ящиков, положил свежеподготовленные камни в старые ящики и тщательно их заколотил, чтобы не осталось никаких признаков того, что их вскрывали.

К пяти часам вечера он совсем вымотался. Зато все окаменелые кости были надежно спрятаны на задах конюшни, завернутые в брезент и погребенные под кучей свежего навоза; лопата спрятана там же в соломе, а подмена укрыта таким же брезентом, каким был укрыт оригинал.

Вскоре после этого появились Эрп и Марш. Марш ухмыльнулся:

— Я рассчитываю, что наша нынешняя встреча будет последней, мистер Джонсон.

— Надеюсь на это, — ответил Джонсон с искренностью, какая Маршу и не снилась.

Начался дележ.

Марш хотел сперва открыть все десять ящиков и осмотреть кости, но Джонсон наотрез отказался. Подразумевалось, что дележ произойдет между ним и Эрпом и будет сделан наугад.

Марш поворчал, но согласился.

На середине процесса Марш сказал:

— Думаю, мне лучше заглянуть в один из ящиков, для уверенности.

— У меня нет возражений, — ответил Эрп. Он смотрел прямо на Джонсона.

— У меня множество возражений, — сказал Джонсон.

— О? И каких же? — спросил Марш.

— Я тороплюсь, — ответил Джонсон. — И, кроме того...

— Кроме того?

— Твой отец, — внезапно подсказала Эмили.

— Да, мой отец, — согласился Джонсон. — Сколько профессор Марш предложил вам за эти кости?

— Двести долларов, — ответил Уайетт.

— Двести долларов? Это неслыханно.

— Полагаю, это на двести долларов больше, чем есть у вас, — сказал Марш.

— Послушайте, Уайетт, — проговорил Джонсон. — Тут, в Ларами, есть отделение телеграфа. Я могу телеграфировать отцу, чтобы он прислал деньги, и завтра к этому же времени заплачу вам пятьсот долларов за вашу долю.

Марш потемнел:

— Мистер Эрп, мы заключили сделку.

— Так-то оно так, — сказал Эрп. — Но мне нравится, как звучит «пятьсот долларов».

— Я дам вам шестьсот, — заявил Марш. — Сейчас.

— Семьсот пятьдесят, — отозвался Джонсон. — Завтра.

Марш сказал:

— Мистер Эрп, я думал, мы договорились.

— Удивительно, как в нашем мире все непрерывно меняется, — заметил Эрп.

— Но вы даже не знаете, сможет ли этот молодой человек раздобыть деньги.

— Подозреваю, что сможет.

— Восемьсот, — сказал Джонсон.

Полчаса спустя Марш объявил, что будет счастлив забрать долю костей Эрпа немедленно, без осмотра и за тысячу долларов наличными.

— Но мне нужен этот ящик, — внезапно сказал он, разглядев тот, на боку которого виднелась маленькая метка Х. — Она что-то означает.

— Нет! — завопил Джонсон.

Марш вытащил оружие.

— Похоже, содержимое этого ящика имеет особую ценность. Если вы считаете, что ваша жизнь тоже имеет особую ценность, мистер Джонсон, — во что я не верю, — предлагаю без дальнейших дискуссий позволить мне взять выбранный ящик.

Марш погрузил ящики в фургон, и они с Нави Джо Бенедиктом двинулись на север, к Дедвуду, чтобы забрать остальные кости.

— Что он имел в виду — «остальные кости»? — спросил Джонсон, глядя, как фургон уезжает в закат.

— Я сказал ему, что мы оставили в Дедвуде еще тысячу фунтов костей, спрятанных в китайском городе, но вы не хотите, чтобы он о них знал, — ответил Эрп.

— Нам лучше двигаться, — сказал Джонсон. — Он недалеко отъедет, прежде чем вскрыет один из ящиков и обнаружит, что купил бесполезный гранит. И тогда вернется вне себя от ярости.

— Я готов ехать, — проговорил Эрп, пролистывая банкноты. — Возвращение из поездки в Дедвуд меня вполне удовлетворяет.

— Конечно, есть одна проблема.

— Вам нужны ящики взамен тех, которые вы только что потеряли, — сказал Эрп. — Держу пари, в армейском гарнизоне они есть, ведь армия нуждается в провианте.

Не прошло и часа, как они раздобыли десять ящиков приблизительно того же размера, как те, которые взял Марш.

Джонсон вырыл кости из навозного ложа и тщательно, но быстро их упаковал. Ящик с зубами дракона по-

лучил на боку новую метку Х, что доставило Джонсону больше удовольствия, чем он мог выразить словами.

Спустя несколько минут они уехали в Шайенн.

Эрп сидел на козлах вместе с Крошкой. Внутри дилижанса мисс Эмили пристально смотрела на Джонсона.

— Ну?

— Что «ну»?

— Полагаю, я была очень терпеливой.

— Я думал — может, вы девушка Уайетта, — сказал Джонсон.

— Девушка Уайетта? С чего вам это взбрело в голову?

— Ну, я так подумал.

— Уайетт Эрп — шельмец и бродяга. Человек, который живет ради волнения, азартных игр, стрельбы и других зыбких занятий.

— А я?

— Вы — другой, — сказала она. — Вы храбрый, но к тому же утонченный. Держу пари, вы и целуетесь по-настоящему утонченно.

Она ждала.

«Я безотлагательно получил, — записал Джонсон в своем дневнике, — один урок, а именно: неблагоразумно целоваться внутри подпрыгивающего дилижанса. У меня оказалась глубоко прокушена губа, из нее обильно текла кровь, что притормозило, но не остановило дальнейшие опыты подобного рода».

И добавил: «Надеюсь, она не знала, что я никогда раньше не целовал девушку в той страстной французской манере, какая, похоже, ей нравилась. Если не считать одного раза с Люсьеной. Но одно могу сказать про Эмили: если она про это и знала, то ничего не сказала, за что — и за все другое, пережитое с нею в Шайенне, — я бесконечно благодарен».

Шайенн

В невообразимо великолепном номере отеля «Интер-Оушен» (который в прошлый раз показался ему кишашим тараканами притоном) Джонсон несколько дней наслаждался отдыхом — вместе с Эмили.

Но сперва, едва прибыв и расписавшись в книге записи постояльцев, он удостоверился, что в «Интер-Оушене» есть комната-сейф со стальными стенами, с новым замком с часовым механизмом, сконструированным для банков для защиты от предполагаемых грабителей. Носильщики перенесли ящики в эту комнату. Джонсон дал им щедрые чаевые, чтобы они не возмущались и не шепнули насчет ящиков своим менее дружелюбным коллегам.

В первый день он отмокал подряд в четырех ваннах, потому что после каждой выяснялось, что он все еще грязный. Казалось, пыль прерий никогда не расстанется с его кожей.

Джонсон посетил парикмахера, который постриг его волосы и бороду. Было страшновато сидеть на стуле и изучать в зеркале собственное лицо. Джонсон не мог к нему привыкнуть: черты были незнакомыми. У него стало лицо другого человека — более худое, твердое, решительное. А еще этот шрам над верхней губой; он ему порядком нравился, и Эмили тоже.

Парикмахер шагнул назад с ножницами в одной руке и расческой в другой.

— Как вам, сэр?

Как и все остальные в Шайенне, парикмахер обращался с Джонсоном уважительно. Не потому, что тот был богат — никто в Шайенне об этом не знал; скорее из-за его манер, из-за того, как тот держался. Сам того не желая, Джонсон выглядел человеком, способным пристрелить другого — потому что теперь он уже это делал.

— Сэр? Как вам? — снова спросил парикмахер.

Джонсон не знал. В конце концов он сказал:

— Очень нравится.

Он повел Эмили ужинать в лучший ресторан в городе. Они угощались устрицами из Калифорнии, вином из Франции и *poulet a l'estragon*¹. Джонсон заметил, что Эмили узнала марку вина.

После ужина они пошли под руку по улицам города. Джонсон помнил, каким опасным казался ему Шайенн, когда он посетил его в прошлый раз. Теперь город выглядел сонным маленьким железнодорожным узлом, населенным неведомо что из себя изображающими хвастунами и картежниками. Даже самые грубые с виду жители делали шаг в сторону по дощатой мостовой, когда Джонсон проходил мимо.

— Они видят, что у тебя пистолет, — сказала Эмили, — и что ты умеешь им пользоваться.

Довольный, Джонсон рано отвел Эмили обратно в гостиницу, в постель.

Они оставались там большую часть следующего дня. Он замечательно провел время, и она тоже.

— Куда ты отправишься теперь? — спросила она на третий день.

— Обратно в Филадельфию, — ответил Джонсон.

— Я никогда не была в Филадельфии, — сказала Эмили.

— Тебе там понравится, — ответил он, улыбаясь.

Она радостно улыбнулась в ответ:

— Ты и вправду хочешь, чтобы я поехала?

— Конечно.

— Действительно?

— Не глупи.

¹ Курица с эстрагоном (фр.).

Но Джонсон начал чувствовать, что она всегда на шаг опережает его. Она, похоже, знала отель лучше, чем он ожидал, и с непринужденной фамильярностью общалась с человеком за конторкой и официантами в столовой. Некоторые как будто даже ее узнали. А когда они с Эмили прогуливались по улицам и рассматривали витрины, она легко распознавала восточную моду.

— Думаю, вот это очень хорошенькое.

— Здесь оно кажется неуместным... Не то чтобы я был экспертом в таких делах.

— Ну, девушкам с Востока нравится знать, что сейчас в моде.

Позже у него появилась причина поразмыслить над этим ее заявлением.

Пройдя несколько шагов по деревянному тротуару, Эмили спросила:

— Какая она, твоя мать?

Джонсон давно уже не думал о матери. Сама мысль о ней была своего рода потрясением.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я просто думала, как мы с ней встретимся.

— Что ты имеешь в виду?

— Понравлюсь ли я ей.

— О, конечно!

— Ты думаешь, я ей понравлюсь, Билл?

— Очень понравишься, — ответил Джонсон.

— Ты говоришь не слишком уверенно. — Она очаровательно надулась.

— Не глупи!

Он сжал ее руку.

— Давай вернемся обратно в отель, — сказала она. И быстро лизнула его в ухо.

— Прекрати, Эмили.

— А что такое? Я думала, тебе это нравится.

— Нравится, но не здесь. Не на людях.

— Почему? Никто на нас не смотрит.

— Знаю, но так поступать не годится.

— Да какая разница? — Она нахмурилась. — Если никто на нас не смотрит, какая разница?

— Не знаю, но разница есть.

— Ты уже вернулся в Филадельфию, — сказала она, отступив и сердито глядя на него.

— Ну же, Эмили...

— Вернулся.

Но он лишь повторил:

— Не глупи.

— Я не глуплю, — сказала она. — И я не еду в Филадельфию.

Джонсон не нашелся что ответить.

— Я просто была бы там не на своем месте, — сказала она, вытирая слезу со щеки.

— Эмили...

Она открыто заплакала:

— Я знаю, о чем ты думаешь, Билл. Я знала это уже несколько дней.

— Эмили, пожалуйста...

Джонсон понятия не имел, о чем она говорит, потому что последние три дня были самыми изумительными в его жизни.

— Все бесполезно... Не прикасайся ко мне, пожалуйста... Это бесполезно, вот и все.

Они бок о бок молча пошли обратно в отель. Эмили высоко держала голову и время от времени шмыгала носом. Он чувствовал себя неловко, сконфуженно и не знал, что делать.

Спустя некоторое время Джонсон взглянул на нее и увидел, что она больше не плачет. Она была в ярости.

— После всего, что я для тебя сделала, — сказала она. — Ты наверняка давно уже погиб бы от руки Дика, если бы я тебе не помогла, и ты никогда не выбрался бы из Дедвуда, не уговори я Уайетта тебе помочь, и ты потерял бы кости в Ларами, если бы я не помогла тебе придумать план...

— Это правда, Эмили.

— И вот твоя благодарность! Ты отбросил меня в сторону, как старую тряпку.

Она была не на шутку сердита. Но каким-то образом Джонсон осознал, что это *его* отбрасывают в сторону.

— Эмили...

— Я сказала — не прикасайся ко мне!

Он почувствовал облегчение, когда к ним подошел шериф, вежливо прикоснулся к шляпе, глядя на Эмили, и спросил Джонсона:

— Вы — Уильям Джонсон из Филадельфии?

— Да.

— Тот, что остановился в «Интер-Оушене»?

— Да.

— У вас есть какие-нибудь удостоверения личности?

— Конечно.

— Прекрасно, — сказал шериф, вынимая пистолет. — Вы арестованы. За убийство Уильяма Джонсона.

— Но я — Уильям Джонсон.

— Не вижу, как вы можете им быть. Уильям Джонсон мертв. Поэтому кем бы вы ни были, вы наверняка не он, не так ли?

На его запястьях защелкнулись наручники. Джонсон посмотрел на Эмили:

— Эмили, скажи ему!

Она повернулась на каблуках и, не говоря ни слова, пошла прочь.

— Эмили!

— Пойдемте, мистер, — сказал шериф и подтолкнул Джонсона в сторону тюрьмы.

Прошло некоторое время, прежде чем всплыли детали. В свой первый день в Шайенне Джонсон телеграфировал отцу в Филадельфию, прося прислать 500 долларов. Его отец тут же дал телеграмму шерифу, сообщая, что в Шайенне кто-то выдает себя за его погибшего сына.

Все, предъявленное Джонсоном — его перстень Йельского университета, несколько измятых писем, газетные вырезки из дедвудского «Блэк Хиллс Уикли Пионир», — было расценено как доказательства того, что он ограбил мертвеца, которого, вероятно, сам и прикончил.

— Этот парень, Джонсон — студент с Востока, — сказал шериф, рассудительно прищурившись на Джонсона. — Так что ты не можешь им быть.

— Но это я, — настаивал Джонсон.

— И он богат.

— Я богат.

Шериф засмеялся.

— Хорошая шутка. Ты — богатый студент с Востока, а я — Санта-Клаус.

— Спросите девушку. Спросите Эмили.

— О, я спросил, — заверил шериф. — Она сказала, что очень в тебе разочаровалась, что ты много о себе наплел, а теперь она видит, кто ты есть на самом деле. Она кутит в твоём отеле и распродает ящики с чем-то там, которые ты привез в город.

— Что?!

— Она тебе не друг, мистер, — сказал шериф.

— Она не может продавать те ящики!

— Не вижу, почему бы нет. Она говорит, что они принадлежат ей.

— Они принадлежат мне!

— Нет смысла так кипятиться, — сказал шериф. — Я связался с кое-какими людьми, приехавшими из Дедвуда. Похоже, ты появился там с мертвым индейцем и мертвым белым. Я поставлю сто против одного, что белый был Уильямом Джонсоном.

Джонсон начал было объяснять, но шериф поднял руку.

— Я уверен, у тебя есть история, которая все разъяснит. У таких типов она всегда есть.

Шериф вышел из тюрьмы, и Джонсон услышал, как его помощник спросил:

— Кто этот парень?

— Какой-то головорез, вообразивший себя невесть кем, — ответил шериф и отправился выпить.

Помощник был подростком шестнадцати лет. Джонсон отдал ему свои сапоги, чтобы тот послал в Филадельфию вторую телеграмму.

— Шериф будет вне себя, если об этом узнает, — сказал помощник. — Он хочет отправить вас в Янктон, чтобы вас там судили за убийство.

— Просто пошлите ее, — сказал Джонсон.

Он быстро писал: «Дорогой отец. Прости, что я разбил яхту. Помнишь ручную белку летом 71-го? Мамину лихорадку после рождения Эдварда. Предупреждение директора Эллиса об отчислении из Экстера. Я и вправду жив, и ты причиняешь огромные проблемы. Пошли деньги и сообщи шерифу. Твой любящий сын Мизинчик».

Помощник прочитал телеграмму медленно, шевеля губами, и поднял глаза.

— Мизинчик?

— Просто пошлите ее, — сказал Джонсон.

— Мизинчик?

— Так меня звали в раннем детстве.

Помощник покачал головой. Но отослал телеграмму.

— Послушайте, мистер Джонсон, — сказал шериф несколько часов спустя, отпирая камеру. — Я искренне заблуждался. Я просто выполнял свой долг.

— Вы получили телеграмму? — спросил Джонсон.

— Я получил три телеграммы, — ответил шериф. — Одну от вашего отца, одну от сенатора Камерона из Пенсильвании и одну от мистера Хайдена из Геологической службы в Вашингтоне. Судя по всему, будут и другие телеграммы. Я говорю — я искренне заблуждался.

— Да все в порядке, — сказал Джонсон.

— Вы не держите на меня зла?

Но Джонсон думал уже о другом:

— Где мой пистолет?

Он нашел Эмили в холле отеля «Интер-Оушен». Она пила вино.

— Где мои ящики?

— Мне нечего тебе сказать.

— Что ты сделала с моими ящиками, Эмили?

— Ничего. — Она покачала головой. — Это всего лишь старые кости. Они никому не нужны.

Джонсон с облегчением упал в соседнее кресло.

— Не понимаю, почему они для тебя так важны, — сказала она.

— Важны, вот и все.

— Что ж, надеюсь, ты получил деньги, потому что отель осведомляется о счете, а мои улыбки человеку за конторкой теряют свою привлекательность.

— У меня есть деньги. Отец прислал...

Но она не слушала, пристально глядя мимо него. Глаза ее загорелись.

— Коллис!

Джонсон обернулся, чтобы взглянуть, кто там. Приземистый строгий мужчина в черном костюме расписывался в книге постояльцев у конторки портье. Этот человек — у него было скорбное выражение бассет-хаунда¹ — посмотрел в их сторону.

¹ Бассет-хаунд — порода собак с вислыми ушами, веками и губами, что создает грустное выражение морды.

— Миранда? Миранда Лапхэм?

Джонсон нахмурился:

— Миранда?

Эмили, сияя, поднималась с кресла:

— Коллис Хантингтон¹, что ты делаешь в Шайенне?

— Господи помилуй, это Миранда Лапхэм!

— Миранда? Лапхэм? — переспросил Джонсон, сбитый с толку не только новым именем Эмили, но и внезапной мыслью о том, что он, возможно, вообще не знает, кто она такая на самом деле. И почему она ему солгала?

Приземистый человек обнял Эмили с теплой медлительной фамильярностью.

— Надо же, Миранда, ты выглядишь замечательно, просто замечательно.

— Как приятно видеть тебя, Коллис.

— Дай-ка мне на тебя посмотреть, — сказал он и, сияя, сделал шаг назад. — Ты нисколько не изменилась, Миранда. Не скрою, я скучал по тебе, Миранда.

— И я по тебе, Коллис.

Крупный мужчина повернулся к Джонсону.

— Эта красивая молодая леди — лучший лоббист железных дорог, который когда-либо был в Вашингтоне.

Джонсон ничего не ответил. Он все еще пытался сложить все части воедино. Коллис Хантингтон, Вашингтон, железные дороги... Господи! Коллис Хантингтон! Один из Большой четверки «Сентрал Пасифик» в Калифорнии. Коллис Хантингтон, явный коррупционер, каждый год путешествовавший в Вашингтон с чемоданом, полным денег для конгрессменов, человек, которого однажды описали как «безупречно бесчестного».

¹ Коллис Поттер Хантингтон (1821—1900) — крупный промышленник и бизнесмен, один из создателей железной дороги «Сентрал Пасифик» через нынешние штаты Юта, Невада и Калифорния.

— Все по тебе скучают, Миранда, — продолжал Хантингтон. — Все до сих пор о тебе спрашивают. Боб Артур...

— Дорогой сенатор Артур...

— И Джек Кирнс...

— Уполномоченный Кирнс, такой обаятельный человек...

— И даже генерал...

— Генерал? Он все еще обо мне спрашивает?

— Да, — печально сказал Хантингтон, качая головой. — Почему бы тебе не вернуться, Миранда? Вашингтон всегда был твоей первой любовью.

— Хорошо, — внезапно сказала она. — Ты меня убедил.

Хантингтон повернулся к Джонсону:

— Ты не собираешься представить мне своего компаньона?

— Он — никто, — ответила Миранда Лапхэм, мотнув головой так, что ее локоны очаровательно качнулись. Он взяла Хантингтона за руку. — Пойдем, Коллис, мы прекрасно пообедаем, и ты сможешь рассказать мне новости из Вашингтона. Столько всего нужно сделать! Тебе, конечно, придется найти для меня дом и снабдить кое-чем...

Они ушли под руку в столовую, а ошеломленный Джонсон остался сидеть, где сидел.

На следующее утро в восемь часов, чувствуя себя так, будто он за несколько месяцев прожил целое десятилетие, он сел на идущий на восток поезд «Юнион Пасифик»; все десять ящиков уложили в гроыхающий багажный вагон.

Монотонность путешествия была как нельзя более приятной, и Джонсон наблюдал, как пейзаж за окном становится все зеленее. Верхние листья дубов, кленов

и яблонь говорили о наступлении осени. На каждой остановке он выходил и покупал местные газеты, замечая, как в передовицы просачивается восточная точка зрения на индейские войны и на разные другие вопросы.

Утром четвертого дня он телеграфировал из Питтсбурга Копу, сообщая, что выжил и хотел бы явиться к нему поговорить; о ящиках с костями он не упомянул. Потом Джонсон телеграфировал своим родителям и попросил, чтобы этим вечером за ужином приготовили еще одно место.

Он прибыл в Филадельфию 8 октября.

Четыре встречи

На вокзале Джонсон нанял человека с пустым фургоном зеленщика, чтобы тот привез его к дому Копы на Пайн-стрит в Филадельфии. Поездка была недолгой, и по прибытии обнаружилось, что Копу принадлежат два примыкающих друг к другу похожих каменных трехэтажных дома: один был жилым, во втором находились частный музей и кабинеты. Самое удивительное — Коп жил всего в семи-восьми кварталах от Риттенхаус-сквер, где мать Джонсона уже готовилась к появлению сына.

— Который дом — жилой? — спросил Джонсон хозяина фургона.

— Не знаю, но думаю, этот парень вам подскажет, — ответил тот, показывая куда-то.

«Парнем» был сам профессор Коп, который прыгал вниз по ступенькам.

— Джонсон!

— Профессор!

Коп крепко пожал ему руку и решительно заключил в твердые объятия.

— Вы живы и...

Он заметил брезент в задней части фургона:

— Возможно ли?

Джонсон кивнул:

— Это не было невозможно — пожалуй, лучше ответить так.

Ящики перенесли напрямик в музейную половину владений Копа. Миссис Коп пришла с лимонадом и вафлями, и все уселись. Хозяева охали над историями Джонсона, волновались из-за его внешности, восклицали над его ящиками с костями.

— Я велю секретарю расшифровать все записи о ваших приключениях, — сказал Коп. — Нам понадобятся доказательства того, что кости, которые мы раскопали в Монтане, — те самые, что теперь находятся в Филадельфии.

— Возможно, некоторые сломались, потому что фургон и ящики сильно трясло, — сообщил Джонсон. — К тому же некоторые кости могут оказаться с дырами от пуль и с отколотыми кусками, но по большей части все они здесь.

— Зубы бронтозавра? — спросил Коп; руки его возбужденно подергивались. — Зубы все еще у вас? Это может бросить на меня тень, но я беспокоился о них с того дня, как мы слышали, что вы убиты.

— Ящик здесь, профессор, — сказал Джонсон, найдя ящик с пометкой Х.

Коп тут же его распаковал, поднял зубы один за другим и очень долго пристально смотрел на них как зачарованный. Потом выложил в ряд, как делал это на сланцевом утесе много недель тому назад, почти в двух тысячах милях к западу отсюда.

— Поразительно, — сказал он. — Совершенно поразительно. Маршу еще много лет трудно будет с этим сравняться.

— Эдвард, — заметила миссис Коп, — не лучше ли нам отослать мистера Джонсона домой, к его семье?

— Да, конечно, — ответил Коп. — Им, наверное, не терпится вас увидеть.

Отец Джонсона тепло его обнял.

— Благодарю Бога за твое возвращение, сын.

Мать, стоя наверху лестницы, с плачем сказала:

— Из-за бороды ты выглядишь ужасно вульгарным, Уильям. Избавься от нее немедленно.

— Что случилось с твоей губой? — спросил отец. — Ты ранен?

— Индейцы, — ответил Джонсон.

— По-моему, это следы зубов, — сказал брат Эдвард.

— Так и есть, — ответил Джонсон. — Индеец забрался в фургон и укусил меня. Хотел проверить, каков я на вкус.

— Укусил тебя за губу? Он что, пытался тебя поцеловать?

— Они дикари, — ответил Джонсон. — И непредсказуемы.

— Тебя поцеловал индеец! — сказал Эдвард, хлопая в ладоши. — Тебя поцеловал индеец!

Джонсон закатал штанину и показал всем шрам в том месте, где его ногу пронзила стрела. Потом предъявил обломок стрелы.

Он решил не рассказывать о многих деталях и ничего не сказал об Эмили Уильямс — или Миранде Лапхэм, или как там ее звали на самом деле. Зато рассказал, как хоронил Жабу и Маленького Ветра.

Эдвард ударился в слезы и убежал наверх, в свою комнату.

— Мы просто рады, что ты вернулся, сын, — сказал отец, внезапно сделавшись на вид намного старше прежнего.

Осенний семестр уже начался, но декан Йельского университета все равно разрешил Джонсону приступить к занятиям.

Уильям не отказал себе в драматическом эффекте: облачился в западную одежду, прицепил свой пистолет и в таком виде вошел в столовую.

Все в комнате затихли. Кто-то сказал:

— Это Джонсон! Уилли Джонсон!

Джонсон дошагал до стола Марлина, который обедал с друзьями.

— Полагаю, ты должен мне деньги, — своим самым лучшим грубым голосом сказал Джонсон.

— Какой у тебя колоритный вид! — сказал Марлин, смеясь. — Ты должен представить меня своему портному, Уильям.

Джонсон не ответил.

— Следует ли мне предположить, что у тебя было много дешевых западных приключений и ты убивал людей в настоящих перестрелках? — спросил Марлин, разыгрывая комедию перед своими слушателями.

— Да, — ответил Джонсон. — Ты не ошибся бы.

Шутовская улыбка Марлина слегка поблекла — он не был уверен, что именно Джонсон имеет в виду.

— Полагаю, ты должен мне деньги, — повторил Джонсон.

— Мой дорогой брат, я тебе вообще ничего не должен! Если помнишь, по условиям нашего пари ты должен был сопровождать профессора Марша, а весь институт знает, что ты недалеко с ним уехал, прежде чем он вышвырнул тебя вон как мошенника и подлеца.

Одним быстрым движением Джонсон схватил Марлина за воротник, без усилий поднял на ноги и ударил его о стену.

— Ты, сопливый маленький ублюдок, отдашь мне тысячу долларов или я раскрою тебе башку!

Задыхающийся Марлин заметил шрам Джонсона.

— Я тебя не знаю.

— Да, но ты у меня в долгу. А теперь скажи всем, что ты собираешься сделать.

— Я собираюсь заплатить тебе тысячу долларов.

— Громче.

Марлин повторил это громко. Люди в комнате засмеялись. Джонсон уронил Марлина, который, съездившись, упал на пол, и вышел из столовой.

Гофониил Марш жил один в поместье, которое построил на холме близ Нью-Хейвена. Поднимаясь по холму, Джонсон ощутил одиночество и уединенность жизни Марша, его потребность в одобрении, общественном положении и признании.

Ему показали, где находится гостиная; Марш работал там один и поднял глаза от рукописи, над которой трудился.

— Вы посылали за мной, профессор Марш?

Марш сердито уставился на него:

— Где они?

— Вы имеете в виду кости?

— Конечно, я имею в виду кости! Где они?

Джонсон не отвел глаза под свирепым взглядом Марша. Он понял, что больше не боится этого человека, насколько.

— Кости у профессора Копа, в Филадельфии. Все.

— Правда ли, что вы нашли останки неизвестного до-селе динозавра громадного размера?

— Я не могу об этом говорить, профессор.

— Вы — слабоумный глупец! — сказал Марш. — Вы прощляли возможность стать великим. Коп никогда этого не опубликует, а если опубликует, его отчет будет настолько торопливым, настолько полным погрешностей, что никогда не заслужит признания научной обществен-

ности. Вы должны были привезти кости в Йель, где их могли бы должным образом изучить. Вы дурак и предатель своего института, Джонсон.

— Это все, профессор?

— Да, все.

Джонсон повернулся, чтобы уйти.

— Еще одно, — сказал Марш.

— Да, профессор?

— Я не думаю, что вы сможете вернуть кости?

— Не могу, профессор.

— Тогда кончено, — тоскливо проговорил Марш. —
Все кончено.

Он вернулся к своей рукописи, его перо зацарапало по бумаге.

Джонсон покинул комнату.

Идя к выходу из дома, он прошел мимо скелетика миниатюрной лошади мелового периода, *Eohippus*. Этот бледный скелет из далекого прошлого был красив и прекрасно собран. Почему-то это опечалило Джонсона. Он повернулся и поспешил вниз по холму, к институту.

Постскриптум

Коп

Эдвард Дринкер Коп умер без единого цента в кармане в 1897 году в Филадельфии, растратив семейное состояние и свою энергию на сражения с Маршем. Он все еще был относительно молод, всего пятидесяти шести лет от роду. Но он видел первый собранный скелет бронтозавра в Йельском музее Пибоди и опубликовал более четырнадцати сотен трудов. Ему приписывают открытие и название более тысячи видов позвоночных и более пятидесяти видов динозавров. Он сказал, что одного из них, *Anisonchus sopher*¹, назвал «в честь противников Копы, которые меня окружают!». Он пожертвовал свое тело науке и наказал, чтобы после смерти размер его мозга сравнили с размером мозга Марша — в то время общепризнанным было мнение, что размер мозга обуславливает интеллект. Марш отклонил этот вызов.

Марш

Гофониил Чарльз Марш умер спустя два года после Копы, одинокий и озлобленный, в доме, который для себя построил. Он был похоронен на кладбище Грив-стрит в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. Он и его охотники за окаменелостями открыли пятьсот с лишним различных окаменелых животных, включая около восьмидесяти динозавров; всех их он назвал в свою честь.

¹ Вторая часть названия, имитирующая латинское слово, означает по-английски «ненавистник Копы».

Эрп

Уайетт Эрп умер 13 января 1929 года в арендованном бунгало рядом с пересечением Венис-бульвар и Креншоу-бульвар в Лос-Анджелесе, после того как сыграл в немых фильмах, а потом продал права на историю о своей жизни «Коламбия пикчерз». В последние годы на него очень сильно влияла его жена, Джози. За два года до смерти он рассказал историю своей жизни так, как ее запомнил, или скорее так, как предпочел ее запомнить, Стюарту Н. Лэйку, писателю из Пасадины. Будучи опубликована под названием «Уайетт Эрп, маршал фронта»¹, книга произвела потрясающее впечатление и обеспечила Эрпу долгую славу.

Штернберг

Чарльз Хазелиус Штернберг стал знаменитым американским коллекционером окаменелостей и палеонтологом-любителем и описал время, проведенное с Копом. Фактически он работал на Копу, когда тот умер, и узнал о его смерти спустя три дня, получив телеграмму непосредственно от жены покойного. Штернберг написал две книги: «Жизнь охотника за ископаемыми» (1909) и «Охота на динозавров на пустошах реки Ред-Дир, Альберта, Канада» (1917). Именно он обнаружил моноклона, или, как его обыкновенно называют, «рогатого динозавра». Он процитировал Копу, говоря: «Никто не может сказать, что любит нас, бессмысленно уничтожая наш труд; никто не любит Бога, который бессмысленно уничтожает своих созданий». Собранные Штернбергом окаменелости выставлены в музеях по всему миру.

¹ Граница (англ.) — фронт, по которому осуществлялось освоение Дикого Запада.

От автора

«Биография, — заметил Оскар Уайльд, — добавляет смерти ужаса». Даже в художественном труде о давно умерших людях есть причины поразмыслить над этим мнением.

Читателям, незнакомым с этим периодом американской истории, может, будет интересно узнать, что профессора Марш и Коп были реальными людьми и их соперничество и вражда изображены здесь без преувеличения — в действительности они даже смягчены, поскольку девятнадцатый век способствовал такому накалу личных предубеждений, что сейчас в него трудно поверить.

Коп и вправду отправился в пустоши Монтаны в 1876 году и обнаружил зубы бронтозавра — в общем и целом именно так, как рассказано здесь¹. Вражда между Копом и Маршем, которая продолжалась больше десятилетия, сжата здесь до единственного лета и описана с некоторыми изменениями. Например, именно Марш изготовил фальшивый череп, чтобы его нашел Коп, и так далее. Однако правда, что во многих случаях работники Копы и Марша стреляли друг в друга — с куда более серьезными намерениями, чем те, о которых здесь рассказано.

Уильям Джонсон — личность полностью вымышленная. Я не стал бы считать этот роман историческим.

¹ Чарльз Х. Штернберг в своих мемуарах «Жизнь охотника за ископаемыми» приписывает это открытие Копу. Другие приписывают открытие бронтозавра Маршу. — *Прим. ред. оригинального издания.*

Для ознакомления с историей читайте детальный отчет Чарльза Штернберга о поездке Копы в пустоши Монтаны в книге «Жизнь охотника за ископаемыми».

Я в долгу перед Э. Н. Колбертом, выдающимся палеонтологом и куратором Американского музея естественной истории, за то, что он обратил мое внимание на историю Марша и Копы, за его любезные письма, в которых он предложил написать о них роман. А его книги дали мне первые сюжетные зацепки.

И в заключение: читатели, которые изучают книги с фотографиями, как это делал я, должны быть очень осторожны с подписями. Появилась новая разновидность книг, в которых аутентичные картины Запада сопровождаются мрачной, элегической прозой. Подписи на вид соответствуют фотографиям, но они не соответствуют фактам: такой печальный, меланхолический настрой — чистейший анахронизм. Города вроде Дедвуда сейчас могут казаться нам унылыми, но тогда они были оживленными местами, и их обитателей захватывала тамошняя жизнь. Слишком часто люди, которые делают подписи к фотографиям, потакают собственным несведущим фантазиям насчет этих снимков и того, что они означают.

Все события 1876 года произошли так, как здесь изложено, за исключением того, что Марш не возил в тот год партию студентов (он ездил в экспедиции ежегодно предыдущие шесть лет, но остался в Нью-Хейвене в 1876 году, чтобы встретиться с английским биологом Т. Г. Гексли). Также все собранные Копом кости в целостности и сохранности приехали на миссурийском пароходе и ни одна не попала в Дедвуд, а Роберт Льюис Стивенсон не ездил на Запад до 1879 года. Описания индейских войн точны, как это ни печально, и, глядя на них сто с лишним лет спустя, можно с уверенностью сказать, что американский Запад, описанный на страницах этого романа, как и мир динозавров, существовавший задолго до него, вскоре был навеки утрачен.

Послесловие

Преданность Майкла своему ремеслу была бесконечной: за свою сорокалетнюю с лишним карьеру он написал тридцать две книги; его труд вдохновил много фильмов, и он сам как режиссер, сценарист и продюсер создал культовые фильмы и телепрограммы. Он никогда не работал над следующим проектом, а всегда — над следующими *проектами*. Майкл постоянно читал, вырезая интересные статьи, собирая исследования для новой работы, следя за прошлым, наблюдая за настоящим и думая о будущем. Он любил рассказывать истории, в которых размывались границы фактов и сценариев возможных событий.

Вы всегда расставались с романом, фильмом или телепрограммой Крайтона, становясь умнее и желая большего. Поскольку его труд замешен на основательных научных исследованиях, вы невольно верили, что — да, динозавров можно вернуть с помощью ДНК, найденной в хорошо сохранившемся комаре, а наноботы могут действовать разумно и независимо, нанеся огромный ущерб своим создателям-людям и окружающей среде.

Его работы сейчас так же своевременны и привлекательны, как и всегда, что доказывает громадный успех франшизы «Парк юрского периода» и ремейк его классического фильма «Мир Дикого Запада», сделанный телеканалом НВО.

Почитание наследства Майкла было моей неизменной миссией с тех пор, как он скончался. Составляя архив,

я быстро поняла, что возможно проследить рождение «Зубов дракона» до письма 1974 года куратору палеонтологии позвоночных Американского музея естественной истории. Прочитав рукопись, я могла описать «Зубы дракона» только словами «чистейший Крайтон». У этого романа голос Майкла, здесь его любовь к истории, исследованиям и науке, динамично вплетенные в эпическую фабулу. Сегодня, почти сорок лет после того, как Майкл впервые задумал роман о волнениях и опасностях ранней палеонтологии, написанная им история воспринимается так же свежо и интересно, как воспринималась им тогда.

Книга «Зубы дракона» была очень важна для Майкла, будучи предшественницей его «другой истории о динозаврах». Ее публикация — чудесный способ представить Майкла новым поколениям читателей по всему миру и доставить чистейшее наслаждение давним фанатам Крайтона, которые есть везде.

Я вложила в публикацию «Зубов дракона» душу и хочу поблагодарить следующих людей за помощь в моих усилиях: моего творческого партнера Лорана Бузеро, Джонатана Бёрнэма, Дженнифер Барт и команду издательства «Харпер», Дженнифер Джоэл и Слоуна Харриса из ICM Partners, замечательную команду из «Архивов Майкла Крайтона», Майкла С. Шермана и Пейдж Дженкинс и, конечно, нашего любимого сына Джона Майкла Крайтона-младшего.

Шерри Крайтон

Библиография

Штернберг Чарльз. Жизнь охотника за ископаемыми. М.—Л.: Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы, 1936¹.

Barnett, Leroy. Ghastly Harvest: Montana's Trade in Buffalo Bones // Montana: The Magazine of Western History, vol. 25, no. 3 (Summer 1975): 2—13.

Barton, D. R. Middlemen of the Dinosaur Resurrection: The Jimmy Valentines of Science // Natural History (May 1938): 385—87.

Barton, D. R. The Story of a Pioneer Bone-Setter // Natural History (March 1938): 224—227.

Colbert, Edwin H. Battle of the Bones. Cope & Marsh, the Paleontological

Antagonists // Geo Times, vol. 2, no. 4 (October 1957): 6—7, 14.

Colbert, Edwin H. Men and Dinosaurs: The Search in Field and Laboratory. New York: Dutton, 1968.

Colbert, Edwin H. Dinosaurs: Their Discovery and Their World. New York: Dutton, 1961.

Connell, Evan. Son of the Morning Star: Custer and the Little Big Horn. Berkeley, California: North Point Press, 1984.

Dippie, Brian W. «Bold but Wasting Race: Stereotypes and American Indian Policy». Montana: The Magazine of Western History, vol. 25, no. 3 (Summer 1975): 2—13.

¹ К оригинальной библиографии следует добавить еще один текст, существующий на русском языке: Глава 7. Коуп против Марша: Спор из-за окаменелостей // Хеллман, Хал. Великие противостояния в науке. Десять самых захватывающих диспутов. М.: ИД «Вильямс», 2007.

Eiseley, Loren. The Immense Journey: An Imaginative Naturalist Explores the Mysteries of Man and Nature. New York: Vintage Books, 1959.

Fisher, David. The Time They Postponed Doomsday // New Scientist (June 1985): 39—43.

Grinnell, George Bird. An Old-Time Bone Hunt // Natural History (July—August 1923): 329—36.

Hanson, Stephen and Patricia Hanson. The Last Days of Wyatt Earp // Los Angeles Magazine (March 1985): 118—126.

Howard, Robert West. The Dawnseekers: The First History of American Paleontology // New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975.

Jeffery, David. Fossils: Annals of Life Written in Rock // National Geographic, vol. 168, no. 2 (August 1985): 182—191.

Josephson, Matthew. The Robber Barons: The Great American Capitalists 1861—1901 // New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1934.

Lake, Stuart. Wyatt Earp: Frontier Marshal // New York: Houghton Mifflin Company, 1931.

Lanham, Uri. The Bone Hunters // New York: Columbia University Press, 1973.

Marsh, Othniel Charles. The Dinosaurs of North America // Annual Report of U. S. Geological Survey (January 1896).

Matthew, W. D. Early Days of Fossil Hunting in the High Plains // Natural History (September—October 1926): 449—454.

Mountfield, David. The Railway Barons // New York: W. W. Norton, 1979.

Nield, Ted. Sticks, Stones and Broken Bones // New Scientist (December 1985): 64—67.

O'Connor, Richard. Iron Wheels and Broken Men. New York: Putnam, 1973.

Osborn, Henry Fairfield. Cope: Master Naturalist: The Life and Letters of Edward Drinker Cope. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1931.

Ostrom, John H. and J. S. McIntosh. Marsh's Dinosaurs. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1966.

Parker, Watson. Gold in the Black Hills // Norman: University of Oklahoma Press, 1966.

Plate, Robert. The Dinosaur Hunters: Othniel C. Marsh and Edward D. Cope // New York: D. McKay Co., 1964.

Reinhardt, Richard. Out West on the Overland Train // New Jersey: Castle Books, 1967.

Rice, Larry. Badlands // Adventure Travel (July—August 1981): 38—44.

Rice, Larry. «The Great Northern Plains». Backpacker (May 1986): 48—52.

Romer, A. S. Cope Versus Marsh // Systemic Zoology, vol. 13, no. 4 (1964): 201—7.

Scott, Douglas D. and *Melissa A. Connor.* Post-mortem at the Little Bighorn // Natural History (June 1986): 46—55.

Shor, Betty. The Fossil Feud Between E. D. Cope and O. C. Marsh // Hicksville, New York: Exposition Press, 1974.

Stein, Ross S. and *Robert C. Bucknam.* Quake Replay in the Great Basin // Natural History (June 1986): 28—36.

Taft, Robert. Photography and the American Scene // New York: Dover Publications Inc., 1964.

West, Linda and *Dan Chure.* Dinosaur: The Dinosaur National Monument Quarry // Jensen, Utah: Dinosaur Nature Association, 1984.

Wolf, Daniel. The American Space // Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 1983.

Содержание

Вступление	7
Часть первая. ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗАПАД	9
Часть вторая. ЗАТЕРЯННЫЙ МИР	83
Часть третья. ЗУБЫ ДРАКОНА	157
Постскриптум	278
От автора	280
Послесловие	282
Библиография	284

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Майкл Крайтон

ЗУБЫ ДРАКОНА

Ответственный редактор *Д. Субботин*

Редактор *Г. Буровин*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *М. Зыкова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 09.02.2018. Формат 60х90¹/₁₆.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.
Тираж 4000 экз. Заказ Е-314.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-04-090545-4

9 785040 905454 >

В электронном виде на сайте

www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

От автора «Парка Юрского периода» и «Мира Дикого Запада»

«Один из лучших романов Крайтона: обилие точных деталей, блестящая научная эрудиция, с головой захватывающее действие».

Booklist

«Фанаты Крайтона будут очарованы, а новички сразу поймут, почему его книги бешено популярны».

Library Journal

Майкл Крайтон – автор ряда бестселлеров № 1 по версии «Нью-Йорк таймс», получивших всемирную известность. Его книги разошлись общим тиражом более 200 миллионов экземпляров. По романам Крайтона сняты «Парк Юрского периода» и нашумевший сериал «Мир Дикого Запада». А телеканал «National Geographic» уже работает над сериалом по мотивам «Зубов дракона».

США, 1876 год. Студент Уильям Джонсон в запале заключил пари и теперь должен отправиться с университетским профессором на поиски костей ископаемых животных – на Запад, в земли, где правительство ведет с индейцами войну на уничтожение, а суровые золотоискатели противостоят бандам головорезов. Но Джонсон не подозревает, что это далеко не все опасности, которые его ждут...

ISBN 978-5-04-090545-4

9 785040 905454 >